

К.КАУТСКИЙ

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
УЧЕНИЕ
КАРЛА МАРКСА

ГОСПОЛИТИЗДАТ

1 9 5 6

Э

К

К.КАУТСКИЙ

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
УЧЕНИЕ
КАРЛА МАРКСА

1 9 5 6

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА

Каутский Карл
Экономическое учение Карла Маркса

Редактор *О. Арас*

Оформление художника *Н. Седельникова*
Технический редактор *А. Данилина*
Ответственные корректоры *А. Белая,*
Н. Вишляева и В. Сарычева

Подписано в печать 26 апреля 1956 г. Формат 84 × 108¹/₃₂. Физ. печ. л. 71¹/₄.
Условн. печ. л. 17,015. Учётно-изд. л. 12,4. Тираж 100 тыс. экз. А-04542.
Знак № 1122. Цена 3 р. 85 к.

Государственное издательство политической литературы.
Москва, В-71, В. Калужская, 15.

Министерство культуры СССР. Главное управление полиграфической промышленности. Отпечатано во 2-й типографии «Печатный Двор» им. А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26, с матриц 3-й типографии «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Имя Карла Каутского (1854—1938 гг.) знакомо советскому читателю. Вступив в рабочее движение в 70-х годах прошлого века, Каутский вначале разделял взгляды, далёкие от марксизма. Затем он познакомился с Марксом и Энгельсом и стал сторонником их учения, хотя весьма непоследовательным. Маркс и Энгельс резко критиковали ошибки Каутского, его склонность к филистерству.

После смерти Энгельса западноевропейские социал-демократические партии быстро пошли по пути перерождения. Из партий социальной революции они стали превращаться в партии «социальных реформ». Коренные грехи II Интернационала — отрыв теории от практики, забвение революционных задач пролетариата, «борьба» с оппортунизмом на словах при капитуляции перед ним на деле — нашли в Каутском, одном из вождей этого Интернационала, своё яркое воплощение. Эти пороки дали роковые плоды при первых же выстрелах мировой империалистической войны 1914—1918 гг. Как и другие вожди II Интернационала, Каутский предал дело социализма.

В годы первой мировой войны Каутский стал прямым пособником империалистической буржуазии. При этом он выступал в особенно опасной, прикрытой форме, возглавляя течение так называемых «центристов», которые на словах клялись в верности марксизму, а на деле изменяли ему. После победы Великой Октябрьской социалистической революции Каутский выступил её ярым противником, уже открыто порвав с марксизмом.

Но в своё время Каутский сделал немало для пропаганды марксизма, для распространения его идей вширь.

Его популярные работы сыграли определённую роль в распространении основ марксистского учения. Они выходили многочисленными изданиями на различных языках, изучались в пропагандистских кружках. Для многих пролетарских революционеров в ряде стран, в том числе и в России, произведения Каутского служили первоначальным введением в круг идей марксизма. Именно о работах этого периода Ленин впоследствии писал: «Мы знаем из многих работ Каутского, что он *умел* быть марксистским историком, что *такие* работы его останутся прочным достоянием пролетариата, несмотря на позднейшее ренегатство» (В. И. Ленин, т. 28, стр. 246).

К числу такого рода произведений относится «Экономическое учение Карла Маркса» — едва ли не самое известное из всего, что вышло из-под пера Каутского. Написанная в 1886 г., эта книга была, по свидетельству Каутского, просмотрена Энгельсом в рукописи. Особенность этой работы Каутского в том, что автор даёт здесь популярное изложение «Капитала» Маркса (главным образом в пределах первого тома), близко придерживаясь подлинника. Он широко цитирует Маркса. Но и там, где Каутский передаёт содержание «Капитала», не прибегая к цитатам, он старается воспроизводить ход мысли Маркса, используя его аргументацию и даже художественные образы, оживляющие текст. В этом основное достоинство книги.

Каутский ограничивает своё изложение почти исключительно рамками капиталистического строя. Он не использует замечательных указаний Маркса, дающих ключ к пониманию докапиталистических общественно-экономических формаций. Но, воспроизводя марксов анализ капиталистического способа производства, Каутский довольно подробно освещает исторические условия развития капитализма.

Живой, творческий марксизм, способный к развитию в условиях меняющейся исторической обстановки, остался для Каутского книгой за семью печатями. Несмотря на то, что работа Каутского «Экономическое учение Карла Маркса» переиздавалась много раз при жизни автора, он даже не упоминает о новой фазе в развитии капитализма — империализме, окончательно сложившемся на рубеже XIX и XX веков. Известно, что марксистский

анализ империализма был дан В. И. Лениным. Дальнейшая разработка теории империализма принадлежит ученикам В. И. Ленина, выдающимся руководителям Коммунистической партии Советского Союза и братских марксистско-ленинских партий зарубежных стран.

Следует также заметить, что в книге Каутского «Экономическое учение Карла Маркса» весьма бледно изложен ряд важнейших глав и разделов «Капитала». В первую очередь это относится к ярким, волнующим страницам о первоначальном накоплении, об обнищании рабочего класса, об исторической тенденции капиталистического накопления. Таким образом, книга Каутского не даёт полного представления о всём богатом содержании экономического учения Маркса. Произвольной и неудачной является разбивка всей книги на три отдела.

Таковы общие недостатки книги Каутского. Наиболее существенные из частных ошибок и неточностей отмечены в редакционных примечаниях. Издательство считает, что, несмотря на эти недостатки, книга Каутского принесёт несомненную пользу при изучении основ марксистской теории. Прочтя эту книгу, читатель легче сможет приступить к изучению «Капитала», гениального труда Маркса, в котором содержится всё основное, что дал марксизм до Ленина в области экономической теории.

Настоящее издание воспроизводит издание Госполитиздата 1938 г., которое представляло собой перевод с первого немецкого издания и включало из последующих изданий дополнения, которые обогащают текст существенными положениями или фактическими данными.

Для настоящего издания текст перевода вновь просмотрен редактором А. Леонтьевым, причём внесён ряд улучшений. Цитаты из «Капитала» даны по русскому изданию 1955 г., цитаты из других работ Маркса («Нищета философии», «Наемный труд и капитал») и Энгельса («Анти-Дюринг») даны по последним русским изданиям.

Февраль 1955 г.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

ТОВАР, ДЕНЬГИ, КАПИТАЛ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ТОВАР

1. Характерное отличие товарного производства

В своём труде «Капитал» Маркс исследует *капиталистический способ производства*, господствующий в настоящее время. Он не занимается при этом *законами природы*, лежащими в основе процесса производства; их исследование представляет собой одну из задач механики, химии и т. д., а не политической экономии. Не ставит он себе также задачей исследование только тех форм производства, которые общи всем народам. Подобное исследование может привести большей частью лишь к общим местам, вроде того, что для производства человеку всегда необходимы орудия, земля и средства к жизни. Наоборот, Маркс исследует законы движения определённой формы общественного производства, свойственной определённой эпохе (последним векам) и определённым народам (европейским или вышедшим из Европы; за последнее время этот способ производства начинает приобретать права гражданства и у других народов, например у японцев и индийцев).

Этот господствующий ныне способ производства — капиталистический. Его особенности мы изучим ближе впоследствии. Он резко отличается от других способов производства, например от феодального, господствовавшего в Европе в средние века, или от первобытно-коммунистического, общего всем народам на пороге их развития.

Рассматривая современное общество, мы находим, что его богатство состоит из *товаров*. Товар есть продукт труда, произведённый не для *собственного потребления* производителя или связанных с ним лиц, а с целью *обмена* его на другие продукты. Следовательно, не *природные*, а *общественные* особенности продукта делают его товаром.

Поясним это примером. Пряжа, которую прядёт из льна девушка в патриархальной крестьянской семье, чтобы соткать затем холст, потребляемый самой же семьёй, есть *предмет потребления*, а не *товар*. Но когда прядильщик прядёт лён, чтобы обменять у соседнего крестьянина пряжу на пшеницу, или когда фабрикант заставляет рабочих изо дня в день прядь много центнеров льна, чтобы продавать потом получаемый продукт, то этот продукт является уже *товаром*. Конечно, он является вместе с тем и предметом потребления, но таким предметом потребления, которому предстоит играть особенную общественную роль: он должен быть обменён.

По внешнему виду льняной пряжи нельзя узнать, является ли она *товаром* или нет. Природа её может быть совершенно одинаковой, приготовлена ли она крестьянской девушкой для своего приданого или же фабричной работницей, которая, вероятно, никогда не воспользуется из неё ни одной ниткой. Только по общественной роли пряжи, по *общественной функции*, выполняемой ею, можно узнать, является ли она *товаром* или нет.

В капиталистическом обществе продукты труда всё в большей и большей мере принимают форму товаров. Если в настоящее время ещё не все продукты труда являются у нас товарами, то лишь потому, что рядом с современным способом производства существуют различные остатки прежних способов производства. Если отвлечься от этих остатков, то можно сказать, что в *настоящее время все продукты труда принимают форму товаров*. Чтобы понять современный способ производства, необходимо уяснить себе сущность товара. Мы должны поэтому начать с исследования товара.

Понимание этого исследования будет, по нашему мнению, очень облегчено, если мы прежде всего изложим характерные особенности товарного производства, отличающие его от других способов производства. Таким путём

мы легче всего поймём ту позицию, с которой Маркс исследовал товар.

Как бы далеко мы ни заглянули в прошлое человеческого рода, мы всегда находим, что люди для добывания средств к жизни всегда объединялись в общества больших или меньших размеров, что производство всегда носило *общественный* характер. Это было разъяснено Марксом уже в его статьях «Наемный труд и капитал», помещённых в «Новой рейнской газете» в 1849 г. и изданных затем отдельной брошюрой.

«В производстве люди воздействуют не только на природу, но и друг на друга. Они не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью. Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, и только через посредство этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство.

В зависимости от характера средств производства эти общественные отношения, в которые вступают производители друг к другу, эти условия, при которых они обмениваются своими работами и участвуют в совокупном производстве, будут, конечно, различны. С изобретением нового орудия войны, огнестрельного оружия, неизбежно изменилась вся внутренняя организация армии, преобразовались те отношения, при которых отдельные личности образуют армию и могут действовать как армия, изменилось также отношение различных армий друг к другу.

Итак, общественные отношения, при которых производят индивиды, *общественные производственные отношения, изменяются, преобразуются с изменением и развитием материальных средств производства, производительных сил. Производственные отношения в своей совокупности образуют то, что называют общественными отношениями, обществом, и притом образуют общество, находящееся на определенной ступени исторического развития, общество с своеобразным отличительным характером* («Наемный труд и капитал», К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения в двух томах, 1955, т. I, стр. 63).

Иллюстрируем сказанное несколькими примерами. Возьмём какой-нибудь первобытный народ, который стоит

на низшей ступени производства и для которого охота составляет главный способ добывания пищи, например индейцев. Додж в своей книге «О современных индейцах Дальнего Запада» сообщает следующее об их способе охоты:

«Так как к голове и сердцу обращаются за помощью лишь изредка, а требования желудка дают о себе знать беспрестанно, то племя находится обыкновенно под господством «третьего сословия». Это сословие составляют все охотники племени, образующие род цеха или гильдии, и их решения в области их специальности безапелляционны.

У племени шейенов люди эти называются «воины-собаки». Более молодые и деятельные вожди всегда принадлежат к этим «воинам-собакам», но последние не беспрекословно подчиняются им. «Воины» сами обсуждают и решают общие дела, а выполнение решений возлагается на наиболее прославленных и способных охотников, избираемых ими из своей же среды. Среди этих «воинов-собак» находится и многочисленная молодёжь, ещё не выдержавшая испытания, необходимого для посвящения в воины. Одним словом, этот цех охотников охватывает всю рабочую силу племени и является той силой, которая защищает женщин и детей и снабжает их пищей.

Каждый год осенью устраиваются большие охоты, чтобы добыть возможно больше дичи и заготовить на зиму значительный запас мяса. Тут «воины-собаки» являются героями дня, и горе несчастному, который осмелится ослушаться или пренебречь хотя бы самым незначительным из их распоряжений, демократических или своевольных. Когда всё готово, лучшие охотники отправляются в путь рано утром, задолго до рассвета. Если они откроют несколько стад буйволов, то для первого нападения избирается стадо, положение которого таково, что предварительные приготовления и манёвры для окружения, крики и выстрелы при нападении не вспугнут остальных стада.

В это время мужчины, способные принять участие в предстоящей охоте, собираются верхом, молча и дрожа от волнения, где-нибудь в соседней ложине, расположенной вне поля зрения буйволов. Когда стадо оказывается в удобном для охоты положении, руководители охоты отбирают соответствующее число людей и посылают их на

заранее намеченные места. Когда затем руководитель видит, что каждый занял надлежащее место и всё уже готово, он с отрядом всадников стремится окружить стадо и отрезать его от открытого места. Затем он подаёт сигнал, и вся ватага со страшным криком, который, кажется, даже мёртвого мог бы поднять из гроба, бросается вперёд на животных. В продолжение нескольких минут бойня в полном ходу; немногим буйволам удаётся прорвать цепь и ускользнуть, но их не преследуют, если вблизи находятся другие стада.

В те времена, когда индейцы употребляли только лук и стрелы, каждый воин знал свои стрелы и мог без труда узнать убитых им буйволов. Они составляли его личную и полную собственность, за исключением известной доли, которая шла в пользу вдов и семейств, не имеющих воина-кормильца. Если в убитом буйволе оказывались стрелы нескольких охотников, то вопрос о принадлежности добычи решался в зависимости от положения стрел. Если каждая из стрел причинила смертельную рану, то буйвола делили на части или нередко присуждали какой-нибудь вдове. Все подобные вопросы разрешались руководителем охоты, причём его решения можно было обжаловать перед общим собранием «воинов-собак».

С тех же пор, как огнестрельное оружие вошло во всеобщее употребление и в силу этого стало невозможно узнать, кем именно убит тот или другой буйвол, индейцы стали более коммунистичны¹ в своих воззрениях, и всё количество добытого мяса и шкур подвергается теперь относительно равному разделу, на основании того или иного мерила собственного изобретения».

Мы видим, что у этого охотничьего племени производство является *общественным*; различного рода работы исполняются совместно с целью достижения общего результата.

¹ Правильнее было бы, пожалуй, сказать: они вернулись к коммунистическим взглядам. Первоначально быт индейцев был коммунистическим, следовательно, и распределение охотничьей добычи производилось на коммунистических началах. (*Примечание автора.*) Термин «коммунистический» употребляется здесь Каутским для характеристики первобытного строя.—*Ред.*

Здесь мы уже находим зачатки разделения труда и планомерного сотрудничества (кооперации)¹.

Сообразно своим способностям охотники выполняют различные работы. Но всё совершается по общему плану. Охотничья добыча является результатом совместного исполнения различных работ — «обмена деятельностью», как выражается Маркс в «Наемном труде и капитале». Эта добыча не обменивается, а делится.

Отметим здесь лишь мимоходом, как изменение в средствах производства — замена лука и стрел огнестрельным оружием — влечёт за собой также изменение в способе распределения.

Рассмотрим теперь другой, более высокий вид общественного производства, например основанную на земледелии индийскую сельскую общину. От первобытного коммунизма, господствовавшего в ней когда-то, теперь в Индии сохранились лишь жалкие остатки. Но Непарх, начальник флота Александра Македонского, сообщал ещё, по словам Страбона, о местностях в Индии, где земля была общей собственностью, сообща обрабатывалась и по окончании уборки урожай делился между членами общины.

По Эльфинстону, такие общины существовали в некоторых частях Индии ещё в начале XIX столетия. На Яве сельская община продолжает ещё существовать в определённой форме: время от времени вся пахотная земля подвергается переделу между жителями села. Они получают свои участки не в частную собственность, а лишь в пользование на известный срок. В Индии пахотная земля большей частью уже перешла в частную собственность отдельных крестьян. Леса же, луга и пустоши составляют ещё зачастую общую собственность, право пользования которой имеют все члены данной общины.

¹ «Та форма труда, при которой много лиц планомерно и совместно участвуют в одном и том же процессе труда или в разных, но связанных между собою процессах труда, называется кооперацией» («Капитал», т. I, стр. 331). Немного далее Маркс в одном примечании говорит: «Лэнге в своей *Théorie des Lois Civiles*, быть может, не без основания называет охоту первой формой кооперации, а охоту на людей (войну) — одной из первых форм охоты» («Капитал», т. I, стр. 340).

В подобной деревенской общине, ещё не подпавшей под разлагающее влияние английского господства (в особенности введённой англичанами податной системы), нас интересует та форма, которую принимает в ней *разделение труда*. Мы уже видели разделение труда у индейцев Америки; сельская же община в Индии представляет гораздо более высокую ступень разделения труда.

Помимо общинной администрации, которая называется патил, если она состоит из одного лица, или панч, если она образует коллегия, по большей части из пяти лиц, мы находим в индийской хозяйственной общине ещё ряд должностных лиц: карнама или матсадди — счетовода, который ведаёт финансовыми отношениями общины как к отдельным её членам, так и к другим общинам и государству; таллира — для расследования преступлений и правонарушений, на котором лежит также обязанность охранять путников, проезжающих через владения общины; тоти — охранителя пашни и землемера, который должен наблюдать за тем, чтобы соседние общины не нарушали межей, что легко может случиться, особенно при возделывании риса; смотрителя над шлязами, который должен содержать их в надлежащем порядке и заботиться о том, чтобы они своевременно открывались и закрывались, снабжая каждое поле достаточным количеством воды, что особенно важно для рисовых полей; брамина — для исполнения религиозных обрядов; школьного учителя, обучающего детей грамоте; брамина — звездочёта или астролога, который указывает счастливые и несчастные дни для посева, жатвы, молотбы и других важных работ; кузнеца, плотника и колесника, гончара, цирюльника, пастуха, врача, танцовщицу, а иногда даже и певца.

Все эти лица работают на всю общину и вознаграждаются за это или частью общего поля, или же частью урожая. И здесь, при таком высокоразвитом разделении труда, мы видим *совместный труд и распределение продуктов*.

Возьмём ещё один пример, известный каждому: патриархальную крестьянскую семью, которая сама удовлетворяет все свои потребности. Эта общественная форма развилась из способа производства, только что описанного нами на примере индийской хозяйственной общины и

существовавшего на первых ступенях развития всех более или менее известных культурных народов.

В такой крестьянской семье мы также находим не изолированных производителей, а совместный труд и совместное выполнение различных видов труда, изменяющихся сообразно с возрастом, полом и временами года. Тут пашут, косят, пасут скот, доят, рубят дрова, вяжут, прядают, ткут, шьют, плотничают и т. д. Самые различные виды труда здесь прилагаются совместно, в общей связи друг с другом; здесь, как и в предыдущих примерах, продукты не *обмениваются* между отдельными работниками, а *распределяются* между ними сообразно с обстоятельствами.

Предположим теперь¹, что средства производства какой-нибудь земледельческой общины, вроде изображённой нами, настолько усовершенствовались, что на возделывание земли можно затрачивать уже меньше труда, чем прежде. Освобождающиеся рабочие силы могут быть, если техника достигла достаточного развития, обращены, например, на разработку залежей кремня, оказавшегося где-нибудь на общинной земле, на выделку из него инструментов и оружия. Положим, что производительность труда тут настолько велика, что инструментов и оружия изготовляется гораздо больше, чем нужно общине.

Какое-нибудь пастушеское племя приходит во время своих кочёвок в соприкосновение с этой общиной. Производительность труда у этого племени также возросла, и оно разводит больше скота, чем ему нужно. Понятно, что это племя охотно станет выменивать свой излишек скота на излишек инструментов и оружия земледельческой общины. Излишек скота и излишек инструментов становятся вследствие этого обмена *товарами*.

Обмен товаров является естественным следствием развития производительных сил за пределы ограниченных потребностей первобытных общин. На известной ступени

¹ Ряд фактов показывает, что первоначальное развитие товарного производства происходило в действительности таким путём, как изображено в последующих строках. Понятно, это произошло не так просто, как здесь описано, но наше изложение имеет своей целью представить не *историю* товарного производства, а его отличительные *особенности*, которые легче всего познаются путём сравнения его с другими способами производства.

развития техники первобытный коммунизм становится препятствием для её дальнейшего движения вперёд. Способ производства требует *расширения* круга общественного труда. Но так как отдельные общины были независимы и чужды друг другу, то это расширение не могло совершиться посредством расширения коммунистического планомерного труда. Оно происходило только путём взаимного обмена излишков труда между отдельными общинами.

Мы не станем здесь исследовать, как обмен товаров в свою очередь воздействовал на способ производства внутри общин, пока, наконец, производство товаров не превратилось в производство независимых друг от друга *частных производителей*, владеющих средствами производства и продуктами своего труда на правах частной собственности. Здесь мы хотим лишь установить следующее: товарное производство есть *общественная* форма производства, оно немыслимо вне общественной связи, оно означает даже *расширение общественного производства* за пределы предшествовавшего ему коммунистического (в племени, общине или в патриархальной семье). Но общественный его характер теперь не выступает открыто наружу.

Представим себе гончара и земледельца сначала в качестве членов индийской коммунистической сельской общины, а затем в качестве двух товаропроизводителей. В первом случае оба они одинаково работают на общину. Один доставляет ей горшки, другой — земледельческие продукты. Первый получает при этом свою долю земледельческих продуктов, второй — горшков. Во втором случае каждый из них выполняет свою частную работу независимо от другого, но каждый работает (может быть, в той же мере, как и прежде) не только на себя, но и на других. Затем они обменивают свои продукты. Очень возможно, что один получит при этом столько же земледельческих продуктов, другой — столько же горшков, как и прежде. Как будто не произошло никакой существенной перемены, а на самом деле эти два процесса коренным образом отличаются друг от друга.

В первом случае каждый сразу видит, что силой, которая устанавливает взаимную связь между различными видами труда, которая заставляет работать одного на дру-

гого и даёт каждому соответствующую часть продуктов труда другого, — что этой силой является общество. Во втором случае каждый как будто работает лишь на себя, и способ, посредством которого один производитель приходит к обладанию продуктом другого, кажется вытекающим не из общественного характера их труда, а из *особенности самого продукта*. Кажется, будто не гончар и земледелец работают один для другого, вследствие чего труд каждого из них является необходимым для общества, а будто горшкам и сельскохозяйственным продуктам присущи какие-то мистические свойства, которые и обуславливают их обмен в известных количественных соотношениях. При господстве *товарного производства* отношения *лиц* между собой, обуславливаемые общественным характером труда, принимают вид отношений *вещей*, а именно продуктов производства.

Пока производство было непосредственно общественным, оно подчинялось руководству и управлению общества и взаимные отношения производителей были совершенно ясны. Но лишь только различные виды труда превратились в частные виды труда, существующие независимо один от другого, лишь только производство стало вследствие этого бесплановым, как и взаимные отношения производителей приняли вид отношений продуктов. С тех пор отношения между производителями перестали определяться самими производителями. Эти отношения стали развиваться независимо от воли людей. Общественные силы переросли людей и стали представляться наивному воззрению прошедших веков какими-то *божественными* силами, а позднейшим, более «просвещённым», векам — силами *природы*.

Естественным формам товаров приписываются теперь свойства, которые кажутся таинственными, откуда им не найдено объяснения во взаимных отношениях их производителей. Как идолопоклонник приписывает своему фетишу такие свойства, которые вовсе не заключены в действительной природе последнего, так и буржуазному экономисту товар представляется чувственной вещью, одарённой сверхчувственными свойствами. Маркс называет это «фетишизмом, который присущ продуктам труда, раз только они производятся как товары, и который, следовательно,

неотделим от товарного производства» («Капитал», т. I, стр. 79).

Этот фетишистский характер товара — и равным образом, как мы увидим ниже, и капитала — был впервые открыт Марксом. Фетишизм затрудняет понимание отличительных свойств товара и даже делает невозможным это понимание, пока он не преодолен. Нельзя полностью понять стоимость товара, не отдавши себе отчёта в фетишистском характере товара. Параграф «Товарный фетишизм и его тайна» представляется нам вследствие этого одной из важнейших частей «Капитала», которой каждый читатель этой книги должен посвятить особенное внимание. А между тем как раз на эти страницы не обращают почти никакого внимания противники, а зачастую даже и приверженцы учения Маркса.

2. Стоимость

Раз мы выяснили себе фетишистский характер товаров, изучение самого товара представит уже сравнительно мало трудностей.

Назначение товара, как мы видели, состоит в том, чтобы быть обменённым. Но это возможно лишь в том случае, если товар удовлетворяет какой-нибудь — безразлично, действительной или мнимой — человеческой потребности. Никто не обменивает своего продукта на другой, если этот последний для него бесполезен. Таким образом, товар должен прежде всего быть полезным предметом, должен обладать *потребительной стоимостью*.

Потребительная стоимость определяется *физическими* свойствами товарного тела. Потребительные стоимости образуют вещественное содержание богатства, какова бы ни была его общественная форма. Потребительная стоимость не есть, стало быть, свойство, присущее только товарам. Есть потребительные стоимости, которые не являются товарами, — например, как мы видели выше, продукты коммунистической общины¹; есть и такие потребительные

¹ Как уже было отмечено выше, речь идёт о первобытной общине. — *Ред.*

стоимости, которые даже не являются продуктами труда, — например, плоды в первобытном лесу или вода в реке. Наоборот, нет товара, который не обладал бы потребительской стоимостью.

Когда потребительные стоимости становятся товарами, т. е. начинают обмениваться друг на друга, обмен этот всегда происходит в известном количественном соотношении. Отношение, в котором один товар обменивается на другой, называется его *меновою стоимостью*.

Это отношение может изменяться в зависимости от времени и места, но для данного времени и данного места оно является величиной определённой. Если мы обмениваем 20 аршин холста на 1 сюртук и одновременно 20 аршин холста на 40 фунтов кофе, то мы можем быть уверены, что и 1 сюртук, если понадобится, будет обменён на 40 фунтов кофе. Меновая стоимость сюртука имеет совершенно иной вид при обмене его на холст, чем при его обмене на кофе. Но как бы различно ни выглядела меновая стоимость товара, в основе её, в данное время и данном месте, всегда лежит одинаковое содержание.

Поясним это общественное явление подобным ему явлением из мира физического. Когда я говорю, что какое-нибудь тело весит 16 килограммов, или 40 фунтов, или один пуд, то я знаю, что в основе этих различных выражений лежит определённое содержание, определённая *тяжесть* тела. Точно так же и в основе различных выражений меновой стоимости товара лежит определённое содержание; которое мы называем *стоимостью*.

Тут мы подошли к важнейшей и основной категории политической экономии — категории, без понимания которой не может быть правильно понят и весь механизм господствующего способа производства.

Что образует стоимость товаров? — вот вопрос, на который мы должны дать ответ.

Возьмём два товара, например пшеницу и железо. Каково бы ни было отношение, в котором они обмениваются, его всегда можно представить в виде математического равенства, например: 1 гектолитр пшеницы = 2 центнерам железа. Между тем каждый школьник знает, что математические действия можно производить только над однородными величинами, например: от 10 яблок можно отнять

2 яблока, но не 2 ореха. Поэтому в железе и пшенице, как товарах, должно быть нечто общее, делающее сравнение их возможным: это и есть их стоимость.

Является ли это общее естественным свойством товаров? Как потребительные стоимости они обмениваются лишь потому, что обладают *различными, а не общими* естественными свойствами. Эти свойства являются *побудительной причиной* обмена, но они не могут определять отношение, в котором этот обмен совершается.

Если же оставить в стороне потребительную стоимость товаров, то у них останется лишь *одно* свойство — то, что они — *продукты труда*.

Но, отвлекаясь от потребительной стоимости продуктов, мы отвлекаемся и от различных определённых видов труда, создавшего их; они тогда уже не продукты труда столяра, придильщика и т. д., а только продукты *человеческого труда вообще*. И как таковые они — *стоимости*.

Значит, товар обладает стоимостью только потому, что в нём овеществлён человеческий труд вообще. Как же измерить величину его стоимости? Количеством содержащегося в нём созидателя стоимости — труда. Количество же труда в свою очередь имеет своей мерой время.

Могло бы показаться, что если потраченное на изготовление товара время определяет его стоимость, то он тем дороже, чем более ленив и менее искусен его производитель. Но тут дело не в *индивидуальном, а в общественном* труде.

Вспомним, что товарное производство представляет систему различных видов труда, которые затрачиваются хотя и независимо друг от друга, но в известной *общественной* связи.

«Вся рабочая сила общества, выражающаяся в стоимостях товарного мира, выступает здесь как одна и та же человеческая рабочая сила, хотя она и состоит из бесчисленных индивидуальных рабочих сил. Каждая из этих индивидуальных рабочих сил, как и всякая другая, есть одна и та же человеческая рабочая сила, раз она обладает характером общественной средней рабочей силы и функционирует как такая общественная средняя рабочая сила, следовательно употребляет на производство данного товара лишь необходимое в среднем или общественно необ-

ходимое рабочее время. Общественно необходимое рабочее время есть то рабочее время, которое требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости при наличных общественно нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда» («Капитал», т. I, стр. 45).

Если производительность труда изменяется, то изменяется и общественно необходимое рабочее время, изменяется и стоимость.

Разумеется, всегда, при всех способах производства, время, необходимое для изготовления какого-либо продукта, должно было интересовать человека. Оно всегда, даже при коммунистическом способе производства, влияет на количественное соотношение различных видов труда друг к другу.

Возьмём опять в качестве примера индийскую сельскую общину. Положим, что производством нужных ей сельскохозяйственных орудий занимаются два кузнеца. Допустим, что какое-нибудь изобретение настолько увеличило производительность труда, что теперь для изготовления того же числа орудий достаточно одного кузнеца. Тогда эту работу поручат не двум кузнецам, а только одному. Другому же, быть может, поручат изготовление оружия или украшений.

Допустим, далее, что производительность сельскохозяйственного труда не изменилась. Это значит, что на удовлетворение потребностей сельской общины в сельскохозяйственных продуктах необходимо такое же количество рабочего времени, как и прежде.

При таких условиях каждый член общины будет получать ту же долю сельскохозяйственных продуктов, что и прежде. Но всё-таки есть разница: производительность кузнечной работы удвоилась, и за изготовление сельскохозяйственных орудий община даёт теперь лишь *одну* долю сельскохозяйственных продуктов, а не *две*.

Изменение в соотношении различных видов труда здесь очень просто и совершенно ясно. Но оно становится мистическим, когда кузнечный труд и сельскохозяйственный труд не находятся в непосредственной связи, а вступают в связь только через посредство своих продуктов. Тогда изменение производительности кузнечного труда обнару-

живается в виде изменения менового отношения продукта этого труда к другим продуктам, в виде изменения его стоимости.

Уже *Рикардо* показал, что величина стоимости товара определяется количеством потраченного на его изготовление труда. Но он не разглядел скрытого в стоимостной форме товара *общественного* характера труда, т. е. товарного фетишизма. Далее, он не сумел ясно и сознательно отделить ту сторону труда, которая является созидателем стоимости товара, от той стороны, которая создаёт потребительную стоимость.

Товарный фетишизм мы уже выяснили. Последуем теперь за Марксом в его исследовании двойственного характера труда, заключающегося в товарах.

Товар выступает перед нами как потребительная стоимость и как стоимость. Вещество его даётся природой. Его стоимость, а также и потребительная стоимость создаются трудом. Каким образом труд создаёт стоимость и каким образом — потребительную стоимость?

С одной стороны, труд выступает как производительная затрата человеческой рабочей силы вообще; с другой стороны — как определённая человеческая деятельность для достижения известной цели. Первая сторона труда составляет общий элемент всякой производительной деятельности человека. Вторая сторона различна для различных видов производительной деятельности. Возьмём земледельческий труд и труд кузнеца. Между ними то общее, что оба они являются тратой человеческой рабочей силы вообще. Но они отличаются друг от друга своей целью, своими приёмами, своим предметом, своими средствами, своим результатом.

Определённая, направленная к известной цели человеческая деятельность создаёт *потребительную стоимость*. Её различный характер образует основу товарного производства. Товары лишь тогда обмениваются друг на друга, если они качественно различны. Никто не станет менять пшеницу на пшеницу или косу на косу, но вполне возможен обмен пшеницы на косу. Потребительные стоимости только тогда могут противостоять друг другу в качестве товаров, если в них заключены *качественно различные* полезные виды труда.

Как стоимости же товары отличаются друг от друга не качественно, а *количественно*. Они обмениваются, потому что они различны как потребительные стоимости. Но при обмене они сравниваются и ставятся в известное соотношение друг к другу, так как они равны как стоимости. Но труд как определённая, направленная к известной цели, качественно различающаяся деятельность создаёт стоимость, а лишь труд как деятельность, обладающая во всех своих отраслях одинаковым характером, как затрата человеческой рабочей силы вообще. Как такие затраты рабочей силы, разные виды труда, подобно самим стоимостям, различаются не качественно, а лишь количественно.

Это значит, что в отношении образования стоимости всякий труд рассматривается как *простой средний труд*, как затрата простой рабочей силы, которой обладает каждый средний человеческий организм. При этом сложный труд считается умноженным простым трудом. Небольшое количество сложного труда приравнивается большому количеству простого.

Соответственно всему характеру товарного производства процесс, устанавливающий отношения между различными видами труда, сводящий их всех к простому труду, есть процесс общественный, но вместе с тем бессознательный. Человеку же, находящемуся во власти фетишистских представлений товарного мира, причины, сводящие сложный труд к умноженному труду, кажутся не *общественными*, а *естественными*.

Ряд мелкобуржуазных социалистов, желавших «конституировать» стоимость, т. е. установить её раз навсегда, чтобы «очистить» товарное производство от его дурных сторон» и сделать его вечным, пытались установить эти мнимые естественные причины и определить относительно каждого вида труда, в каком размере он создаёт стоимость (ср. нормальный рабочий день Родбертуса). В действительности же это причины общественные, и притом непрерывно изменяющиеся.

Мало найдётся областей, в которых было бы высказано столько ошибочных мнений, как по вопросу о стоимости. Некоторые из них разъяснены ещё Марксом.

Особенно часто встречается как у последователей, так и у противников теории Маркса одна ошибка — смешение

стоимости с богатством. Часто Марксу приписывается выражение: «Труд есть источник всякого богатства».

Кто следил до сих пор за нашими рассуждениями, легко поймёт, что это положение прямо противоречит основным воззрениям Маркса. Такое мнение может высказать лишь человек, находящийся в плену у товарного фетишизма. *Стоимость* есть историческая категория, действительная лишь для эпохи товарного производства. Она представляет собой общественное отношение. *Богатство* же есть нечто вещественное, оно состоит из потребительных стоимостей. Богатство производится при всяких способах производства. Существуют богатства, доставляемые природой и не содержащие в себе никакого труда; но нет богатства, которое было бы создано одним только человеческим трудом. «Труд, — говорит Маркс, — не единственный источник производимых им потребительных стоимостей, вещественного богатства. Труд есть отец богатства, как говорит Вильям Петти, земля — его мать» («Капитал», т. I, стр. 50).

С ростом производительности труда растёт, при прочих равных условиях, вещественное богатство страны; оно уменьшается с падением производительности труда. В то же время сумма имеющихся налично стоимостей может остаться той же, если общее количество затраченного труда остаётся неизменным. Хороший урожай увеличивает богатство страны; но сумма стоимостей товаров, представляемая этим урожаем, может быть такою же, как и в предыдущем году, если количество затраченного общественно необходимого труда не изменилось.

Если Маркс не говорил, что труд есть источник всякого богатства, если это положение покоится на смешении потребительной стоимости и меновой стоимости, то отпадают все сделанные отсюда по отношению к Марксу выводы. Точно так же очевидно теперь, как неосновательны делаемые Марксу его противниками упрёки, будто он проглядел роль природы в производстве. Сами же эти противники действительно кое-что проглядели, а именно — различие между товарным телом и общественным отношением, которое оно представляет.

«До какой степени фетишизм, присущий товарному миру, или предметная видимость общественных определе-

ний труда, смущает некоторых экономистов, показывает, между прочим, скучный и бестолковый спор их относительно роли природы в процессе созидания меновой стоимости. Так как меновая стоимость есть лишь определённый общественный способ выражать труд, затраченный на производство вещи, то, само собой разумеется, в меновой стоимости содержится не больше вещества, данного природой, чем, напр., в вексельном курсе» («Капитал», т. I, стр. 88—89).

Таким образом, Маркс отнюдь не «проглядел» роли природы в производстве потребительных стоимостей. Если он не приписал ей роли в создании стоимости, то не по забывчивости, а вследствие глубокого проникновения в общественный характер товарного производства, проникновения, которого всё ещё не хватает экономистам, выводящим общественные законы из внеобщественного состояния изолированного человека.

Другая довольно распространённая ошибка относительно теории стоимости Маркса состоит в смешении способности *труда* создавать стоимость со стоимостью *рабочей силы*. Между тем эти две вещи надо строго различать одну от другой. Труд как источник стоимости так же мало может иметь стоимость, как тяжесть—вес, теплота—температуру.

До сих пор мы говорили только о стоимости, образуемой простым и сложным трудом, а не о стоимости, которой обладает рабочая сила и которая выражается в заработной плате носителя рабочей силы — рабочего. Мы пока всё время предполагаем простое товарное производство и простой товарный обмен. Рабочая сила как товар пока для нас не существует.

О человеческой рабочей силе и её стоимости мы будем в дальнейшем говорить подробнее. Здесь же ограничимся этим указанием, чтобы предостеречь от ошибки.

На таких же ошибках покоится большинство возражений против теории стоимости Маркса, поскольку они вообще не являются опровержением того, чего Маркс никогда не говорил, или не представляют собой голословных подозрений вроде излюбленного упрека Марксу в догматизме.

Чтобы избежать подобного ошибочного понимания, нужно помнить, в чём заключается сущность такого закона, как закон стоимости.

Всякий естественно-научный или общественный закон является попыткой объяснения явлений природы или общественной жизни. Но едва ли хоть одно из этих явлений обуславливается одной единственной причиной. В основе различных явлений лежат самые разнообразные и сложные причины; да и самые явления не происходят независимо друг от друга, а перекрещиваются в самых различных направлениях.

Поэтому перед исследователем явлений природы или общественной жизни стоит двойная задача. Во-первых, он должен отделить, изолировать друг от друга различные явления, во-вторых, отделить одну от другой причины, лежащие в основе этих явлений, — отделить существенные от несущественных, постоянные от случайных. Оба вида исследования возможны только при помощи отвлечения, абстракции. Естествоиспытатель пользуется при этом целым рядом чрезвычайно усовершенствованных инструментов и методами наблюдения и опыта. Исследователь же общественных законов должен совершенно отказаться от опытов и должен, сверх того, довольствоваться весьма несовершенными вспомогательными средствами.

С помощью абстракции исследователь открывает закон, лежащий в основании явлений, которые он желает объяснить. Без знания этого закона соответствующие явления не могут быть объяснены; но одного этого закона недостаточно, чтобы объяснить их целиком.

Какая-нибудь одна причина может быть ослаблена другой, её действие может даже быть совершенно уничтожено; но ошибочно было бы заключать отсюда, будто эта причина вовсе не существует. Законы падения, например, имеют силу только в безвоздушном пространстве: только там кусок свинца и перо падают с одинаковой скоростью. В пространстве же, наполненном воздухом, результат иной вследствие сопротивления последнего. Тем не менее закон падения верен.

Так же обстоит дело и со стоимостью. Когда товарное производство сделалось господствующим, закономерность товарных цен не могла не броситься в глаза участникам производства; она-то и побудила к исследованию лежащих в её основе причин. Исследование товарных цен привело к определению величины стоимости. Но подобно тому, как

сила тяжести не есть единственная определяющая причина явлений падения, так и стоимость товара — не единственная причина его цены. Маркс сам указывает на то, что есть товары, цена которых не только временами, а постоянно ниже их стоимости. Так, например, золото и алмазы никогда ещё, вероятно, не оплачивались по их полной стоимости. Товар рабочая сила также может при известных обстоятельствах долгое время оплачиваться ниже своей стоимости.

Более того, Маркс доказал, что при капиталистическом способе производства прибыль так влияет на закон стоимости, что цены большинства товаров не только *могут*, но и *должны* постоянно стоять выше или ниже их стоимости. Несмотря на это, закон стоимости остаётся в силе и здесь. Самые эти отклонения цен от стоимости могут быть объяснены в свою очередь только с помощью закона стоимости. Здесь мы можем только указать на это, так как для подробного разъяснения этого вопроса необходимо знание законов капитала и прибыли. В дальнейшем мы ещё вернёмся к этому.

Много возражений против теории стоимости Маркса покоится на смешении цены и стоимости. Их необходимо строго различать.

Далее, нельзя упускать из виду исторический характер марксовой теории стоимости. Она должна лишь служить основой для объяснения явлений *товарного производства*. Однако ещё и в настоящее время товарное производство переплетается с остатками других способов производства. Так, например, в крестьянских хозяйствах сплошь и рядом жизненные припасы, а также некоторые предметы одежды и инвентаря производятся не в качестве товаров, а для собственного потребления. Если при этих условиях имеют место явления, которые как будто противоречат теории стоимости, то это, конечно, несколько не опровергает последней.

Но прежде всего, как указывалось, нельзя ослепляться фетишистским характером товара и принимать общеизвестные отношения, находящие своё выражение в товарном теле, за природные свойства последнего. Если мы никогда не будем забывать, что товарное производство есть такой вид общественного производства, при котором

отдельные хозяйства производят хотя и не совместно, но друг для друга, и что стоимость товаров есть не отношение *вещей*, а скрытое под вещественной оболочкой отношение *людей* друг к другу; если мы будем помнить всё это, нам будет ясно, как надо понимать то положение Маркса, которое образует основу исследований «Капитала»:

«Величина стоимости данной потребительной стоимости определяется лишь количеством труда, или количеством рабочего времени, общественно необходимого для её изготовления» («Капитал», т. I, стр. 46).

3. Меновая стоимость

Величина стоимости товара определяется общественно необходимым для его изготовления рабочим временем. Но выражается она иным образом. Не говорят: «этот сюртук стоит 40 рабочих часов», а говорят: «он стоит столько же, сколько 20 аршин холста или 10 граммов золота».

Рассматриваемый сам по себе, сюртук ещё не есть товар. Он становится им только тогда, когда я хочу его обменять. Поэтому и стоимость товара не обнаруживается, пока я не сравню её со стоимостью другого товара, на который я хочу обменять первый.

Величина стоимости товара *определяется*, правда, количеством общественно необходимого для его изготовления труда, но *выражается* она своим отношением к стоимости одного или нескольких других товаров, своим *меновым отношением*.

Буржуазная политическая экономия часто считает, однако, что именно меновое отношение товара определяет величину его стоимости. Достаточно простого примера, чтобы объяснить всю нелепость этого взгляда.

Возьмём голову сахара. Её вес дан заранее, но выразить его мы можем только путём сравнения его с весом другого тела, например *железа*. Мы кладём сахарную голову на одну чашу весов, а на другую соответственное количество кусков железа, каждый определённого веса, который называется, скажем, фунтом. Число кусков железа показывает нам вес сахара; но было бы нелепо думать, что сахар потому весит 10 фунтов, что на другой чашке весов лежит 10 кусков железа; напротив, только потому и нужно

было положить туда столько кусков железа, что сахар весит 10 фунтов.

Здесь вопрос совершенно ясен. Но точно так же обстоит дело с *величиной* стоимости и *формой* стоимости.

Выражение веса тела представляет некоторое сходство с выражением стоимости товара, т. е. с *формой*, в которой мы выражаем величину его стоимости. Голова сахара весит 10 фунтов; это, точнее говоря, значит, — продолжая наш пример, — что она весит столько же, сколько 10 определённых кусков железа. Подобным же образом мы можем сказать о сюртуке, что он стоит столько же, сколько стоят, например, 20 аршин холста.

Мы не могли бы поставить железо и сахар как *тела* в известное отношение друг к другу, если бы у них не было одного общего *природного* свойства — *тяжести*. Точно так же мы не могли бы поставить в известное отношение друг к другу сюртук и холст как *товары*, если бы у них не было общего *общественного* свойства — быть продуктами человеческого труда вообще, *стоимостями*.

Железо и сахар играют в первом равенстве различные роли: голова сахара весит столько же, сколько 10 фунтов железа. Сахар выступает здесь как сахар, железо же — не как железо, а как воплощение тяжести, как форма её проявления. В этом равенстве мы не отвлекаемся от особых физических свойств сахара, но отвлекаемся от свойств железа.

Сходное явление представляет равенство: 1 сюртук = 20 аршинам холста.

Как холст, так и сюртук — товары, стало быть — потребительные стоимости и стоимости. Но в *форме стоимости*, в *меновом соотношении*, только сюртук выступает здесь как потребительная стоимость, холст же выступает лишь как форма проявления стоимости.

Я могу узнать вес сахара при помощи не только железных гирь, но и медных, свинцовых и т. д. Точно так же и стоимость сюртука я могу выразить не только в холсте, но и во всяком другом товаре. Поэтому в равенстве 1 сюртук = 20 аршинам холста я совершенно отвлекаюсь от особой *природной формы* холста; он выступает в этом соотношении — об этом сказано выше — только как *стоимость*, как воплощение человеческого труда вообще. Холст

становится формой проявления *стоимости* сюртука в противоположность *телу* сюртука. Свойственная сюртуку, как и всякому другому товару, противоположность между потребительной стоимостью и стоимостью отражается в выражении стоимости, причём его телесная форма сюртука является воплощением исключительно *потребительной стоимости*, а телесная форма товара — холста — лишь воплощением *стоимости*, *формой стоимости*.

И всё же потребительная стоимость того товара, в котором выражена стоимость другого товара, — Маркс называет его *эквивалентом*¹ — не безразлична. Оба товара должны быть разнородны: равенство 1 сюртук = 1 сюртуку бессмысленно.

Я могу выразить стоимость сюртука не только в холсте, но и во всяком другом товаре. Но я могу перевернуть равенство и выразить стоимость холста, а равно и всякого другого товара в сюртуках. Я могу составить равенство:

$$1 \text{ сюртук} = \left\{ \begin{array}{l} 20 \text{ аршинам холста} \\ 10 \text{ фунтам чаю} \\ 40 \text{ фунтам кофе} \\ \frac{1}{2} \text{ тонны железа} \\ 1 \text{ центнеру пшеницы} \\ \text{и т. д.} \end{array} \right.$$

Но я могу также перевернуть его и сказать:

$$\left. \begin{array}{l} 20 \text{ аршин холста} \\ 10 \text{ фунтов чаю} \\ 40 \text{ фунтов кофе} \\ \frac{1}{2} \text{ тонны железа} \\ 1 \text{ центнер пшеницы} \\ \text{и т. д.} \end{array} \right\} = 1 \text{ сюртуку}$$

Оба равенства говорят, казалось бы, одно и то же, по они тождественны только как *математические* равенства; как различные формы выражения стоимости, они различны по своему логическому и историческому содержанию.

На первых порах товарного производства продукты обменивались лишь изредка и случайно.

Этот период характеризуется простой формой стоимости, при которой один товар взят в известном отношении к *одному* только другому товару, например: бронзовый

¹ От латинских слов *aequus* — равный и *valere* — стоять.

молоток = 20 фунтам каменной соли. Эту форму Маркс называет *простой* или *отдельной формой стоимости*. Как только, однако, один какой-нибудь продукт труда, например скот, начинает обмениваться на другие продукты по в виде исключения, а *постоянно*, то выражение стоимости принимает форму первого из приведённых равенств, т. е., например:

$$1 \text{ корова} = \begin{cases} 2 \text{ плащам} \\ 1 \text{ мечу} \\ 1 \text{ поясу} \\ 10 \text{ парам сандалий} \\ 3 \text{ кубкам} \\ \text{и т. д.} \end{cases}$$

Эту форму стоимости, примеры которой мы находим у Гомера, Маркс называет *полной или развёрнутой формой стоимости*.

Но товарное производство развивается ещё дальше. Растёт число продуктов труда, изготавливаемых для обмена, т. е. товаров, и регулярный обмен охватывает всё больше и большее число самых разнообразных товаров. Не только скот, но и мечи, пояса, кубки и т. д. становятся предметами регулярного обмена. Самый ходкий из этих товаров, например скот, становится тем товаром, в котором чаще всего выражаются стоимости товаров, пока он, наконец, не оказывается единственным выразителем стоимости. Тогда вступает в силу вторая из приведённых выше формул — *всеобщая форма стоимости*.

Рассмотрим ближе эквивалентную форму в этом равенстве. Как мы уже видели выше, эквивалентная форма является воплощением человеческого труда вообще. Но в прежних формах стоимости тот или иной товар являлся таким воплощением только случайно и на время. В равенстве 1 сюртук = 20 аршинам холста холст, действительно, является только формой выражения стоимости. Но когда 20 аршин холста приравниваются 1 гектолитру пшеницы или опять-таки сюртуку, то уже пшеница или сюртук являются воплощением человеческого труда вообще, холст же фигурирует здесь как потребительная стоимость.

При всеобщей форме стоимости дело обстоит иначе. Тут эквивалентом служит *один-единственный* товар; это всеобщий эквивалент. Подобно всем прочим товарам,

товар этот как был, так и остаётся и потребительной стоимостью и стоимостью. Но все другие товары противостоят ему, повидимому, только как потребительные стоимости, сам же он выступает в качестве *всеобщей и единственной* формы проявления стоимости, в качестве *общественного* воплощения человеческого труда вообще. Он теперь тот товар, который может быть *непосредственно* обменён на все другие товары. Поэтому каждый охотно берёт его в обмен. Все же другие товары теряют вследствие этого способность и возможность обмениваться непосредственно друг на друга. Всякий обмен двух товаров может происходить теперь только при посредстве *всеобщего* эквивалента, в котором отражаются стоимости всех других товаров.

4. Обмен товаров

Обмен товаров может производиться при наличии двух условий. Во-первых, обмениваемые продукты должны быть *и потребительными стоимостями* для тех, кто их не имеет, и не быть ими для своих *обладателей*. Во-вторых, обменивающиеся стороны должны признавать друг друга *частными собственниками* обмениваемых товаров.

Правовое отношение частной собственности является только отражением *волевых отношений* обменивающихся лиц, обусловленных *экономическими отношениями*. Не потому люди начали обмениваться товарами, что считали друг друга частными собственниками этих последних. Наоборот, они стали признавать друг друга частными собственниками, когда они стали обмениваться друг с другом товарами.

Самой первоначальной формой, в которой продукт труда перестаёт быть для своего собственника потребительной стоимостью, т. е. самой первичной формой товара, является *излишек* продуктов труда сверх потребностей их владельца. Эти продукты ещё не производятся с заранее установленной целью обмена. Они производятся для собственного потребления. Только обмен делает их товарами.

Что касается второго условия, т. е. признания владельцами отчуждаемых предметов друг за другом прав частной собственности на эти последние, то такое признание воз-

можно лишь там, где вступают во взаимные сношения лица, независимые друг от друга.

«Такое отношение взаимной отчуждённости не существует между членами естественно выросшей общины, будет ли то патриархальная семья, древнеиндийская община, государство инков и т. д. Обмен товаров начинается там, где кончается община, в пунктах её соприкосновения с чужими общинами или членами чужих общин. Но раз вещи превратились в товары во внешних отношениях, то путём обратного действия они становятся товарами и внутри общины» («Капитал», т. I, стр. 94—95).

На первых ступенях развития обмена величина и форма стоимости ещё очень слабо развиты. Количественные отношения, в которых обмениваются продукты, случайны и часто колеблются. Но постепенно обмен продуктов становится всё более и более регулярным общественным процессом. Люди уже не ограничиваются обменом излишков, а начинают производить потребительные стоимости *специально с целью обмена*. Вследствие этого количественные отношения, в которых обмениваются товары, становятся всё более и более зависимыми от условий их производства. *Величина стоимости* товара начинает определяться количеством необходимого на его изготовление рабочего времени.

Как только продукты начинают изготавливаться специально для обмена, скрытое в природе товара противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью должно ясно выступить наружу.

Это противоречие, присущее всякому товару, выражается, как мы знаем, в форме стоимости. В выражении 20 аршин холста = 1 сюртуку холст сам говорит нам, что он — потребительная стоимость (холст) и стоимость (равен сюртуку). Но в простой форме стоимости трудно придать этому противоречию устойчивость. Ибо товар, который служит здесь эквивалентом, воплощением человеческого труда вообще, играет эту роль только временно. В развёрнутой форме стоимости это противоречие выступает уже ясней. Теперь эквивалентом служат и могут служить уже много товаров, потому что все эти товары обладают одним общим свойством: они представляют собой продукты труда, стоимости.

Чем дальше развивается обмен товаров, чем больше продуктов труда становится товарами, тем нужнее оказывается *всеобщий эквивалент*. На первых порах существования обмена каждый меняет то, в чём он непосредственно не нуждается, на то, в чём он нуждается. Но это становится всё трудней и трудней по мере того, как товарное производство становится всеобщей формой общественного производства.

Представим себе настолько развитое товарное производство, что в нём появились уже самостоятельные ремёсла — портного, пекаря, столяра, мясника. Портной продаёт столяру сюртук. Для портного сюртук не представляет потребительной стоимости, для столяра представляет. Но портному не нужен продукт труда столяра: у него достаточно мебели. Столы и стулья не составляют, таким образом, потребительной стоимости ни для столяра, ни для портного. С другой стороны, портному нужен хлеб, производимый пекарем, мясо, которое доставляет мясник, потому что прошли те времена, когда он пёк дома хлеб и откармливал свиней. Мясо и хлеб, нужные портному, не являются для мясника и пекаря потребительными стоимостями, но они сейчас не пугаются в сюртуке. Таким образом, портному грозит голодная смерть, хотя он и нашёл покупателя на свой сюртук. Ему нужен товар, который служил бы всеобщим эквивалентом, который, будучи непосредственным воплощением *стоимости*, являлся бы потребительной стоимостью для каждого.

Тот же ход развития, который делает этот эквивалент необходимым, влечёт за собой и появление его. Когда различные товаровладельцы стали обменивать между собой различные предметы, должно было наступить такое положение, при котором многие из этих различных предметов сравнивались как стоимости с одним и тем же товаром, когда для них находился, таким образом, общий эквивалент. Сначала какой-нибудь товар служил общим эквивалентом лишь временно и случайно. Но, как только оказалось более выгодным употребление одного особенного товара как всеобщего эквивалента, роль эквивалентной формы стоимости должна была всё более закрепляться за этим товаром.

Какому именно товару доставалась эта роль, зависело

от самых разнообразных обстоятельств. Но в конце концов *благородные металлы* получили монополию служить всеобщим эквивалентом, они стали *деньгами*. Этому могло отчасти способствовать то, что украшения и материалы для них всегда были важными предметами обмена; но решающим явилось главным образом то обстоятельство, что естественные свойства золота и серебра вполне соответствуют тем общественным функциям, которые выполняет всеобщий эквивалент.

Достаточно указать здесь на следующее. Благородные металлы всегда одинакового качества. Они не изменяются ни в воздухе, ни в воде. Далее, они могут быть произвольно делимы на части и вновь составляемы из отдельных частей. Поэтому они чрезвычайно пригодны для воплощения безразличного человеческого труда вообще, для выражения величин стоимости, которые отличаются друг от друга только количественно, но не качественно.

Золото и серебро только потому могли приобрести монополию на функцию всеобщего эквивалента, что они противостояли другим товарам *как товары же*. Они могли сделаться *деньгами* только потому, что они уже раньше были *товаром*. Деньги — не изобретение одного или нескольких людей, не простой знак стоимости. Стоимость денег и их общественные функции не созданы по произволу. Благородные металлы сделались денежным товаром благодаря той роли, которую они как товары играли в процессе обмена.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ДЕНЬГИ

1. Цена

Первая функция денег состоит в том, что они служат *мерой* стоимости. Они доставляют миру товаров материал, в котором выражается стоимость.

Не деньги делают товары однородными и соизмеримыми. Наоборот, именно потому, что все товары как стоимости представляют овеществлённый человеческий труд и,

следовательно, сами по себе однородны, они могут быть измеряемы одним и тем же определённым товаром. Этот товар они превращают, таким образом, во *всеобщую меру стоимости*, или *деньги*. Деньги как мера стоимости есть необходимая форма проявления присущей товарам *меры стоимости*, т. е. *рабочего времени*¹.

Выражение стоимости товара в денежном товаре есть его денежная форма, или цена. Например: 1 сюртук = 10 граммам золота.

Цена товара есть нечто совершенно отличное от его природных свойств. Её нельзя в нём увидеть или осязать. Владелец товара должен сообщить её покупателям. Но, для того чтобы *выразить* стоимость товара в золоте, т. е. чтобы *определить* его цену, вовсе не нужны реальные деньги. Портному не нужно иметь в кармане золото, чтобы объявить, что цена продаваемого им сюртука равна 10 граммам золота. Стало быть, мерой стоимости деньги служат лишь как мысленно представляемые, *воображаемые* деньги.

¹ В этой связи Маркс делает интересное замечание об утопии, ещё до сих пор разделяемой многими. Он говорит:

«Вопрос, почему деньги не представляют непосредственно самого рабочего времени, почему, напр., бумажный денежный знак не представляет x рабочих часов, сводится просто к вопросу, почему на базисе товарного производства продукты труда должны становиться товарами, так как присущая товарам форма предполагает необходимость раздвоения их на товар и денежный товар; или — к вопросу, почему частный труд не может рассматриваться как непосредственно общественный труд, т. е. как своя собственная противоположность. В другом месте я подробно рассмотрел плоский утопизм таких проектов, как «рабочие деньги» на основе товарного производства («Zur Kritik der Politischen Ökonomie», стр. 61 и сл.). [К. Маркс, К критике политической экономии, Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XII, ч. I, стр. 69 и сл.] Здесь отмечу только, что, напр., «рабочие деньги» Оуэна имеют с «деньгами» так же мало общего, как, скажем, театральные билеты. Оуэн предполагает непосредственно обобществлённый труд, т. е. форму производства, диаметрально противоположную товарному производству. Рабочая квитанция лишь констатирует долю индивидуального участия производителя в общем труде и долю его индивидуальных притязаний на предназначенную для потребления часть общего продукта. Но Оуэн и не думал предполагать товарное производство и в то же время стремиться устранить его необходимые условия посредством денежных фокусов» («Капитал», т. I, стр. 101).

Тем не менее *цена* зависит только от *действительного* денежного товара. Портной может — мы, конечно, отвлекаемся от всех воздействующих побочных обстоятельств — назначить цену сюртука в 10 граммов золота лишь в том случае, если в таком количестве золота воплощено столько же общественно необходимого труда, как и в сюртуке. Если портной выразит стоимость сюртука не в золоте, а в серебре или меди, то выражение цены будет совершенно иным.

Поэтому там, где мерой стоимости служат два различных товара, например золото и серебро, все товары имеют двойные цены — в золоте и серебре. Всякое изменение в соотношении стоимости золота и серебра влечёт за собой в этом случае колебания цен. Двойная мера стоимости является в сущности нелепостью и противоречит функции денег как меры стоимости. Всюду, где пытались законодательным путём объявить два товара мерой стоимости, фактически функционировал в качестве таковой только *один*.

Ещё и теперь в некоторых странах золото и серебро признаются по закону равноправными мерами стоимости. Но опыт всегда приводил такое законодательство к абсурду. Золото и серебро, как и всякий другой товар, подвержены постоянным колебаниям стоимости. Если оба по закону равноправны, если можно по желанию расплачиваться тем или другим металлом, то платят, конечно, тем из них, чья стоимость *падает*, а тот, чья стоимость повышается, сбывают по мере возможности туда, где его можно продавать с выгодой, т. е. за границу. Поэтому в странах, где господствует двойная валюта, так называемый биметаллизм, фактически в качестве меры стоимости функционирует только один металл, а именно тот, чья стоимость падает. А тот металл, чья стоимость повышается, измеряет, как и всякий другой товар, свою цену в другом, слишком высоко оценённом металле. Стало быть, он функционирует как *товар*, а не как мера *стоимости*. Чем значительнее колебания в соотношении стоимостей золота и серебра, тем яснее выступает наружу вся нелепость биметаллизма ¹.

¹ Агитация в пользу биметаллизма, ещё очень сильная в последние десятилетия прошлого века, затем стала совершенно безна-

Для большей простоты Маркс в «Капитале» принимает золото за единственный денежный товар. Оно и на самом деле всё более становится единственным денежным товаром современного капиталистического мира¹.

В выражении цены каждый товар представлен как определённое количество золота. Оказывается необходимым соизмерить между собой различные количества золота, представляющие различные цены, установить *масштаб цен*. Металлы обладают таким естественным масштабом — это их *вес*. Поэтому весовые наименования металлов — фунт, ливр (во Франции), талант (в древней Греции), асс (у римлян) и т. д. — являются первоначальными названиями единиц масштаба цен.

Таким образом, вслед за функцией денег — служить мерой стоимости — мы познакомились и с их функцией — быть *масштабом цен*. Как мера стоимости деньги превращают стоимости товаров в определённые воображаемые количества золота. Как масштаб цен они измеряют различные количества золота одним определённым количеством, которое принимается за единицу, например фунтом золота.

дёжной и почти заглохла. Одна страна за другой переходят к золотой валюте. За последние десятилетия к ней перешли Австрия (1892), Япония (1897), Россия (1898), Соединённые Штаты (1900). В Англии она введена уже с конца XVIII века, в Германии — с 1871 г., в Голландии — с 1877 г. В Бельгии, Франции, Швейцарии она фактически господствует, хотя номинально там и существует двойная валюта. Британские и голландские колонии также перешли к золотой валюте. Переход Германии к двойной валюте был бы наиболее выгоден для тех, кто наделал долгов при господстве золотой валюты и мог бы затем уплатить их более дешёвым серебром. Большую часть таких долгосрочных долгов составляют ипотеки, что вызывает агитацию аграриев.

¹ Стоимость денежного запаса (монет и слитков) в благородных металлах в странах с современным способом производства исчислялась:

	Золото	Серебро
в 1831 г.	2 232 000 000 марок	8 280 000 000 марок
» 1880 »	13 170 000 000 »	8 406 000 000 »

С 1880 по 1908 г. на всём земном шаре отчеканено золотой монеты на 30 миллиардов, а серебряной — свыше 20 миллиардов марок.

Следовательно, золото в настоящее время является безусловно преобладающим денежным товаром.

Различие между мерой стоимости и масштабом цен станет ясным, если мы рассмотрим, какое влияние оказывает на них изменение стоимости денежного металла.

Положим, единицей *масштаба цен* служат 10 граммов золота. Какова бы ни была стоимость золота, 20 граммов его всегда будут иметь вдвое большую стоимость, чем 10 граммов. Падение или повышение стоимости золота не оказывает, следовательно, никакого влияния на *масштаб цен*.

Возьмём теперь золото как меру *стоимости*. Сюртук, допустим, стоит 10 граммов золота. Но вот стоимость золота изменяется: почему-либо в то же самое общественно необходимое рабочее время производится теперь вдвое больше золота, чем прежде, тогда как производительность портняжного труда не изменилась. Что произойдёт? Цена сюртука будет равняться теперь 20 граммам золота. Ясно, что изменение стоимости золота чувствительно отражается на его функции меры стоимости.

Масштаб цен может быть определён произвольно, так же как, например, меры длины. С другой стороны, он нуждается во всеобщем признании. Условный вначале, заимствованный у *обычных* весовых делений, он в конце концов устанавливается *законом*.

Различные весовые части благородных металлов получают при официальном их крещении названия, отличные от весовых; мы говорим не $\frac{1}{70}$ фунта золота, а 20-марковая монета. Цены выражаются теперь не в *весовых частях золота*, а в установленных законом *счётных наименованиях* золотого масштаба.

Цена — денежное выражение величины стоимости товара. Но в то же время она выражает и меновое соотношение товара с денежным товаром, золотом. Стоимость товара не может проявиться изолированно, сама по себе, а лишь в меновом отношении с другим товаром. Отношение может, однако, быть обусловлено не только величиной стоимости, но и другими обстоятельствами; поэтому возможно отклонение *цены от величины стоимости*.

Когда портной говорит, что цена его сюртука равна 10 граммам золота, или, в счётных наименованиях, 30 маркам, то он этим заявляет, что всегда готов отдать сюртук за 10 граммов золота. Но он проявил бы излишнюю само-

надежность, если бы стал утверждать, что всякий готов ему сейчас же уплатить за сюртук 10 граммов золота. Правда, превращение сюртука в золото необходимо и неизбежно для того, чтобы он мог исполнить своё назначение как товар. Товар требует денег. Цены — это, так сказать, страстные любовные взгляды, которые он бросает на блестящую возлюбленную. Но на товарном рынке дело не всегда идёт так, как в романах: герои не всегда соединяются. Многие товары оставляются без внимания золотом, и им приходится влачить безрадостное существование на товарных складах.

Ознакомимся же поближе с приключениями товара в его отношениях с золотом.

2. Продажа и покупка

Последуем за нашим старым знакомым, портным, на рынок.

Он меняет изготовленный им сюртук на 30 марок. На эти деньги он покупает бочонок вина. Мы имеем здесь перед собою два противоположных превращения: сначала превращение товара в деньги, а затем обратное превращение — денег в товар.

Но товар, которым заканчивается процесс, совсем не тот, которым процесс этот начался. Первый не был потребительной стоимостью для своего владельца, второй является для него потребительной стоимостью. Первый был ему полезен как *стоимость*, как *продукт человеческого труда вообще*, могущий быть обменённым на *другой продукт человеческого труда вообще* — на золото. Полезность же для него другого товара, вина, заключается в *физических* свойствах этого товара, не как продукта человеческого труда вообще, а *определённого* вида труда — труда винодела.

Формула простого товарного обращения гласит: товар — деньги — товар, т. е. продажа для покупки.

Из двух превращений: товар — деньги и деньги — товар, первое, как известно, более трудное. Купить, имея деньги, не стоит большого труда. Несравненно труднее продать, чтобы получить деньги. Между тем при господстве товарного производства каждому владельцу товаров необходимы деньги. Чем больше развивается общественное

разделение труда, тем одностороннее его труд и разностороннее его потребности.

Для того чтобы товару удалось его *salto mortale*, его превращение в деньги, необходимо прежде всего, чтобы он *был потребительной стоимостью, удовлетворял какой-нибудь потребности*. Если это условие имеется налицо и товару удаётся превратиться в деньги, то возникает вопрос: *в какое количество денег он превратится?*

Но этот вопрос нас здесь не касается. Ответ на него относится к исследованию законов *цен*. Нас же интересует здесь изменение формы «товар — деньги» независимо от того, оказывается ли цена выше или ниже стоимости товара.

Портной избавился от сюртука и получил за него деньги. Продав он его, допустим, крестьянину. То, что для портного являлось *продажей*, для земледельца оказывается *покупкой*. Таким образом, каждая продажа есть покупка, и наоборот.

Но откуда взялись деньги у крестьянина? Он получил их в обмен на зерно. Если мы проследим путь, пройденный денежным товаром — золотом — от места его производства, рудника, и затем от одного товаровладельца к другому, то найдём, что каждая перемена его владельца всегда была результатом покупки.

Превращение сюртук — деньги является, как мы видели, членом не одного, а двух рядов превращений. Один из них таков: сюртук — деньги — вино, другой же: зерно — деньги — сюртук. Начало ряда превращений одного товара есть вместе с тем заключение ряда превращений другого товара, и наоборот.

Предположим, что винодел на 30 марок, полученных им за вино, купил котёл и уголь. Тогда превращение деньги — вино является последним членом ряда: сюртук — деньги — вино, и первым членом двух других рядов: вино — деньги — котёл и вино — деньги — уголь.

Каждый из этих рядов образует кругооборот: товар — деньги — товар; он начинается и кончается формой товара. Но каждый кругооборот одного товара слетается с кругооборотами других товаров. И всё движение всех этих бесчисленных, взаимно переплетающихся кругооборотов образует *обращение товаров*.

Обращение товаров существенно отличается от непосредственного обмена продуктов или простой меновой торговли. Последняя была вызвана тем, что производительные силы переросли рамки первобытного коммунизма. Благодаря непосредственному обмену продуктов система общественного труда расширилась за пределы отдельных общин. Благодаря обмену различные общины и члены их стали работать друг для друга. Но непосредственный обмен продуктов в свою очередь явился препятствием для дальнейшего развития производительных сил, и это препятствие было устранено лишь с возникновением обращения товаров.

Простой обмен продуктов требует, чтобы я, сбывая кому-нибудь свой продукт, одновременно брал у него его продукт. Обращение товаров устраняет это препятствие. Правда, каждая продажа есть в то же время и покупка; портной не может продать сюртук, если его не купит кто-нибудь другой, например земледелец. Но, во-первых, совершенно не нужно, чтобы портной купил что-нибудь сейчас же. Он может с успехом спрятать деньги в карман и подождать, пока ему не понадобится какая-нибудь покупка. Во-вторых, никто и ничто не принуждает его покупать теперь или позже у того самого *крестьянина*, который купил у него сюртук, и вообще покупать на том же рынке, на котором он продаёт. Таким образом, при обращении товаров исчезают временные, местные и индивидуальные рамки обмена продуктов.

Имеется ещё и другое различие между меновой торговлей и обращением товаров. Простой обмен продуктов состоит в обмене *излишка* продуктов и оставляет на первых порах без изменений первобытно-коммунистические формы производства, стоящие под непосредственным контролем участвующих в нём лиц.

Напротив, развитие товарного обращения делает производственные отношения всё более запутанными, трудными для понимания и контроля. Отдельные производители становятся всё более и более независимыми друг от друга. Но тем более возрастает их зависимость от общественных отношений, которых они уже не могут контролировать, как это было при первобытном коммунизме. Общественные силы действуют, таким образом, подобно слепым силам

природы, которые, наталкиваясь в своей деятельности на препятствия, нарушающие их равновесие, раздражаются катастрофами, например ураганами и землетрясениями.

Вместе с развитием товарного обращения развиваются и зародыши таких катастроф. Представляемая товарным обращением возможность — продавать без необходимости тотчас же покупать — уже заключает в себе *возможность приостановки сбыта, кризисов*. Но, для того чтобы возможность эта превратилась в *действительность*, производительные силы должны перерастить рамки простого товарного обращения.

3. Обращение денег

Припомним те кругообороты товаров, которые мы проследили в последнем параграфе: зерно — деньги — скруток — деньги — вино — деньги — уголь и т. д. Кругооборот товаров сообщает движение и деньгам. Но движение денег не является круговым. Деньги, израсходованные крестьянином, всё больше и больше удаляются от него.

«Форма движения, непосредственно сообщаемая деньгам обращением товаров, представляет их постоянное удаление от исходного пункта, их переход из рук одного товаровладельца в руки другого, или их обращение» («Капитал», т. I, стр. 121).

Обращение денег есть *следствие* кругооборота товаров, а не его *причина*, как это часто думают. Товар как потребительная стоимость скоро исчезает из обращения. При простом товарном обращении, которое мы теперь исследуем, где ещё не может быть речи о регулярной торговле и перепродаже, он исчезает после первого же своего преграждения. Товар переходит в область потребления, и новая потребительная стоимость, равная ему по стоимости, становится на его место. В кругообороте зерно — деньги — скруток зерно исчезает из обращения после первого же превращения зерно — деньги, и продавцу зерна возвращается такая же стоимость, но уже в виде другой потребительной стоимости: деньги — скруток. Деньги же как средство обращения не исчезают из обращения, а постоянно находятся в этой области.

Теперь спрашивается: сколько денег требуется для обращения товаров?

Мы уже знаем, что каждый товар приравнивается к известному количеству денег и его цена определяется ещё раньше, чем он соприкасается с реальными деньгами. Этим путём заранее определены как цена каждого отдельного товара, так и сумма цен всех товаров, предполагая стоимость золота уже данной наперёд. Сумма цен товаров — это определённая воображаемая сумма золота. Чтобы товары могли обращаться, воображаемое золото должно стать действительным. Следовательно, общее количество обращающегося золота определяется суммой цен обращающихся товаров.

Следует иметь в виду, что мы остаёмся здесь в области простого товарного обращения, где ещё неизвестны кредитные деньги, взаимное погашение платежей и т. д.

При неизменяющихся ценах эта сумма цен колеблется вместе с общим количеством обращающихся товаров, а при неизменном их количестве — в зависимости от колебания их цен. При этом безразлично, чем бы колебание это ни было вызвано: неустойчивостью ли рыночных цен или изменением стоимости золота или товаров. При этом безразлично также, охватывает ли это колебание цен все товары или лишь некоторые.

Но отдельные продажи товаров не всегда совершаются вне связи между собой и не всегда *одновременно*.

Вернёмся к нашему прежнему примеру. Мы имеем ряд превращений: 5 центнеров зерна — 30 марок — 1 сюртук — 30 марок — 40 литров вина — 30 марок — 20 центнеров угля — 30 марок. Сумма цен этих четырёх товаров равна 120 маркам. Но для совершения этих четырёх продаж достаточно 30 марок, которые 4 раза меняют своё место, т. е. совершают четыре оборота. Если мы допустим, что все эти продажи имели место в течение одного дня, то общее количество денег, функционирующих в качестве средства обращения в определённой области обращения и в течение одного дня, будет равно: $\frac{120}{4} = 30$ маркам, или,

выражаясь более общо:
$$\frac{\text{сумма цен товаров}}{\text{число оборотов одноимённой монеты}} =$$

= количеству денег, функционирующих в качестве

средства обращения в течение определённого отрезка времени.

Время обращения различных монет в стране, разумеется, различно. Одна может целые годы пролежать в сундуке, другая — совершить 30 оборотов в один день. Но *средняя* скорость их обращения всё-таки является определённой величиной.

Скорость обращения денег обусловлена быстротой обращения товаров. Чем быстрее товары переходят из сферы обращения в сферу потребления и чем быстрее они замещаются новыми товарами, тем быстрее обращаются деньги. Чем медленней обращение товаров, тем медленней обращаются деньги, тем меньше приходится видеть денег. Люди, которые видят только поверхность явлений, полагают тогда, что существует недостаток в деньгах и этот недостаток вызывает застой в обращении. И такой случай, правда, возможен, но в настоящее время он едва ли может иметь место в течение сколько-нибудь продолжительного времени.

4. Монета. Бумажные деньги

Для торговли было, разумеется, большим неудобством то обстоятельство, что при каждой продаже и покупке оказывалось необходимым определять содержание и вес каждого куска денежного металла. Это неудобство исчезло, как только общепризнанный авторитет стал гарантировать верность веса и содержание каждого куска металла. Таким образом, слитки металла превратились в изготавлиемые государством *металлические монеты*.

Монетная форма денег вытекает из их *функции как средства обращения*. Но как только деньги приобретают форму монеты, эта последняя получает в сфере обращения новое, независимое от её *содержания* значение. Удостоверение государства в том, что данный монетный знак содержит известное количество золота или равен ему, является при известных обстоятельствах достаточным для того, чтобы монетный знак стал служить таким же средством обращения, как и реальное количество золота.

К этому приводит уже самое обращение монет. Чем дольше монета находится в обращении, тем больше она стирается. Её наименование и действительное содержание начинают всё больше и больше разниться друг от друга. Старая монета легче только что отчеканенной, — и всё же при известных обстоятельствах обе могут представлять одинаковые стоимости как средства обращения.

Ещё резче проявляется разница между наименованием и действительным содержанием в разменной монете. Неблагородные металлы, как, например, медь, очень часто служили первоначально деньгами, а затем уже были вытеснены благородными металлами. Медь, а после введения золотой валюты и серебро перестали быть мерами стоимости, хотя медные и серебряные монеты продолжают функционировать в качестве средства обращения в мелочной торговле. Они стали соответствовать теперь определённым весовым частям золота. Стоимость, которую они представляют, изменялась в зависимости от реальной стоимости золота и нисколько не зависела от колебаний стоимости серебра и меди.

Очевидно, что при этих условиях их металлическое содержание не имеет влияния на их монетную функцию и что можно произвольно, посредством законов, определить, какое количество золота должна представлять медная или серебряная монета. Отсюда — только один шаг к тому, чтобы заменить металлический знак бумажным, приравнять законодательным путём не имеющий никакой стоимости кусок бумаги к некоторому количеству золота.

Так возникли *государственные бумажные деньги*, которые не следует смешивать с кредитными деньгами, происшедшими из другой функции денег.

Бумажные деньги могут заменять золотые деньги только в качестве средства обращения, но не в качестве меры стоимости. Они могут заменять их лишь постольку, поскольку они представляют определённые количества золота. Для бумажных денег как средства обращения остаются в силе те же законы, что и для металлических, которые они замещают. Бумажные деньги никогда не могут представлять большее количество золота, чем то, которое может быть поглощено обращением товаров. Если в какой-нибудь стране обращение товаров вызывает по-

требность в 100 миллионах марок золотом, а государство пустит в оборот бумажных денег на 200 миллионов, то в результате получится, что, например, на две 20-марковые бумажки можно будет купить лишь столько же, сколько на одну золотую монету в 20 марок. В этом случае цены, выраженные в бумажных деньгах, будут вдвое превышать цены, выраженные в золоте. Бумажные деньги будут обесценены вследствие чрезмерного их выпуска. Грандиознейшим примером такого обесценения бумажных денег вследствие чрезмерного их выпуска были ассигнаты французской революции, которых за 7 лет (с 1790 г. по март 1797 г.) было выпущено на сумму в 45 581 миллион франков с лишним и которые в конце концов потеряли всякую стоимость¹.

5. Прочие функции денег

Мы проследили возникновение простого обращения товаров и видели, как вместе с ним развиваются функции денег как *меры стоимости* и *средства обращения*. Этим, однако, ещё не ограничиваются функции денег.

Вместе с развитием товарного обращения развиваются необходимость и страсть сохранять и накапливать денежный товар — золото. Особенности денег соответствуют особенностям товарного производства. Это последнее есть такой способ производства, при котором *общественное производство* ведётся самостоятельными и независимыми друг от друга производителями. Точно так же и деньги являются такой *общественной силой*, которая, однако, не является силой общества, а может стать *частной собственностью* каждого отдельного лица. Чем большая сумма денег находится в обладании данного лица, тем значительнее его общественное могущество, тем большим количеством благ, наслаждений, продуктов чужого труда он располагает.

¹ Обесценение бумажных денег в несравненно большем масштабе имело место в Германии после первой мировой войны. В результате политики германской буржуазии, направленной к ограблению трудящихся масс, выпуск бумажных денег достиг астрономических размеров. В ноябре 1923 г. при проведении денежной реформы одна золотая марка была приравнена к миллиарду бумажных марок.— *Ред.*

Золото всемогуще. Оно — единственный товар, который всем нужен и который всякий принимает. Поэтому вместе с ростом товарного обращения пробуждается и растёт жажда золота.

Однако с развитием товарного производства накопление золота становится не только страстью, но и *необходимостью*. Чем большее число продуктов становится товарами, чем меньшее их число производится для потребления, тем необходимее обладать деньгами, чтобы вообще иметь возможность существовать. Человек вынужден постоянно покупать, а чтобы иметь возможность покупать, он должен сначала продать. Но для производства товаров, которые он продаёт, нужно время, притом продажа эта зависит от случая. Чтобы продолжать производство и существовать в течение производственного периода, он должен обладать денежным запасом. Такой запас необходим и для покрытия дефицитов в периоды заминок сбыта.

Мы уже видели, что количество обращающихся денег зависит от цен и количества товаров и от скорости обращения самих денег. Каждый из этих факторов постоянно изменяется. Поэтому количество обращающихся денег подвержено непрерывным колебаниям. Откуда появляются деньги, когда в них оказывается нужда, и куда девается их излишек? *Денежные сокровища*, которые накаплиются в различных местах, являются теми резервуарами, которые то поглощают деньги, то отдают их обратно. Таким образом выравниваются нарушения в процессе обращения товаров.

На первых ступенях товарного обращения, так же как и при простом обмене, два товара всегда обмениваются непосредственно друг на друга. Вся разница заключается в том, что теперь одним из товаров всегда является всеобщий эквивалент, *денежный товар*. Однако при дальнейшем развитии обращения товаров возникают такие обстоятельства, вследствие которых момент продажи товара не совпадает по времени с моментом получения суммы денег, соответствующей его цене. Нередко бывает так, что за товар платят раньше, чем его получают, или, что случается чаще, его оплачивают *позже*.

Поясним это на примере. Итальянский ткач шёлка, скажем XIII века, покупает шёлк, который он перерабаты-

вает, по соседству. Но шёлковые ткани, которые он изготовляет, посылаются в Германию. Пока они прибывают на место назначения, сбываются и выручка попадает обратно в Италию, проходит три-четыре месяца. Ткач изготовил некоторое количество ткани, а его сосед, прядильщик, в то же время изготовил некоторое количество шёлковой пряжи. Прядильщик сейчас же продаёт свой товар ткачу, но тот получит выручку от продажи своего товара только через 4 месяца. Что же происходит? Ткач *покупает* шёлк, но *платит* за него лишь через 4 месяца.

Отношения между покупателем и продавцом принимают теперь совсем иной характер. *Продавец становится кредитором, покупатель — должником.* Да и деньги получают теперь новую функцию. Они уже не служат посредниками при обращении товара, а самостоятельно завершают его обращение. В этой своей функции они уже не средство обращения, а *средство платежа*, средство выполнения принятого кем-либо обязательства доставить известную сумму стоимостей.

Такое обязательство не всегда вытекает из процесса обращения товаров. Чем больше развивается товарное производство, тем сильнее обнаруживается стремление превратить доставку определённых потребительных стоимостей в платёж деньгами, этой всеобщей формой стоимости. Натуральные повинности по отношению к государству превращаются в денежные налоги, уплата жалованья чиновникам начинает производиться уже не натурой, не продуктами, а деньгами и т. д. Функция денег как платёжного средства выходит, стало быть, за пределы товарного обращения.

Вернёмся, однако, к нашему ткачу. Он купил у прядильщика шёлк, но не может сейчас заплатить за него. Но в денежных делах нет места любезностям. Прядильщик шёлка рассуждает так: что написано пером, нельзя вырубить и топором. Он берёт у ткача расписку, согласно которой последний обязуется уплатить через 4 месяца сумму, равную цене проданного шёлка. У прядильщика в свою очередь есть обязательства, по которым он должен уплатить в течение этих 4 месяцев, а так как у него нет наличных денег, то он платит распиской ткача. *Эта последняя служит теперь деньгами*; возникает, таким образом,

новый вид бумажных денег — *кредитные деньги* (векселя, чеки и т. д.).

Возможен и другой случай. Ткач купил у прядильщика шёлку на 5 дукатов. Прядильщик в свою очередь приобрёл своей жене у ювелира браслет за 6 дукатов. Ювелир в то же время набрал у ткача шёлковых материй на 4 дуката. Платежи должны быть произведены в одно и то же время. Все трое — прядильщик, ткач и ювелир — сходятся. Первый должен уплатить последнему 6 дукатов и получить от ткача 5 дукатов. Он даёт ювелиру один дукат, а за получением остального отправляет его к ткачу. Но последнему следует получить с ювелира 4 дуката. Поэтому он вручает ему всего только один дукат, и все трое оказываются в расчёте. Таким образом, посредством взаимного уравнивания три платежа на общую сумму в 15 дукатов погашены с помощью всего 2 дукатов.

Разумеется, в действительности дело обстоит далеко не так просто, как мы это здесь изображаем. Но фактически часть платежей продавцов товаров всегда взаимно погашается, и тем в большей части, чем сильнее развивается обращение товаров. Концентрация платежей в нескольких определённых местах и в известные сроки содействует установлению особых учреждений и способов такого взаимного погашения, как, например, *virements* в средневековом Лионе. В настоящее время этой цели служат жиро-банки, расчётные палаты и т. п. Только такие платежи, которые не погашаются взаимно, должны производиться наличными деньгами.

Кредитная система устраняет накопление сокровищ как самостоятельную форму обогащения. Тому, кто желает сохранить своё состояние, нет уже надобности закапывать его в землю или прятать в сундук: он может отдать свои деньги в займы. С другой стороны, кредитная система припуждает к *временному* накоплению сокровищ, к собиранию денежных сумм, которые в день платежа могли бы послужить для расплаты.

Не всегда, однако, удаётся собрать необходимое для этого количество денег. Вспомним о нашем ткаче. Он обещал прядильщику заплатить за шёлк через 4 месяца, так как рассчитывал продать к этому сроку свой товар. Предположим, однако, что сработанная им ткань не нашла себе

покупателя и он, следовательно, не в состоянии расплатиться. Но придильщик рассчитывал на эту плату и в надежде на неё в свою очередь взял на себя обязательства, скажем, по отношению к ювелиру; тот с своей стороны — по отношению к кому-нибудь третьему и т. д.

Мы видим, таким образом, что неплатёжеспособность одного влечёт за собой неплатёжеспособность других, и притом тем в большей степени, чем более развита система следующих друг за другом и вытекающих один из другого платежей. Допустим теперь, что не *один* производитель, а целый ряд оказался бы — скажем, вследствие всеобщего перепроизводства — не в состоянии продать свои товары. Их неплатёжеспособность влечёт за собой неплатёжеспособность других, уже продавших свои товары производителям. Денежные расписки теряют свою стоимость, и все требуют всеобщего эквивалента — наличных денег. Происходит общий недостаток в деньгах, *денежный кризис*, который при известной степени развития кредита становится неизбежным спутником всякого промышленного или торгового кризиса. Он яснее всего показывает, что при товарном производстве деньги не могут быть заменены простыми чеками на получение товаров.

Деньги имеют двоякую сферу обращения: *внутренний рынок*, в пределах данного государства, и *мировой рынок*. Формой монеты и знака стоимости деньги обладают только *внутри* страны, но не в международных отношениях. На *мировом рынке* они снова принимают свою первоначальную форму слитков благородного металла — золота и серебра. На мировом рынке *оба* металла служат до сих пор мерой стоимости, тогда как во внутреннем обращении страны только *один* денежный товар может на самом деле исполнять функцию меры стоимости. Впрочем, с того времени как Маркс писал свой «Капитал», золото, несомненно, обнаруживает тенденцию стать и на мировом рынке единственным денежным товаром.

Главнейшая функция мировых денег — это служить *платёжным средством* для выравнивания международных балансов — излишков и дефицитов ввоза и вывоза.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПРЕВРАЩЕНИЕ ДЕНЕГ В КАПИТАЛ

1. Что такое капитал

Во второй главе мы проследили, как из обмена продуктов развилось товарное обращение.

Сделаем теперь следующий шаг. При простом товарном обращении товаровладелец продаёт свои товары, чтобы купить другие. Но с течением времени из этой формы товарного обращения развивается новая форма движения: *покупка с целью продажи*. Формула простого товарного обращения, как мы знаем, гласит: товар — деньги — товар; формула новой формы обращения гласит: деньги — товар — деньги.

Сравним эти две формулы.

Движение товар — деньги — товар имеет целью *потребление*. Я продаю товар, который не представляет для меня потребительной стоимости, чтобы приобрести другие товары, которые для меня являются потребительной стоимостью. Кругооборот товар — деньги — товар является замкнутым в себе самом. Вырученные при продаже деньги превращаются в товар, который потребляется и выходит из обращения. А деньги отдаются раз навсегда и в своём движении отдаляются от своего прежнего владельца. Товар, которым заканчивается кругооборот при нормальных условиях простого товарного обращения, — а только о таких условиях может здесь идти речь — по своей стоимости как раз равен тому, с которого кругооборот начался.

Не то получится при кругообороте деньги — товар — деньги. Не потребление является его целью. Конечный пункт кругооборота составляет не товар, а деньги. Деньги, которые при начале кругооборота выбрасываются в обращение, не отданы навсегда, а лишь *авансированы*. Они снова возвращаются к своему первоначальному владельцу. Сам кругооборот уже не замкнут в себе самом, а постоянно повторяется, уносясь всё дальше и дальше; авансированные деньги возвращаются назад, чтобы снова быть брошенными в обращение и снова возвратиться назад; и эта игра повторяется до бесконечности. Движение денег, по-

рождаемое кругооборотом деньги — товар — деньги, бес-
предельно.

Однако в чём же заключается движущая сила этого кругооборота? Движущая сила кругооборота товар — деньги — товар ясна. Напротив, кругооборот деньги — товар — деньги на первый взгляд кажется лишённым всякого смысла. Когда я продаю библию, чтобы на вырученные деньги купить хлеба, то в конце кругооборота в моём распоряжении оказывается совсем *иной* товар, чем в начале, хотя стоимость его та же самая. Первый товар удовлетворяет мой духовный голод, но очень мало помогает мне, когда этот последний уже удовлетворён, когда, например, я знаю библию наизусть, но не имею средств к удовлетворению физического голода.

Но когда я покупаю за 100 рублей картофель, чтобы снова продать его за 100 рублей, то в конце процесса я оказываюсь на том же самом месте, как и в начале; весь процесс не представляет ни цели, ни выгоды. Выгода имела бы лишь тогда, когда денежная сумма в конце сделки была бы *иная*, чем в начале. Но денежные суммы разнятся одна от другой только своей *величиной*. Таким образом, кругооборот деньги — товар — деньги лишь в том случае не будет бесцельным, если денежная сумма, которой он заключается, будет больше той, которой он начинается.

Это *увеличение* денежной суммы и составляет в действительности побудительный мотив кругооборота. Кто покупает с целью продажи, тот покупает, чтобы продать *дороже*. Кругооборот деньги — товар — деньги протекает нормально лишь в том случае, если денежная сумма в конце оказывается *большей*, чем вначале. Кругооборот же товар — деньги — товар, как мы знаем, лишь тогда идёт нормально, когда стоимость товара, которым кругооборот заканчивается, та же самая, что и у товара, которым он начинается.

Всякая покупка есть в то же время и продажа, и па-
оборот. Поэтому кругооборот деньги — товар — деньги имеет, повидимому, тот же смысл, что и кругооборот товар — деньги — товар. Однако для нас ясно уже, что оба кругооборота отличаются друг от друга *по существу*.

Если — оставаясь при нашем примере — я покупаю картофель за 100 рублей, чтобы снова перепродать его, то

я делаю это с целью продать его дорожке, например за 110, т. е. за $100 + 10$ рублей, следовательно, вообще говоря, за сумму, равную первоначальной плюс некоторая *надбавка*. Если мы обозначим товар буквой T , первоначальную сумму денег — буквой D , добавочную сумму денег — d , то мы сможем изобразить полную формулу деньги — товар — деньги следующим образом:

$$D - T - (D + d).$$

Это d , этот избыток стоимости, который обнаруживается в конце кругооборота сверх первоначально авансированной стоимости, Маркс называет *прибавочной стоимостью*. Её точно так же не следует смешивать с *формами её проявления* — прибылью, процентом и пр., как стоимость — с ценой. В нашем изложении речь идёт пока только об *основах*, а не о *формах проявления* экономических категорий. Это мы замечаем во избежание недоразумений.

Прибавочная стоимость представляет собой отличительную особенность кругооборота $D - T - (D + d)$. Более того, стоимость, которая обращается в форме этого кругооборота, сама получает благодаря прибавочной стоимости новый характер: она становится *капиталом*.

Капитал может быть понят только внутри этого *движения*. Это *стоимость, приносящая прибавочную стоимость*. Кто отвлекается от этого движения и хочет понять капитал как неподвижную вещь, тот всегда будет наталкиваться на противоречие. Отсюда — наблюдающаяся в распространённых экономических учебниках путаница по вопросу о понятии капитала, о том, какие *вещи* можно называть капиталом.

Одни определяют его как орудие труда, и в этом случае мы приходим к существованию капиталистов каменного века; даже обезьяна, которая разбивает камнем орех, как же оказывается тогда капиталистом. Равным образом и палка, которой бродяга сбивает плоды с дерева, становится капиталом, а сам бродяга — капиталистом.

Другие определяют капитал как сбережённый труд, благодаря чему хомяки и муравьи удостоиваются чести фигурировать в звании коллег Ротшильда, Блейхредера и Круппа. Некоторые экономисты зачисляют в капитал ре-

нительно всё, что облегчает труд или делает его более производительным, например государство, знания человека, его дух.

Ясно, что подобные всеобщие определения ведут лишь к общим местам, которые, может быть, очень поучительны в детских букварях, но несколько не облегчают нам познания форм человеческого общества, его законов и движущих сил. Маркс первый изгнал из области политической экономии эти общие места, которые до него пользовались в некоторых её разделах почти неограниченным господством. В особенности это наблюдалось при изложении свойств и качеств капитала.

Мы видели, что капитал есть стоимость, приносящая прибавочную стоимость, а его общая формула такова: $D - T = (D + \partial)$. Уже из этой последней вытекает вывод, который подтверждается фактами, а именно, что *деньги* есть та форма, с которой каждый новый капитал начинает своё движение. Из этой же формулы явствует также, что движение капитала необходимым образом обуславливает его превращение из денежной формы в разнообразные формы товаров, равно как и обратное превращение из этих форм в деньги.

Мы видим из этой формулы также, что не всякие деньги и не всякий товар являются капиталом, что они становятся капиталом лишь в том случае, если они производят определённое *движение*. Но для этого движения опять-таки необходимы особые исторические предпосылки, с которыми мы ещё познакомимся. А деньги, которые я отдаю, покупая предмет потребления, например хлеб или сюртук, столь же мало выполняют функцию капитала, как и товар, который я сам произвёл и затем продаю.

Конечно, средства производства, накопленный труд и т. п. образуют вещественное содержание капитала, но только при известных обстоятельствах. Отвлекаясь от этих обстоятельств, мы тем самым отвлекаемся от особенностей современного способа производства и напускаем на них туман, при котором можно сочинять что угодно. Поэтому все учёные и неучёные представители капитализма ничего не хотят знать ни о марксовой теории капитала, ни о теории стоимости, на которой она основана.

2. Источник прибавочной стоимости

Мы знаем теперь всеобщую формулу капитала: $D - T - (D + \partial)$. Но мы ещё не знаем, откуда происходит ∂ — прибавочная стоимость. Из этой формулы как будто вытекает, что прибавочная стоимость порождается актами покупки и продажи, что она, следовательно, возникает из товарного обращения.

Такое воззрение очень популярно, но оно по большей части покоится на смешении *стоимости товара с потребительной стоимостью*. Смешение это особенно ярко выступает, когда утверждают, что при обмене обе стороны выигрывают, так как каждый отдаёт то, в чём он не нуждается, и получает то, что ему нужно. Мысль эту выражают так: «Я отдаю вещь, обладающую для меня меньшей стоимостью, и получаю за неё такую, которая представляет для меня большую стоимость».

Такое представление о возникновении прибавочной стоимости возможно лишь тогда, когда самое понятие стоимости ещё весьма смутно. Чтобы удовлетвориться такими представлениями, нужно, с одной стороны, забыть, что обмен товаров покоится как раз на *различии их потребительных стоимостей*, но в то же время на *равенстве стоимостей товаров*. С другой стороны, нужно быть столь наивным, чтобы, подобно большинству читателей вульгарных экономистов, принимать за чистую монету всё, что они рассказывают, и на самом деле поверить, что, например, коммерческие операции современного купца стоят на одинаковой ступени с первобытным обменом между дикарями. Мы знаем уже, что прибавочная стоимость возникает не на ступени простого обмена, а на ступени *товарного обращения*, которое совершается при посредстве *денег*, и что прибавочная стоимость появляется на сцену в виде избытка *денег*. Следовательно, о какой-либо «прибыли», которую я приобретаю, получая вещь, имеющую для меня потребительную стоимость, и отдавая вещь, не имеющую для меня такой стоимости, не может быть и речи при сделке, выражающейся формулой $D - T - (D + \partial)$.

Здесь мы встречаемся с манёвром вульгарной экономики, к которому она охотно прибегает, когда дело идёт об её главной задаче — о том, чтобы затруднить познание со-

временных экономических отношений: она отождествляет современные явления с явлениями давно минувших времён.

Здесь мы имеем дело не с обменом, а с товарным обращением. При нормальных условиях последнее столь же мало, как и обмен, может создавать прибавочную стоимость, если всякий раз равные стоимости обмениваются на равные же стоимости.

Но допустим, что законы товарного обращения нарушены. Представим себе, что владельцы товаров получили привилегию продавать товары с надбавкой в цене 10% против их первоначальной стоимости. Теперь портной продаёт сюртук не за 30, а за 33 марки. Но — увы! — за бочонок вина, который он раньше покупал за 30 марок, он теперь должен уплатить также 33 марки. Таким образом, он не выиграл ничего.

Мы можем сделать ещё одну попытку объяснить возникновение прибавочной стоимости. Предположим, что не все, а только некоторые товаровладельцы умеют покупать товары ниже, а продавать — выше их стоимости. Купец покупает у крестьянина 40 центнеров картофеля, стоящие 100 марок, за 90 марок, а продаёт их портному за 110 марок. В конце оборота в руках у купца оказывается бо́льшая стоимость, чем была в начале его. Но общая масса всех имеющихся налицо стоимостей остаётся при этом прежней. Мы имели вначале стоимость в 100 марок (у крестьянина) + 90 марок (у купца) + 110 марок (у портного) = 300 марок; в конце: 90 марок (у крестьянина) + 110 марок (у купца) + 100 марок (у портного) = 300 марок.

Стало быть, бо́льшая стоимость в руках купца оказалась не в результате увеличения стоимости вообще, а в результате уменьшения стоимости в руках других. Если я пожелаю назвать такую увеличенную стоимость прибавочной стоимостью, то я с таким же правом могу дать это название и той стоимости, которую вор непосредственно крадёт из чужого кармана.

Впрочем, исторически присвоение прибавочной стоимости началось именно этим способом — путём присвоения чужой стоимости либо в процессе товарного обращения *торговым капиталом*, либо совершенно открыто, вне этого

процесса, *ростовщическим капиталом*. Но оба эти вида капитала стали возможны лишь благодаря нарушению законов товарного обращения, — благодаря открытому и грубому нарушению его основного закона, гласящего, что стоимости обмениваются лишь на равные стоимости. Поэтому капитал, пока он существовал лишь в форме торгового и ростовщического капитала, стоял в *противоречии* к экономическому строю своего времени, а вместе с тем также и в противоречии к его *моральным* воззрениям. В древности, равно как и в средние века, торговля и особенно ростовщичество пользовались дурной репутацией; они одинаково клеймились как античными языческими философами, так и отцами церкви, как папами, так и реформаторами.

Если мы захотим представить тип млекопитающих, то не возьмём за образец утконоса, *кладущего яйца*. Точно так же, если мы хотим познать капитал, представляющий экономическую основу современного общества, то не должны исходить из его, так сказать, допотопных форм — ростовщического и торгового капитала. Лишь после того как возникает другая, высшая форма капитала, возникают также и последующие звенья, которые приводят функции торгового и ростовщического капитала в соответствие с законами господствующей ныне формы товарного производства. Лишь с этого времени эти функции перестают носить неизбежный доселе характер простого мошенничества и прямого грабежа. Торговый и ростовщический капитал могут быть поняты только после того, как мы изучим основную форму капитала настоящего времени.

Теперь понятно, почему Маркс в первых двух томах «Капитала» совсем не касался торгового и ростовщического капитала: тома эти посвящены исследованию *основных законов* капитала.

Нам печего, стало быть, останавливаться далее на обеих упомянутых формах капитала.

В качестве вывода мы должны лишь установить тот факт, что прибавочная стоимость не может возникнуть из товарного обращения. Ни покупка, ни продажа не создают прибавочной стоимости.

Но, с другой стороны, прибавочная стоимость не может также возникнуть и вне области товарного обращения. То-

варовладелец может изменить форму товара при помощи труда и придать ему, таким образом, *новую* стоимость, которая определяется количеством затраченного на него общественно необходимого труда, но стоимость *первоначального* товара вследствие этого не увеличится; последний не приобретёт таким путём никакой прибавочной стоимости. Если ткач покупает шёлк стоимостью в 100 марок и перерабатывает его в шёлковую материю, то стоимость этой материи будет равна стоимости шёлка плюс стоимость, созданная трудом ткача. Стоимость шёлка как такового этим трудом несколько не будет увеличена.

Таким образом, мы стоим перед странной загадкой: прибавочная стоимость не может быть порождена товарным обращением, но она не может также возникнуть и вне его сферы.

3. Рабочая сила как товар

Присмотримся поближе к всеобщей формуле капитала. Она гласит: $D - T - (D + \vartheta)$. Она складывается из двух актов: $D - T$, покупка товара, и $T - (D + \vartheta)$, его продажа. По законам товарного обращения стоимость D должна быть равна T , а T равно $D + \vartheta$. Но это возможно лишь тогда, когда T само увеличивается, т. е. когда T есть товар, который в процессе своего потребления производит большую стоимость, чем какую он сам обладает.

Загадка прибавочной стоимости разрешается, как только мы найдём товар, чья потребительная стоимость обладает специфическим свойством быть источником стоимости, чьё потребление есть созидание стоимости, так что формула $D - T - (D + \vartheta)$ в применении к нему примет такой вид: $D - T \dots (T + r) - (D + \vartheta)$.

Но мы знаем, что стоимость товаров создаётся только трудом. Следовательно, приведённая выше формула может осуществиться лишь в том случае, если рабочая сила становится товаром.

«Под рабочей силой, или способностью к труду, мы понимаем совокупность физических и духовных способностей, которыми располагает организм, живая личность человека, и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он

производит какие-либо потребительные стоимости» («Капитал», т. I, стр. 173—174).

Рабочая сила должна появиться на рынке в качестве товара. Что это значит? Мы видели выше, что предпосылкой обмена товаров служит право товаровладельцев на совершенно свободное распоряжение своими товарами. Следовательно, собственник рабочей силы — рабочий — должен быть свободным человеком, если его рабочая сила должна стать товаром. Для того чтобы его рабочая сила могла оставаться товаром и в будущем, рабочий должен продавать её не навсегда, а на определённый срок: иначе он становится рабом и превращается из товаровладельца в товар.

Ещё одно условие должно быть выполнено, раз рабочая сила должна стать товаром. Как мы видели, для того чтобы потребительная стоимость могла стать товаром, она не должна быть потребительной стоимостью для своего владельца. Точно так же и рабочая сила должна перестать быть потребительной стоимостью для рабочего, раз она должна появиться на рынке в качестве товара. Но потребительная стоимость рабочей силы состоит в производстве других потребительных стоимостей. Предпосылкой такого производства является обладание необходимыми средствами производства. Если рабочий обладает средствами производства, он не продаёт своей *рабочей силы*. Он сам применяет её и продаёт *продукты* своего труда. Чтобы рабочая сила стала товаром, рабочий должен быть отделён от средств производства, и прежде всего от важнейшего из них — земли.

Рабочий должен быть свободным во всех отношениях, свободным от всякой личной зависимости, а также свободным и от всех необходимых средств производства. Таковы те предварительные условия, которые необходимы для того, чтобы владелец денег мог превратить их в капитал. Эти предварительные условия не даются природой. Они свойственны не всякому обществу. Они представляют результат длительного исторического развития. Только сравнительно поздно они получают такое распространение, что оказываются в состоянии решающим образом влиять на весь строй общества. История существования современного капитала начинается с XVI века.

Мы знаем теперь товар, создающий прибавочную стоимость. Как же велика его собственная стоимость?

Стоимость товара — рабочая сила определяется, подобно стоимости всякого другого товара, рабочим временем, общественно необходимым для её производства, а следовательно, и воспроизводства.

Рабочая сила предполагает существование рабочего. Чтобы поддерживалось это существование, необходима известная сумма средств к жизни. Следовательно, рабочее время, необходимое для производства рабочей силы, равняется рабочему времени, общественно необходимому для производства такой суммы средств к жизни.

Ряд обстоятельств определяет величину этой суммы. Чем больше расходуется рабочая сила рабочего, чем дольше и напряжённее он работает, тем больше средств к жизни требует он, чтобы восстановить затрату энергии, чтобы быть в состоянии работать завтра точно так же, как он работал вчера.

С другой стороны, потребности рабочего класса в различных странах различны, соответственно естественным и культурным особенностям каждой страны. Норвежский рабочий нуждается в большей сумме средств к жизни, чем индийский; пища, одежда, жилище, топливо и пр., в которых нуждается первый для поддержания своего существования, требуют большего количества рабочего времени для их производства, чем средства к жизни индийского рабочего. Далее: в такой, скажем, стране, где рабочие ходят босиком или ничего не читают, их потребности ограничenee, чем там, где они, при тех же климатических и иных естественных условиях, более развиты, где они носят обувь, читают книги и газеты.

«Итак, — говорит Маркс, — в противоположность другим товарам определение стоимости рабочей силы включает в себя исторический и моральный элемент» («Капитал», т. I, стр. 178).

Затем, как известно всякому, рабочий смертен. Но капитал хочет быть бессмертным. Для этого необходимо, чтобы рабочий класс был бессмертен, чтобы рабочие размножались. Следовательно, сумма средств к жизни, необходимых для поддержания рабочей силы, включает в себя также и средства к жизни, необходи-

мые для существования детей (а иногда и жены) рабочего.

Наконец, к издержкам производства рабочей силы надо причислять также и издержки на её образование, издержки, требующиеся для достижения известной искусности в определённой отрасли труда. Впрочем, для большинства рабочих эти издержки ничтожно малы.

Все эти обстоятельства обуславливают то, что стоимость рабочей силы рабочего класса в определённой стране и в определённое время есть величина определённая.

До сих пор мы говорили не о цене, а о стоимости; не о прибыли, а о прибавочной стоимости. Точно так же и здесь нужно иметь в виду, что мы говорим *о стоимости рабочей силы, а не о заработной плате*. Однако уже здесь необходимо указать на одну особенность, которая наблюдается при оплате рабочей силы. По взглядам вульгарных экономистов, капиталист платит рабочим авансом, так как он в большинстве случаев платит рабочему раньше, чем успеет продать продукт его труда. В действительности же именно рабочий даёт свой труд капиталисту в кредит.

Допустим, некто покупает картофель, чтобы употребить его на производство спирта. При этом он платит за картофель лишь после того, как уже приготовил из него спирт, но раньше, чем продал его. Не смешно ли было бы, если бы он стал утверждать, что уплачивает крестьянину авансом цену его картофеля, так как платит ему прежде, чем успевает продать спирт? Наоборот, крестьянин кредитует его ценой своего картофеля на тот срок, пока он не приготовит спирт.

Если мы говорим, что платим наличными, то это значит, что мы уплачиваем за товар, как только покупаем его. Купцы не мало подивились бы нашей экономической мудрости, если бы мы стали утверждать, что тот, кто оплачивает их товары лишь после того, как они будут потреблены, не только платит наличными, но даже *платит* им деньги *авансом*. Однако вульгарные экономисты до сих пор осмеливаются преподносить рабочим подобный вздор.

Если бы у рабочих их товар — рабочая сила — покупался за наличные, то он оплачивался бы в тот самый момент, когда он переходит в распоряжение капиталиста,

т. е. в *начале* каждой недели, а не в *конце* её. При нынешней же системе оплаты рабочие не только рискуют своей заработной платой, но и вынуждены жить в долг и вследствие этого безропотно сносить всевозможную фальсификацию и подделку средств к жизни, приобретаемых в мелочной лавке. Чем длиннее сроки расчёта, тем хуже приходится рабочим. Двухнедельный, а то и месячный ероки расплаты — это тяжкое бремя, лежащее на наёмном рабочем.

Но, какова бы ни была система выплаты заработка рабочим, рабочий и капиталист при нормальных условиях всегда противостоят друг другу в качестве двух товаро-владельцев, обменивающих равные стоимости одна на другую. Движение капитала совершается отныне уже не вопреки законам товарного обращения, а на основании этих законов.

Следовательно, рабочий и капиталист противостоят друг другу как *свободные и равные*, независимые один от другого лица; как таковые они принадлежат к одному и тому же классу, они — братья. Рабочий и капиталист обменивают *равные* стоимости одна на другую: царство справедливости, свободы, равенства и братства — тысячелетнее царство счастья и мира кажется наступившим вместе с воцарением системы наёмного труда. Бедствия порабощения и тирании, эксплуатации и кулачного права остались там, позади.

Так возвещают нам учёные защитники интересов капитала.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА

В первом отделе мы имели дело главным образом с областью товарного рынка. Мы видели, как обмениваются, продаются и покупаются товары, как деньги выполняют самые различные функции, как, наконец, деньги превращаются в капитал, лишь только на рынке появляется товар — рабочая сила.

Капиталист купил рабочую силу и удаляется со своим новым приобретением *с рынка*, где ему нечего с нею делать, туда, где он может потребить её, воспользоваться ею, — *на предприятие*. Последуем туда и мы за ним. Оставим область *товарного обращения* и рассмотрим поближе к области *производства*. С этой областью мы будем иметь дело в дальнейшем изложении.

«Потребление рабочей силы — это сам труд» («Капитал», т. I, стр. 184).

Капиталист потребляет приобретённую им рабочую силу, заставляя её продавца работать на него, производить товары.

Труд, производящий товары, имеет, как мы уже видели в первом отделе, две стороны: он создаёт потребительные стоимости и стоимости товаров.

Как созидатель потребительных стоимостей труд несколько не является отличительной особенностью товарного производства, а, наоборот, — постоянной необходи-

мостью для человечества, которая существует независимо от той или иной формы общества. В качестве такового труд предполагает три момента: 1) *сознательную и целесообразную деятельность человека*, 2) *предмет труда* и 3) *средства труда*.

Труд есть целесообразная и сознательная деятельность человека, воздействие его на вещество природы, с тем чтобы придать ему форму, годную для удовлетворения человеческих потребностей. Элементы такого рода деятельности мы находим уже в царстве животных, но только на известной ступени развития человечества она окончательно теряет свою инстинктивную форму и становится вполне сознательной деятельностью. Всякий труд является не только мускульной, но и мозговой и нервной работой, Маркс метко замечает:

«Кроме напряжения тех органов, которыми выполняется труд, во всё время труда необходима целесообразная воля, выражающаяся во внимании, и притом необходима тем более, чем меньше труд увлекает рабочего своим содержанием и способом исполнения, следовательно чем меньше рабочий наслаждается трудом как игрой физических и интеллектуальных сил» («Капитал», т. I, стр. 185).

Работник воздействует на какой-нибудь предмет, который является *предметом труда*. В своей деятельности он употребляет различные вспомогательные орудия. Он использует их механические, физические или химические свойства, заставляя их сообразно своим целям воздействовать на предмет труда. Эти вспомогательные средства являются *средствами труда*. Результатом обработки предмета труда с помощью средств труда является *продукт*. Средства труда и предмет труда представляют *средства производства*.

Когда столяр изготавливает стол, он подвергает при этом обработке дерево. Иногда предмет труда дается природой, как, например, дерево в первобытном лесу. Чаще же всего он является результатом предварительной затраты труда. Так, например, в данном случае он является результатом труда рубки и перевозки дерева. Тогда он получает название *сырого материала*. В нашем примере *сырыми материалами* являются дерево, а также клей, краски, лак, употребляемые при производстве стола. Дерево есть *главный*

материал, клей, краски, лак являются *вспомогательными материалами*. Рубанок, пила и т. д. суть *средства труда*, стол является *продуктом*.

«Является ли известная потребительная стоимость сырым материалом, средством труда или продуктом, это всецело зависит от её определённой функции в процессе труда, от того места, которое она занимает в нём, и с переменой этого места изменяются и её определения» («Капитал», т. I, стр. 189).

Скот может, например, поочерёдно функционировать как продукт (скотоводства), как средство труда (скот, употреблённый для упряжи), и как сырой материал (при откармливании на убой).

Средства труда имеют громадное значение для развития человечества. Способ производства зависит прежде всего от них, а каждый способ производства обуславливает свойственные ему общественные отношения с соответствующей юридической, религиозной, философской и художественной надстройкой.

При каждом способе производства средства производства (предметы труда и средства труда) и рабочая сила составляют необходимые элементы производства *потребительных стоимостей*, т. е. *процесса труда*. Но *общественный характер* этого процесса различен при различных способах производства.

Посмотрим теперь, какую форму он принимает при капиталистическом способе производства.

Для товаропроизводителя производство *потребительных стоимостей* представляет только средство, целью же его является производство *стоимостей товаров*. Товар есть единство потребительной стоимости и стоимости. Поэтому нельзя производить стоимости, не производя вместе с тем и потребительных стоимостей. Товары, которые изготовляет товаропроизводитель, должны удовлетворять какой-нибудь потребности, должны быть полезны для кого-либо, иначе он не в состоянии будет их сбыть. Но то обстоятельство, что его товары должны быть потребительными стоимостями, является для него лишь неизбежным злом, а не действительной целью его хозяйственной деятельности.

Процесс товарного производства является поэтому одновременно процессом производства *потребительных*

стоимостей и стоимостей товаров, он представляет собой единство процесса труда и процесса образования стоимости.

Это справедливо для товарного производства вообще. Но теперь мы занимаемся рассмотрением процесса производства при особой форме товарного производства — именно производства товаров при помощи *купленной рабочей силы* с целью получения *прибавочной стоимости*.

Какую же форму принимает тогда *процесс труда*?

Первое время он не испытывает существенных изменений в результате вмешательства капиталиста.

Представим себе, например, ткача, работающего за свой счёт. Его ткацкий станок принадлежит ему: он сам покупает пряжу; он может работать, когда и как ему угодно, продукт его труда составляет его собственность. Но вот он разорился и принуждён продать свой станок. Чем ему теперь жить? Ему ничего не остаётся, как напиться к капиталисту и ткать на него. Тот покупает его рабочую силу, покупает также ткацкий станок и необходимое количество пряжи и помещает ткача за станок, принадлежащий капиталисту, с тем чтобы он перерабатывал купленную пряжу. Может быть, ткацкий станок, который купил капиталист, тот самый, который ткач по своей нужде должен был продать. Но и при отсутствии такого совпадения ткач ткёт тем же способом, что и прежде, и процесс труда с внешней стороны не изменился.

И всё-таки при этом произошло два важных изменения. Во-первых, ткач работает уже не на себя, а на капиталиста; тот контролирует теперь работника, следит за тем, чтобы он не работал слишком медленно или небрежно и т. п. И, во-вторых, продукт труда принадлежит теперь не работнику, а капиталисту.

Таково ближайшее действие, которое оказывает капитал на *процесс труда*, как только он овладевает процессом производства. Какой же вид принимает теперь процесс образования стоимости?

Вычислим прежде всего, какова стоимость продукта, который в качестве товара производит для капиталиста купленная им рабочая сила при посредстве купленных средств производства.

Положим, капиталист покупает рабочую силу на один день. Необходимые средства для существования работника

производятся в 6 часов общественно необходимого рабочего времени. Это же количество общественно необходимого рабочего времени пусть воплощается в 3 марках. Капиталист покупает рабочую силу по её стоимости: он платит работнику за рабочий день 3 марки¹.

Предположим, что, по мнению капиталиста, хлопчатобумажная пряжа представляет потребительную стоимость, на которую имеется большой спрос и которую в силу этого легко будет сбыть. Он решает производить пряжу, покупает орудия труда — ради простоты предположим, что последние состоят из одних лишь веретён и хлопка. В одном фунте хлопка содержится, положим, 2 часа труда — он стоит, следовательно, 1 марку. Из 1 фунта хлопка можно выпрясть 1 фунт пряжи. При выработке 100 фунтов хлопка, положим, потребляется, изнашивается одно веретено, следовательно, при выработке 1 фунта потребляется $\frac{1}{100}$ веретена. В одном веретене заключается 20 часов

¹ Приведённые здесь и ниже цифры являются, конечно, совершенно произвольными и выбраны исключительно ради большей наглядности. Это, казалось бы, должно быть само собой понятно. Но некоторые из писавших о «Капитале» изображают дело таким образом, будто Маркс приводил *примеры* вроде вышеизложенного как *факты*. До чего в состоянии дойти толкователи «Капитала», можно судить по следующему: в 57-м томе «Preussische Jahrbücher» господина фон Трейчке некто д-р Штегеман поместил чрезвычайно поверхностную статью об «Экономическом мировоззрении Карла Маркса». Непосредственно после того, как он «принцип стоимости» приводит как основное *требование* Маркса, он рассказывает (на стр. 227): «Маркс утверждает, что человеческое общество нуждалось бы только в 6 часах ежедневного труда для создания необходимых для всех средств существования, если бы только *каждый* работал и притом *сообразно своим силам*». Из всего этого нет в «Капитале» ни одного слова. Если бы господин Штегеман меньше фантазировал и с большим вниманием читал «Капитал», то он нашёл бы там на стр. 226, что Маркс на основании числовых данных, доставленных ему одним манчестерским фабрикантом, вычислил необходимый труд, который в 60-х годах *фактически* должен был затратить прядильщик одной определённой прядильной фабрики. Маркс пришёл к заключению, что при десятичасовом рабочем дне необходимое рабочее время прядильщика *не достигает 4 часов*, остальное же рабочее время, в течение которого он производит прибавочную стоимость, составляет больше 6 часов. Мы увидим ниже, что необходимое для существования работника рабочее время представляет чрезвычайно изменчивую величину.

труда, или 10 марок. За один час работы прядуться 2 фунта хлопка; за 6 часов, следовательно, — 12 фунтов, предполагая при этом всегда нормальные, средние общественно необходимые условия производства.

Сколько стоимости будет заключаться при таких обстоятельствах в 1 фунте пряжи?

Во-первых, стоимость хлопка и веретён, потреблённых при её изготовлении. Эта стоимость целиком, не увеличиваясь и не уменьшаясь, переходит на продукт. *Потребительная стоимость* хлопка и веретён изменилась, их стоимость осталась нетронутой. Это станет ясным, если рассматривать различные процессы труда, необходимые для изготовления окончательного продукта, как следующие одна за другой части одного и того же процесса труда.

Предположим, что прядильщик является в то же время и плантатором хлопка и что хлопок перерабатывается непосредственно после его добывания. Тогда пряжа является продуктом работы плантатора и прядильщика. Её стоимость измеряется рабочим временем, общественно необходимым для добывания хлопка и переработки его в пряжу.

В стоимости продукта не произойдёт никаких изменений, если, при прочих равных условиях, процессы труда, необходимые для его изготовления, будут совершаться уже за счёт не одного, а нескольких лиц. Стоимость подвергнувшегося переработке хлопка появится, следовательно, снова в пряже; то же самое произойдёт и со стоимостью потреблённых веретён. Различных вспомогательных вещей мы ради простоты не будем принимать здесь в расчёт.

К этой *перенесённой* стоимости присоединяется ещё стоимость, которую *прибавляет* к хлопку труд прядильщика. В течение 1 рабочего часа, предположим, перерабатываются в пряжу 2 фунта, а 2 рабочих часа выражаются в 1 марке. Час труда представляет, следовательно, стоимость в $\frac{1}{2}$ марки.

Стоимость 1 фунта пряжи равна, следовательно, стоимости 1 фунта хлопка ($= 1$ марке) $+ \frac{1}{100}$ веретена ($= \frac{1}{10}$ марки) $+ \frac{1}{2}$ часа труда ($= \frac{1}{4}$ марки); или, выражая всю стоимость в марках, $1 + \frac{1}{10} + \frac{1}{4} = 1$ марко 35 пфеннигам.

За 6 часов будет выпрядено 12 фунтов пряжи стоимостью в 16 марок 20 пфеннигов. Но во что обошёлся капиталисту этот продукт? Он должен был затратить 12 фунтов хлопка = 12 маркам, $\frac{12}{100}$ веретена = 1 марке 20 пфеннигам и 1 день рабочей силы = 3 маркам, а всего — 16 марок 20 пфеннигов, т. е. ровно столько, сколько он имеет в стоимости пряжи.

Итак, капиталист до сих пор, следовательно, *напрасно заставлял работника трудиться*. Купленный им товар — рабочая сила — пока не доставил ему никакой прибавочной стоимости.

Но капиталист не смущается. Он купил потребительную стоимость рабочей силы на *весь день*. Он купил её честно и правильно, по её полной стоимости. Значит, он имеет полное право целиком и без остатка использовать всю её потребительную стоимость. Ему и в голову не придёт сказать работнику: «Я купил твою рабочую силу за сумму денег, выражающую 6 рабочих часов; ты работал на меня 6 часов, мы, стало быть, квиты, ты можешь идти». Напротив, он говорит ему: «Я купил твою рабочую силу на весь день, в течение всего дня она принадлежит мне; поэтому живо снова за работу, пока ты в силах, не теряя ни одного мгновения времени — ведь это время принадлежит не тебе, а мне». И он заставляет рабочего работать не 6 часов, а больше — скажем, 12 часов.

По истечении следующих шести часов, в конце рабочего дня он снова подсчитывает итог. Теперь он обладает 24 фунтами пряжи стоимостью в 32 марки 40 пфеннигов. Издержки же его таковы: 24 фунта хлопка = 24 маркам, $\frac{24}{100}$ веретена = 2 маркам 40 пфеннигам и 1 рабочая сила = 3 маркам — всего 29 марок 40 пфеннигов. С улыбкой закрывает он свою счётную книгу. Он выиграл, или, по его выражению, «заработал» 3 марки.

Он заработал, приобрёл прибавочную стоимость, не нарушив законов товарного обращения. Хлопок, веретёна, рабочая сила — всё это куплено по их стоимости. Если он приобрёл прибавочную стоимость, то только потому, что он *потребил* купленные им товары — потребил, разумеется, не как *средства наслаждения*, а как *средства производства*, — а также потому, что потребительную стои-

мость купленной им рабочей силы он потребил *выше известного предела*.

Процесс производства при системе товарного производства всегда является *процессом образования стоимости*, независимо от того, совершается ли он с помощью *купленной* или же *собственной* рабочей силы. Но только тогда, когда процесс образования стоимости продолжается *дальше известного предела*, он становится и творцом *прибавочной стоимости* и в качестве такового — *процессом возрастания стоимости*. Процесс производства должен продолжаться *дальше того пункта*, до которого он необходим для производства стоимости, равной стоимости купленной рабочей силы, если целью его является производство *прибавочной стоимости*.

И крестьянин, обрабатывающий своё собственное поле, и ремесленник, работающий за свой собственный счёт, могут работать *сверх* того времени, которое они вынуждены работать для воспроизведения потребляемых ими средств существования. И они могут, следовательно, производить *прибавочную стоимость*, и их труд может представлять процесс *возрастания стоимости*. Но только когда процесс *возрастания стоимости* совершается с помощью *купленной чужой* рабочей силы, он является *капиталистическим процессом производства*; этот последний по самой природе своей, по той цели, которая ему ставится, в силу необходимости является процессом *возрастания стоимости*.

ГЛАВА ВТОРАЯ

РОЛЬ КАПИТАЛА В ОБРАЗОВАНИИ СТОИМОСТИ

В первой главе первого отдела мы познакомились с установленным впервые Марксом различием, касающимся двойственного характера труда, производящего товары. С одной стороны, этот труд представляет собой *определённую форму полезной, производящей потребительные стоимости, работы*. С другой стороны, он представляет собой *общечеловеческий, средний простой труд, производящий стоимости товаров*.

Соответственно этому двойственному характеру труда и сам производственный процесс при господстве товарного производства раздвоен. Он есть единство *процесса труда* и *процесса образования стоимости*. В качестве же капиталистического процесса производства он представляет единство *процесса труда* и *процесса возрастания стоимости*.

В последней главе мы познакомились с обоими элементами процесса труда: средствами производства и рабочей силой. Но мы познакомились также и с различными ролями, какие оба эти элемента играют в качестве частей капитала в процессе возрастания стоимости. Мы видели, что средства производства совсем иначе принимают участие в образовании стоимости продукта, чем рабочая сила.

Мы нашли, что стоимость издержанных средств производства снова появляется в стоимости произведённого продукта. Перенесение этой стоимости происходит в процессе труда и при посредстве труда.

Но почему это возможно? Труд должен выполнять одновременно двойную задачу — создавать новую стоимость и переносить старую. Это можно понять, лишь приняв во внимание двойственный характер труда, о котором мы только что упомянули. В качестве *образующего стоимость* общечеловеческого труда он создаёт новую стоимость. В качестве же производящей потребительную стоимость особенной формы полезной работы он переносит на продукт стоимость средств производства.

Только при помощи особенной формы работы — прядения — может быть перенесена стоимость хлопка и прялки на пряжу. Напротив, прядильщик имеет возможность ту стоимость, которую он создаёт в качестве прядильщика, создавать и путём иной формы работы, например в качестве столяра. Но тогда он уже не производит пряжи и не переносит, следовательно, стоимости хлопка на пряжу.

Двойственный характер труда, как *создающего стоимость* и как *переносящего стоимость*, станет особенно ясным, если мы рассмотрим, как влияют изменения производительности труда на образование стоимости и на перенесение стоимости. Величина стоимости, создаваемой в течение одного рабочего часа, не изменяется, если при прочих равных условиях производительность труда возра-

стает или падает. Напротив, количество потребительных стоимостей, производимых в течение определённого промежутка времени, возрастает или падает вместе с производительностью труда. Следовательно, в той же степени возрастает или уменьшается и способность труда к перенесению стоимости.

Допустим, например, что какое-нибудь изобретение удвоит производительность труда прядильщика, между тем как производительность труда в производстве хлопка остаётся прежней. Положим, в одном фунте хлопка содержится 2 рабочих часа, так что он стоит, придерживаясь прежнего примера, 1 марку. Раньше в течение одного часа превращалось в пряжу 2 фунта хлопка, а теперь — 4 фунта. *Та же самая новая стоимость* — согласно нашему примеру, 50 пфеннигов, — которая раньше *прибавлялась* к 2 фунтам в течение одного рабочего часа, теперь прибавится к 4 фунтам. Но теперь в течение одного часа труд прядильщика переносит на пряжу уже *двойную* стоимость: раньше — 2 марки, теперь — 4.

Как видим, способность труда сохранять или переносить стоимость основывается на ином его свойстве, чем способность его *создавать* стоимость.

Никакое производство немыслимо без средств производства. Поэтому всякий труд, производящий товары, является не только *производящим* стоимость, но и *сохраняющим* стоимость. Притом не в том только смысле, что он переносит на продукт стоимость потреблённых средств производства, но и в том, что он предохраняет стоимость последних от уничтожения.

Всё земное — преходяще, и средства производства рано или поздно разрушаются, хотя бы они и не употреблялись. Некоторые из них, как, например, различные машины, портятся тем скорее, чем дольше они бездействуют. А вместе с потребительной стоимостью средств производства исчезает также и их стоимость. Если потребление происходит нормальным образом в процессе производства, то стоимость, теряемая средствами производства, снова появляется в стоимости продукта. Если же средства производства уничтожаются, не будучи употреблены в процессе производства, то их стоимость исчезает безвозвратно.

Капиталист обыкновенно не обращает **внимания** на эту сторону труда, но она даёт ему себя очень осязательно чувствовать, когда он, например, вследствие кризиса оказывается вынужденным прервать процесс производства. Маркс приводит в пример одну английскую бумагопрядильню, которая определила свой годовой убыток, вызванный хлопковым кризисом 1862 г., в 120 000 марок, в том числе 24 000 марок — вследствие порчи машин.

Различные средства производства играют, впрочем, различную роль в процессе перенесения стоимости. Одни, как, например, сырьё и вспомогательные материалы, теряют в процессе труда свою самостоятельную форму. Другие же сохраняют при этом свой вид. Хлопок, превращённый в пряжу, теряет свой вид, тогда как прялка, которая прядёт, нисколько его не теряет. Первые отдают в каждом процессе производства *всю* свою *стоимость* продукту, последние же — только *часть* её. Если машина стоит 1000 марок и при нормальных условиях изнашивается в течение 1000 дней, то в каждый рабочий день она передаёт произведённому за это время с её помощью продукту стоимость в 1 марку.

Здесь перед нами снова выступает двойственный характер процесса производства. Каким образом может машина передавать $\frac{1}{1000}$ своей стоимости определённому продукту? Ведь при изготовлении последнего находится в действии не $\frac{1}{1000}$ машины, но вся она. Такие возражения действительно делались. На них приходится ответить, что *вся* машина фигурирует в процессе производства лишь постольку, поскольку последний является *процессом труда*. Напротив, поскольку он оказывается *процессом возрастания стоимости*, в нём участвует лишь соответствующая часть машины. В качестве *потребительной стоимости* в процессе участвует вся машина; в качестве же *стоимости* — лишь *часть* её. В качестве *потребительной стоимости* машина *входит целиком* в каждый производственный процесс, в качестве же *стоимости* — только в некоторой своей части.

С другой стороны, в продукт может быть перенесена *вся стоимость* данного средства производства, но лишь часть его тела. Предположим, например, что для производства 100 фунтов пряжи требуется при нормальных усло-

виях 115 фунтов хлопка. Количество отбросов равняется в нашем случае 15 фунтам. В таком случае в 100 фунтов пряжи переносится лишь 100 фунтов хлопка. Однако в стоимость 100 фунтов пряжи переносится стоимость 115 фунтов хлопка.

В процессе труда средства производства переносят на изготавливаемый продукт точно такую же стоимость, какую они при этом теряют сами. Они никогда не могут прибавить к нему стоимость большую той, какой они сами обладают, как бы огромна ни была их потребительная стоимость. Совершенно бессмысленны поэтому попытки вульгарных экономистов вывести прибавочную стоимость и её превращённые формы — процент, прибыль, земельную ренту — из *потребительной стоимости* средств производства, из их «услуг».

Стоимость израсходованных в процессе производства средств производства возрождается в неизменном виде в стоимости продукта.

Но труд не только сохраняет стоимость, — он создаёт новую стоимость. Вплоть до известного момента труд, создающий новую стоимость, лишь возмещает стоимость, затраченную капиталистом на покупку рабочей силы. Когда же труд продолжается дольше указанного момента, он начинает производить излишек стоимости — *прибавочную стоимость*.

«Итак, — говорит Маркс, — та часть капитала, которая превращается в средства производства, т. е. в сырой материал, вспомогательные материалы и средства труда, в процессе производства не изменяет величины своей стоимости. Поэтому я называю её постоянной, неизменяющейся частью капитала, или, короче, постоянным капиталом.

Напротив, та часть капитала, которая превращена в рабочую силу, в процессе производства изменяет свою стоимость. Она воспроизводит свой собственный эквивалент и сверх того избыток, прибавочную стоимость, которая, в свою очередь, может изменяться, быть больше или меньше. Из постоянной величины эта часть капитала непрерывно превращается в переменную. Поэтому я называю её переменной частью капитала, или, короче, переменным капиталом. Те самые составные части капитала, которые с точки зрения процесса труда различаются как

объективные и субъективные факторы, как средства производства и рабочая сила, с точки зрения процесса возрастания стоимости различаются как постоянный капитал и переменный капитал» («Капитал», т. I, стр. 216).

Разумеется, величину стоимости постоянного капитала следует принимать за постоянную лишь по отношению к процессу возрастания стоимости.

Процесс производства, в котором применяется постоянный капитал, не изменяет величину его стоимости. Но она может, разумеется, испытывать на себе влияние других факторов. Равным образом может изменяться и отношение между постоянным и переменным капиталом. К этому вопросу мы ещё вернёмся в дальнейшем.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СТЕПЕНЬ ЭКСПЛУАТАЦИИ РАБОЧЕЙ СИЛЫ

Возьмём для примера капитал, скажем, в 5000 марок. Разделим его на две части: на денежную сумму, затрачиваемую на закупку средств производства, — постоянный капитал c , который мы примем равным 4100 маркам, и на другую сумму, которая служит для закупки необходимой рабочей силы, — переменный капитал v , который пусть будет равен 900 маркам.

Постоянный капитал в свою очередь распадается на две части: сырые материалы и пр., стоимость которых целиком переносится на продукт, и орудия и пр., которые при каждом отдельном процессе производства передают продукту лишь часть своей стоимости. В последующем изложении мы не будем, однако, принимать во внимание это различие, так как оно, несколько не изменяя результатов, только осложняло бы задачу. Итак, мы предполагаем ради простоты, что стоимость всего затраченного капитала сполна переносится на продукт.

Капиталист покупает средства производства и рабочую силу и пускает их в ход. В конце процесса производства стоимость затраченного капитала увеличивается на сумму прибавочной стоимости m , которая равна 900 маркам. Стало быть, теперь капиталист имеет $c + v + m = 4100 + 900 + 900 = 5900$ марок. Из этой суммы 4100 марок

составляют перенесённую стоимость, а $900 + 900$ марок — вновь созданную.

Ясно, что величина стоимости постоянного капитала не оказывает никакого влияния на величину произведённой прибавочной стоимости. Конечно, без средств производства немислимо производство, и чем продолжительнее процесс производства, тем больше их требуется. Поэтому для производства определённого количества прибавочной стоимости требуется приложение определённой массы средств производства, которая определяется техническим характером процесса труда. Но величина *стоимости* этой массы не имеет никакого влияния на величину прибавочной стоимости.

Если я занимаю 300 рабочих, причём дневная стоимость рабочей силы каждого равна 3 маркам, а стоимость, которую каждый создаёт в течение одного дня, равна 6 маркам, то эти 300 рабочих произведут в течение одного дня стоимость, равную 1800 маркам, из которых 900 марок будут составлять прибавочную стоимость, независимо от того, какова будет стоимость потреблённых ими средств производства — 2000, 4000 или 8000 марок.

Образование стоимости и изменение её величины в процессе производства совершенно не зависит от стоимости авансируемого постоянного капитала. Поскольку поэтому перед нами стоит задача изучить оба эти процесса в их чистом виде, мы можем совершенно отвлечься от постоянного капитала, предположить, что он равен нулю.

Итак, из всего капитала, затраченного на производство, мы будем здесь принимать во внимание только переменную часть v , а из стоимости продукта — только стоимость, вновь созданную трудом. Она равна стоимости затраченного переменного капитала плюс прибавочная стоимость, $v + m$. Отношение прибавочной стоимости к затраченному переменному капиталу равняется в нашем случае $900 : 900$, или 100%.

Этот относительный прирост переменного капитала или относительную величину прибавочной стоимости Маркс называет *нормой прибавочной стоимости*. Её нельзя, как это часто делают, смешивать с *нормой прибыли*. Прибыль имеет источником прибавочную стоимость, но она не есть прибавочная стоимость.

Чтобы произвести в течение рабочего дня стоимость, равную стоимости своей рабочей силы, т. е. равную v , рабочий должен проработать известное время, по нашему прежнему предположению — 6 часов. Это рабочее время необходимо для поддержания жизни самого рабочего. Маркс называет его *необходимым рабочим временем*.

Ту же часть дня, в течение которой рабочий работает сверх необходимого рабочего времени и не возмещает стоимость своей рабочей силы, а создаёт прибавочную стоимость для капиталиста, Маркс называет *прибавочным, избыточным рабочим временем*, а труд, затраченный в течение этого времени, — *прибавочным трудом*.

Прибавочный труд находится в том же отношении к необходимому труду, как прибавочная стоимость к переменному капиталу. Следовательно, норму прибавочной стоимости можно выразить через $\frac{m}{v}$, или $\frac{\text{прибавочный труд}}{\text{необходимый труд}}$.

Прибавочная стоимость овеществляется в продукте, который Маркс называет *прибавочным продуктом*. Поэтому её отношение к переменному капиталу может быть изображено также в виде отношения одной части продукта к другой его части. Однако при анализе этого отношения, где дело идёт не о вновь созданной стоимости, а о готовом *продукте*, мы уже не можем, как прежде, игнорировать постоянный капитал, составляющий часть стоимости продукта.

Предположим, что в течение 12-часового рабочего дня рабочим производится 20 фунтов пряжи стоимостью в 30 марок. Стоимость превращённого в пряжу хлопка равняется 20 маркам (20 фунтов по 1 марке). Износ прялки и т. п. составляет 4 марки, стоимость рабочей силы — 3 марки. Норма прибавочной стоимости пусть будет равна 100%. Таким образом, стоимость пряжи, составляющая 30 марок, равна $24 \text{ маркам } (c) + 3 \text{ марки } (v) + 3 \text{ марки } (m)$; эта стоимость воплощается в 20 фунтах пряжи, т. е. постоянный капитал воплощается в 16 фунтах, переменный — в 2 фунтах, а прибавочная стоимость — также в 2 фунтах.

20 фунтов пряжи производится в течение 12 часов, иначе говоря — в течение 1 часа производится $1\frac{2}{3}$ фунта. 16 фунтов, в которых воплощается стоимость постоянного

капитала, произведены в течение 9 часов 36 минут, 2 фунта, содержащие стоимость переменного капитала, — в течение 1 часа 12 минут, равно как и те 2 фунта, в которых воплощается прибавочная стоимость.

По нашему подсчёту выходит как будто, что прибавочная стоимость производится не в течение 6 часов, как мы предположили, а в течение 1 часа 12 минут. Именно такой подсчёт и производят фабриканты, пытаясь доказать, будто их прибыль производится в течение *последнего* рабочего часа. Поэтому, утверждают они, если сократить рабочее время хотя бы на один только час, то получение прибыли станет совершенно невозможным и промышленность будет разорена.

Уже в 1836 г. такой расчёт английские фабриканты и их учёные и неучёные адвокаты, с Сениором во главе, выдвигали против всякого законодательного ограничения рабочего времени. Тот же самый аргумент был подогрет и снова пущен в ход в Германии и Австрии для борьбы против ограничения рабочего дня. И это несмотря на то, что фактический опыт Англии самым решительным образом доказал полную несостоятельность подобного аргумента. В Англии в различных отраслях промышленности рабочий день был сокращён законодательным путём — мы ещё возвратимся к этому вопросу ниже, — и это не только не пошатнуло промышленность, но даже не уменьшило сколько-нибудь заметно барышей господ фабрикантов.

Вся приведённая аргументация покоится на смешении потребительной стоимости со стоимостью. В последний час, действительно, производится *потребительная стоимость* 2 фунтов пряжи, но не их стоимость. Ведь 2 фунта пряжи не появились вдруг из ничего. В них содержится не только 1 час 12 минут труда прядильщика, но и стоимость 2 фунтов сырого материала. А по нашему предположению (1 фунт пряжи = 1 марке, 1 марка = 2 рабочим часам), в 2 фунтах хлопка воплощены 4 рабочих часа. Сверх того, пряжа и т. п. передаёт 2 фунтам пряжи стоимость, произведённую в течение 48 минут общественно необходимого рабочего времени.

Следовательно, для изготовления 2 фунтов пряжи, произведённых в течение 1 часа 12 минут, в действительности требуется *шесть* рабочих часов. Если бы рабочий в нашем

примере действительно производил в течение 1 часа 12 минут всю прибавочную стоимость, которая представляет продукт стоимостью в 6 часов, то он должен был бы оказаться в состоянии в течение 12-часового рабочего дня создать стоимость, соответствующую 60 рабочим часам. И находятся люди, которые верят таким бессмыслицам, рассказываемым господами фабрикантами!

Так как отголосок этого аргумента мы и поныне находим в некоторых крутах, то следует осветить ещё одну из его сторон. Вычислим, какова была бы норма прибавочной стоимости в случае сокращения рабочего дня с 12 до 11 часов при указанных выше условиях¹.

В этом случае у нас будет уже не 24 марки постоянного капитала, а только 22, так как теперь перерабатывается меньше ($18\frac{1}{3}$ фунта хлопка = $18\frac{1}{3}$ марки, износ прялки и пр. = только $3\frac{2}{3}$ марки); к этому надо присоединить переменный капитал в 3 марки (мы предполагаем, что заработная плата за 11 часов остаётся та же, что и раньше за 12 часов) и прибавочную стоимость в $2\frac{1}{2}$ марки. Таким образом, норма прибавочной стоимости равняется уже не 100, а $83\frac{1}{3}\%$.

Мы получаем в виде продукта всего $18\frac{1}{3}$ фунта пряжи стоимостью в $27\frac{1}{2}$ марки. Постоянный капитал воплощён в $14\frac{2}{3}$ фунта, переменный — в 2 фунтах, прибавочная стоимость — в $1\frac{2}{3}$ фунта; $14\frac{2}{3}$ фунта производится в течение 8 часов 48 минут, 2 фунта — в течение 1 часа 12 минут, и, наконец, то количество пряжи, в котором содержится прибавочная стоимость, — в течение 1 часа.

Стало быть, благодаря сокращению рабочего времени на один час время, затраченное на производство прибавоч-

¹ Мы предполагаем при этом, что сокращение рабочего времени с 12 до 11 часов сопровождается также и понижением производительности труда на $\frac{1}{12}$. В действительности же это отнюдь не обязательно. Обычно сокращение рабочего времени сопровождается повышением энергии, ловкости, напряжённости, внимания, понимания — словом, работоспособности рабочего. Эта работоспособность может возрасти до такой степени, что рабочий в течение более короткого времени начинает производить больше, нежели прежде, когда он работал более долгое время. Впрочем, с этим следствием сокращения рабочего времени мы в данном случае не будем считаться, — ради простоты мы не принимаем его во внимание.

ного продукта, воплощающего в себе прибавочную стоимость, сократилось не на час, а *только на 12 минут*. Расчёт фабрикантов основан на нелепом допущении, что в течение 11 часов будет выработано продукта на $\frac{1}{12}$ меньше, тогда как средств производства (сырых материалов и пр.) будет потреблено столько же, как и в течение 12 часов.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ И ПРИБЫЛЬ

Между прибавочной стоимостью и прибылью существует такое же различие, как и между *стоимостью* и *ценой*.

Практик — продавец или покупатель товаров — интересуется их *ценой*. Его интересуют только законы цен, потому что их знание может помочь его коммерческим расчётам и спекуляциям. Лежащие же в основании цен законы стоимости интересуют, напротив, только теоретика, для которого вопрос сводится не к тому, чтобы подешевле купить и подороже продать, а чтобы исследовать *общественные связи*, устанавливаемые товарным производством.

Точно так же капиталиста-практика интересует не прибавочная стоимость, а прибыль. Он не собирается исследовать отношения между капиталом и трудом, а хочет получать возможно большую прибыль. Ему совершенно безразлично какой затратой труда создаётся его прибыль. Ведь не *его* трудом она создаётся. Но деньги, затрачиваемые при этом, принадлежат ему. Поэтому он сопоставляет полученную прибавочную стоимость не с количеством израсходованного при её производстве труда, а с количеством затраченных для этой цели денег.

Если процесс создания прибавочной стоимости изображается формулой $D - T - (D + \partial)$, то капиталист измеряет свою прибыль отношением ∂ к D . Это отношение не тождественно с $\frac{m}{v}$, т. е. с отношением прибавочной стоимости к переменному капиталу. Денежная сумма, которую капиталист должен затратить на производство, должна быть достаточной не только для покрытия расходов по заработной плате, но также и для оплаты фабричных зданий, машин, сырья, вспомогательных материалов, короче —

всего того, что Маркс называет «постоянным капиталом».

Уже вследствие одного этого обстоятельства даже в тех случаях, когда прибавочная стоимость и прибыль совершенно совпадают, *норма прибыли* отличается от *нормы прибавочной стоимости*. Если норму прибавочной стоимости выразить формулой $\frac{m}{v}$, то норма прибыли выразится отношением $\frac{m}{c+v}$.

Заметим ещё, что во многих производствах, особенно в сельском хозяйстве, год составляет естественный производственный период, по истечении которого производство начинается сызнова. Поэтому установилось обыкновение вычислять норму прибыли в виде отношения всего количества *годовой* прибыли к количеству капитала, затраченного в течение того же года на производство.

Совершенно ясно, что норма прибыли должна разниться от нормы прибавочной стоимости.

В предыдущей главе мы взяли в виде примера капитал в 5000 марок, из которых 4100 составляют постоянный, 900 — переменный капитал и 900 — прибавочную стоимость. Норма прибавочной стоимости составляла, следовательно, $\frac{900}{900}$, или 100 %. Норма же прибыли в этом случае равна $\frac{900}{5000}$, или 18 %.

Но между нормой прибавочной стоимости и нормой прибыли кроме этого чисто формального различия, основанного на ином способе расчёта, существует ещё другое различие.

Очевидно, что одна и та же норма прибавочной стоимости даст различные нормы прибыли, если меняется строение капитала, т. е. если на то же количество заработной платы приходится различные количества постоянного капитала. Но строение капитала неизбежно различно в разных областях производства в зависимости от технических условий и высоты развития техники.

«Стоимостное строение капитала, поскольку оно определяется его техническим строением и отражает это последнее, мы называем *органическим* строением капитала... Капиталы, которые содержат больший процент постоян-

ного и, следовательно, меньший процент переменного капитала, чем средний общественный капитал, мы называем капиталами *высшего* строения. Наоборот, капиталы, в которых постоянный капитал занимает относительно меньшее, а переменный относительно большее место, чем в среднем общественном капитале, мы называем капиталами *низшего* строения. Наконец, капиталами среднего строения мы называем такие, строение которых совпадает со строением среднего общественного капитала» («Капитал», т. III, стр. 152, 170—171).

Теперь посмотрим, как складывается норма прибыли в зависимости от различного строения капитала.

Возьмём три предприятия в трёх разных отраслях производства.

Первая отрасль является, предположим, технически отсталой. В ней употребляется мало машин сравнительно с числом рабочих, нет больших фабричных зданий и т. д. Это — производство с низшим органическим строением капитала. Вторая отрасль пусть будет со средним строением капитала, а третья — настолько высокоразвитой, что на каждого рабочего приходится большое количество стоимости в виде материалов и сооружений. Следовательно, в этом производстве органическое строение капитала будет высокое.

Чтобы возможно более упростить пример, допустим, что во всех трёх отраслях производства норма прибавочной стоимости одинакова, что весь затраченный капитал делает один оборот в год, т. е. целиком потребляется в производстве в течение года, что продукт получается в конце года и затем без остатка распродаётся. Всё это — лишь предположения, едва ли встречающиеся в действительности, но целесообразно к ним прибегнуть во избежание ненужного осложнения и затемнения примера.

В каждом из трёх предприятий занято по 100 рабочих, получающих в год заработной платы по 1000 марок. Норма прибавочной стоимости составляет 100%. Общая сумма выданной заработной платы равна, следовательно, 100 000 марок, а прибавочная стоимость также равняется 100 000 марок. Постоянный капитал в предприятии *A* составляет 100 000 марок, в предприятии *B* — 300 000 марок и, наконец, в *C* — 500 000 марок.

Таким образом, мы имеем:

Предприятие	Капитал			Прибавочная стоимость	Норма прибавочной стоимости	Норма прибыли
	переменный	постоянный	весь			
<i>A</i>	100 000	100 000	200 000	100 000	100%	50%
<i>B</i>	100 000	300 000	400 000	100 000	100%	25%
<i>C</i>	100 000	500 000	600 000	100 000	100%	16,6%
Всего . .	300 000	900 000	1200 000	300 000	100%	25%

Итак, при одинаковой норме прибавочной стоимости нормы прибыли весьма различны, если товары продаются точно по их стоимостям.

Но такие различия в нормах прибыли представляют собой явление, которое не может в течение продолжительного времени существовать при капиталистическом способе производства. Ведь капиталист производит ради прибыли, а не для удовлетворения какой-либо общественной потребности. Ему безразлично, производить ли иголки или локомотивы, ваксу или одеколон. Ему всего важнее получить возможно больше прибыли на свои деньги.

Что же случится, если в одной отрасли производства предприятия будут давать 50% прибыли, а в другой — только 17%? Капитал начнет избегать отрасль *C*, насколько это возможно, и будет со всей энергией устремляться в отрасль *A*. Внутри *A* возникнет сильная конкуренция, и производство товаров в этой отрасли скоро расширится до того, что капиталы снова начнут переходить в *C*.

Мы вступаем здесь в область конкуренции, в область спроса и предложения. Мы уже видели, что стоимость и цена — две различные вещи, хотя последняя определяется первой. Цены отклоняются от стоимости и стоят то выше, то ниже последних. В ряду причин, вызывающих это явление, важнейшей является колебание в спросе со стороны покупателей и в предложении со стороны продавцов.

При господстве свободной конкуренции спрос и предложение являются регуляторами современного способа производства. Без них производство впало бы в самую разнузданную анархию, так как оно не регулируется планомерно, а ведётся как совокупность частных предприятий, из которых каждое производит по усмотрению своего владельца или руководителя. Спрос и предложение обуславливают такое распределение существующих рабочих сил между различными отраслями производства, при котором в общем каждая из них производит столько, сколько требует общество при данных условиях.

Конечно, это верно лишь в общем, а не в частности, не в каждом отдельном случае. Наоборот, при отсутствии планомерности при капиталистическом способе производства всегда производится то слишком много, то слишком мало того или другого товара. Только вслед за тем рост или падение спроса и предложения, повышение или понижение цен приводят к тому, что производство сокращается или расширяется в зависимости от потребностей общества.

Положим, какого-нибудь товара произведено больше, чем могут или желают купить платёжеспособные члены общества по данной цене, определяемой в конечном счёте стоимостью товара. Тогда цена товара падает. Благодаря этому расширяется круг тех членов общества, которые могут или хотят его купить.

Но вместе с ценой понижается и прибыль. Если она падает ниже среднего уровня, то капитал отливает из соответствующей отрасли. Производство сокращается. Вследствие этого цена снова повышается до тех пор, пока не достигнет высоты, соответствующей среднему уровню прибыли.

Наоборот, если произведено меньше товара, чем соответствует спросу покупателей, и цена его поднимается выше указанного уровня, то вместе с нею поднимается и прибыль. Капитал притягивается данной отраслью производства, приливает к ней. Производство расширяется, и затем цены снова снижаются до уровня, дающего среднюю прибыль.

Около этого уровня цены колеблются непрерывно, то поднимаясь выше, то опускаясь ниже его. Только посред-

ством такого волнообразного движения устанавливается этот уровень, который всегда существует лишь в качестве тенденции, стремления, а не в качестве устойчивого состояния.

Такое влияние спроса и предложения должно также противодействовать и тому неравенству нормы прибыли, которое проистекает из неравенства органического строения капитала.

В отрасли *C* производство начнёт сокращаться, цены, а с ними и прибыли — повышаться. В отрасли *A* производство будет расти, а цены — понижаться. И то и другое будет продолжаться до тех пор, пока прибыли не выравняются и не достигнут средней высоты, соответствующей всему общественному производству. Мы предположили, что *B* представляет среднее органическое строение капитала, а следовательно, его норма прибыли — среднюю норму прибыли. Тогда прибыли распределяются в наших трёх предприятиях следующим образом:

Предприятие	Весь капитал	Прибавочная стоимость	Норма прибавочной стоимости	Норма прибыли	Прибыль
<i>A</i>	200 000	100 000	100%	25%	50 000
<i>B</i>	400 000	100 000	100%	25%	100 000
<i>C</i>	600 000	100 000	100%	25%	150 000
Всего . .	1 200 000	300 000	100%	25%	300 000

Такое уравнение нормы прибыли оказалось возможным только потому, что товарные цены отклоняются от стоимости товаров. По нашему предположению, весь затраченный капитал оборачивается в течение одного года и воплощается в стоимости годового продукта. Получаем теперь следующее соотношение между стоимостью и ценой годового продукта каждого предприятия:

Предприятие	Весь капитал	Прибавочная стоимость	Стоимость продукта (издержки производства + прибавочная стоимость)	Прибыль	Цена производства всего продукта (издержки производства + прибыль)
A	200 000	100 000	300 000	50 000	250 000
B	400 000	100 000	500 000	100 000	500 000
C	600 000	100 000	700 000	150 000	750 000
Всего . .	1 200 000	300 000	1 500 000	300 000	1 500 000

Предположим, что годовой продукт каждого предприятия равен 10 000 штук товара; в таком случае мы будем иметь для каждой единицы товара:

	A	B	C
Стоимость	30 руб.	50 руб.	70 руб.
Цена производства .	25 »	50 »	75 »

В действительности дело происходит не так, что, скажем, каждый капиталист сначала получает прибавочную стоимость полностью и капиталисты в одной отрасли получают 50 % прибыли, а в другой — только 17 %. Подобное различие наблюдается только при начале капиталистического способа производства, а ныне — только в тех областях и отраслях промышленности, которыми капитализм впервые овладевает.

В развитом капиталистическом производстве образуется некоторый обычный средний уровень прибыли. Этот уровень капиталисты заранее кладут в основу расчёта при калькуляции цен. Конечно, это не исключает того, что они пользуются всяким случаем, чтобы повысить цены за эти пределы, считая в то же время убытком понижение цены и, стало быть, более низкую норму прибыли.

Эта цена, определяемая издержками производства (вложенным переменным и постоянным капиталом), к которым

прибавляется «обычная для данной страны» прибыль, представляется капиталисту «естественной» ценой. Маркс называет её *ценой производства*. Она состоит из *издержек производства* (суммы переменного и постоянного капитала) и *средней прибыли*.

Не стоимость, а цена производства образует при развитии капиталистическом способе производства тот уровень, вокруг которого волнообразно колеблются рыночные цены под влиянием спроса и предложения. Но сама цена производства не падает с неба — она имеет своей основой стоимость.

Противники теории стоимости Маркса охотно утверждают, будто Маркс сам опроверг свою теорию, развитую в первом томе «Капитала», доказав в третьем томе, что вследствие стремления прибылей к уравниванию при развитии капиталистическом производстве цены большей части товаров надолго отклоняются от своих стоимостей, причём цены одной половины этих товаров в течение долгого времени стоят настолько же ниже своих стоимостей, насколько цены другой половины стоят выше. Но говорить об опровержении Марксом его теории стоимости можно было бы только в том случае, если бы он показал, что цены *не зависят* от стоимостей.

Но он не только не устанавливает этого, — третий том «Капитала», напротив, доказывает, что цены производства, вокруг которых колеблются рыночные цены, находятся в полнейшей зависимости от закона стоимости, без которого они были бы необъяснимы.

Тот самый фактор, который вызывает отклонение цен производства от стоимостей, — средняя прибыль может быть сама объяснена только на основе законов прибавочной стоимости, которые в свою очередь вытекают из законов стоимости. Если мы не допустим, что общая наличная масса прибавочной стоимости в обществе равна общей массе прибыли с её разновидностями (процент, земельная рента, рассмотрением которых мы здесь не будем заниматься), то мы потеряем всякую возможность объяснить, почему при данных условиях средняя норма прибыли представляет данную определённую величину.

Закон стоимости не упраздняется тем, что при развитии капиталистическом производстве между стоимостью и

ценой появляется новое посредствующее звено в виде средней нормы прибыли и находящейся от неё в зависимости цены производства. Если на этом основании признать закон стоимости несостоятельным, то надо признать несостоятельным и закон падения, так как в воде падающее тело встречает большее сопротивление, чем в воздухе.

Марксова теория цены производства неотделима от его теорий стоимости и прибавочной стоимости. Она не только не является приведением этих теорий к абсурду, — она, напротив, составляет их завершение. Теория цен производства даёт нам ключ к ряду явлений, лежащих в основе взаимоотношений господствующих классов, — к противоречиям между капиталом (прибылью) и землевладением (земельной рентой), между промышленным капиталом (промышленной прибылью) и денежным капиталом (процентом) и т. д. Больше того, она даёт нам ключ к пониманию ряда теорий стоимости, а вместе с тем к их опровержению, так как эти теории стоимости представляют собой в сущности лишь теории цен производства, объявляемых ими конечной основой рыночных цен.

Здесь уместно бросить взгляд на те теории стоимости, которые отрицают определение стоимости трудом. Обо всех этих теориях, как и о вышеупомянутых теориях, можно сказать, что это вовсе не теории стоимости, так как их представители под стоимостью понимают нечто такое, что вовсе не является стоимостью: потребительную стоимость, цену производства, среднюю цену.

Могут, конечно, сказать: всякий теоретик имеет право понимать под стоимостью всё, что ему угодно. Следует, дескать, считаться лишь с тем, правильно ли его объяснение того, что он понимает под стоимостью, или нет. А будет ли это теория потребительной стоимости, цены или чего-нибудь иного — это не имеет значения.

Однако ни в одной другой науке подобное мнение не было бы принято всерьёз. Оно было бы отвергнуто, как совершенно ненаучное и наивное. Возьмём в качестве примера атомную теорию.

Что бы мы сказали по поводу утверждения, будто каждый исследователь волен понимать под атомом всё, что хочет, хотя бы это была молекула или клетка; будто раз он даёт правильную теорию клетки, то безразлично, назы-

дает ли он свой вывод атомной теорией или как-нибудь иначе. Ему тотчас ответили бы, что когда говорят об атоме, то речь идёт не о голом названии, которое можно давать по произволу то той, то иной *вещи*, а о совершенно определённых явлениях, объяснением которых должна служить атомная теория, — явлениях, которые, между прочим, лежат в основе образования молекулы или клетки. Можно принимать или отвергать атомную теорию, т. е. объяснять данные явления посредством этой теории или как-нибудь иначе, но было бы грубой научной ошибкой называть атомом продукт тех процессов, которые, согласно данной теории, обуславливаются расположением атомов. Никогда нельзя смешивать основное явление с производным.

В естествознании невозможны никакие сомнения на этот счёт. Явления, рассматриваемые политической экономией, сложнее, но и она должна удовлетворять тем же требованиям, как и естествознание. Законом стоимости должны быть объяснены совершенно определённые общественные отношения и явления, и нелегко называть законами стоимости и трактовать как таковые законы других отношений и явлений, обусловленных стоимостью.

Явление, которое всякая теория стоимости хочет и должна объяснить, есть обмен двух товаров. Общественное отношение, которое она хочет и должна объяснить, есть отношение между двумя товаровладельцами, обменивающимися своими товарами. Явление обмена товаров, из которого развивается затем купля-продажа, есть основное явление. Это пружина, приводящая в движение весь хозяйственный механизм современного общества. Поэтому всякое объяснение этого механизма должно исходить из исследования закона, управляющего обменом товаров, а это как раз и есть закон стоимости. Если бы мы понимали под законом стоимости объяснение какого-либо иного явления, то закону, лежащему в основании обмена товаров, необходимо было бы дать особое название. Но этого не делает ни одна из теорий стоимости. Следовательно, каждая из них хочет объяснить именно это явление.

Но если мы не будем упускать из виду то явление, которое должен объяснить закон стоимости, то легко поймём, что необходимо прежде всего строго различать тер-

мины *потребительная стоимость* и *меновая стоимость* и не считать их равнозначными на том лишь основании, что в каждый из них входит слово *стоимость*. Некоторые теории стоимости выводят стоимость из полезности вещи: чем она полезнее, тем выше её стоимость. Это верно, если под более высокой стоимостью понимать большую потребительную стоимость, но неверно, если понимать под этим большую меновую стоимость.

Потребительная стоимость или полезность вещи, означает отношение между отдельным человеком — потребителем — и этой вещью, а не общественное отношение, не отношение между двумя людьми, каким является отношение обмена. Или этим хотят сказать, что одинаково полезные вещи будут обмениваться одна на другую в одинаковых количествах? Но обмен или продажа по большей части состоит в том, что каждый продавец отдаёт вещи, не имеющие для него никакой потребительной стоимости, никакой полезности.

Когда булочник и его семья сыты, то выпеченный ими хлеб, который они продают, не имеет для них уже никакой потребительной стоимости. Если бы булочник не нашёл для него потребителя, то ему нечего было бы с ним делать. Напротив, тот же хлеб для проходящего мимо рабочего, который в этот день ещё ничего не ел, может иметь огромную потребительную стоимость. Меновая же стоимость хлеба для обеих сторон одинакова.

Допустим, что проходящий мимо рабочий — корзищик, который разносит для продажи свои корзины. Булочник нуждается в корзине; последняя представляет для него большую потребительную ценность, а для рабочего — никакой. У последнего дома — целая куча корзин, ему самому не нужных. Он охотно отдаст корзины за определённое количество хлеба. Но в каком отношении будут обмениваться корзины и хлеб, если их владельцы будут исходить из полезности? Сколько караваев хлеба столь же полезны для корзищика, как одна корзина — для булочника? Ясно, что совершенно невозможно сравнить между собой полезность двух различных потребительных стоимостей. Между ними невозможно установить количественное отношение. Если корзищик получит за свою корзину 5 караваев хлеба, то было бы нелепо говорить, что корзина в

пять раз полезнее или (в этом смысле) обладает в пять раз большей стоимостью, чем один каравай хлеба. Полезность различных товаров несоизмерима.

Разумеется, за разными единицами *одного и того же вида товаров* можно признать большую или меньшую степень потребительной стоимости. Прочная пара ботинок имеет большую потребительную стоимость, чем менее прочная, и я охотно заплачу за неё дороже, если только у меня есть в кармане деньги. Бутылка иоганнисбергского вина имеет большую потребительную и меновую стоимость, чем бутылка шпандауского или грюнебергского. Итак, можно подумать, что потребительная стоимость всё же является элементом стоимости товаров.

Но так только кажется. Если бы большая потребительная стоимость обуславливала и большую меновую стоимость, можно было бы спросить: почему каждый производитель не производит товаров только наилучшего сорта? Почему каждый сапожник не выделяет только самую шикарную обувь? Почему каждый винодел не выделяет лишь самые лучшие сорта вина?

Ответ прост. Лучшее качество ботинок есть следствие либо лучшего материала, который стоит больше труда и денег, либо — лучшей работы, т. е., при средней искусности рабочего, большей затраты труда. Вследствие этого, а не вследствие более высокой потребительной стоимости прочные ботинки дороже. Известно выражение, что самые дорогие товары всегда дешевле, т. е. их потребительная стоимость превышает потребительную стоимость товаров низших сортов в гораздо большей степени, чем их стоимость превышает стоимость последних. Пара ботинок ценою в 12 марок, быть может, проносится вдвое дольше, чем пара за 10 марок.

Более высокая цена некоторых сортов вина основана на том, что соответствующие сорта винограда рождаются лишь в определённых местах. В этом случае закон стоимости вообще теряет силу, так как мы наталкиваемся здесь на монополию¹. А закон стоимости предполагает наличие свободной конкуренции.

¹ Это неверно. Закон стоимости сохраняет силу и при господстве монополии. Ещё в условиях домонополистического капитализма Маркс указывал, что «если бы уравнение прибавочной сто-

Всюду, где разница в качестве товаров одного и того же рода вызывает и разницу в ценах, эта последняя разница обусловлена либо различием в затрате труда, либо существованием монополии.

Другие теории стоимости смешивают стоимость с ценой. Они объясняют стоимость отношением между спросом и предложением. На самом деле спрос и предложение объясняют только, почему цена определённого товара всегда колеблется вокруг своей стоимости (или цены производства). Но они не объясняют, почему цена одного товара всегда в среднем на столько-то выше, чем цена другого, почему, скажем, в течение столетий фунт золота был в среднем в 13 раз дороже, чем фунт серебра.

Как только теория, объясняющая стоимость спросом и предложением, хочет объяснить эти постоянные различия цен разных товаров, ей не остаётся ничего иного, как стыдливо прибегнуть к теории трудовой стоимости. На вопрос, почему один товар постоянно оказывается на столько-то дороже другого, она отвечает, что это происходит от его большей *редкости*; последнее вызывает то, что предложение этого товара постоянно меньше, чем предложение других товаров. Однако для того, чтобы доставить на рынок более редкий товар в том же количестве, как и другой, который встречается чаще, требуется *больше труда*.

Не будет большой разницы сказать, что фунт золота потому в 13 раз дороже фунта серебра, что оно встречается в 13 раз реже, или же потому, что добывание фунта золота стоит в 13 раз больше труда, чем добывание фунта серебра. Если теоретик не становится на точку зрения простого

имости в среднюю прибыль встретило в различных сферах производства препятствие в виде искусственных или естественных монополий, и в частности в виде монополии земельной собственности, так что сделалась бы возможной монополия цена, превышающая цену производства и стоимость товаров, на которые распространяется действие монополии, всё же границы, определяемые стоимостью товаров, этим не были бы сняты. Монополия цена известных товаров лишь перенесла бы часть прибыли производителей других товаров на товары с монополиями цены» («Капитал», т. III, стр. 875). Именно это и происходит в эпоху империализма, экономическая суть которого заключается в господстве монополий.—Ред.

купца, которого интересует только цена товаров на рынке, а не то, каким образом они её приобрели, — если он захочет глубже вникнуть в дело и исследовать, каким образом произведены те товары, которые вынесены на рынок, то он всегда найдёт, что стоимости товаров определяются процессом *производства*, что они создаются на производственном предприятии, а не *на рынке*. Конечно, для буржуазных теоретиков рынок в большинстве случаев ближе, чем предприятие, и поэтому они, как правило, не понимают теории трудовой стоимости.

На рынке стоимость только превращается в деньги, в цену; сначала — в воображаемые деньги, в требование определённой цены, а потом — и в настоящие деньги, если товар продаётся. Чем больше развивается капиталистическое хозяйство, тем больше появляется посредствующих звеньев между предприятием и рынком, между производителем и продавцом товара потребителю, тем значительнее могут быть обусловленные этим отклонения реально достигнутой цены от теоретически определяемой стоимости. Однако это не мешает тому, что стоимость товаров в конечном счёте всегда определяется условиями производства и что цена всегда остаётся зависимой от последнего, хотя бы эта зависимость была далеко не прямой.

Капиталисты-практики сами определяют стоимость товаров условиями производства последних. Впрочем, под этими условиями они понимают не рабочее время, общественно необходимое для изготовления товаров, а издержки производства (заработную плату, затраты на машины, сырьё и т. д.) плюс средняя прибыль.

Вслед за ними и целый ряд теоретиков утверждает, что стоимость определяется издержками производства.

Но что правильно с точки зрения капиталиста-практика, то нелепо с точки зрения теории. Ведь задача теории состоит не в том, чтобы вычислять нормальную цену в каждом отдельном случае, а в том, чтобы раскрыть конечные причины общественных явлений капиталистического способа производства.

Прежде всего, что такое издержки производства? Определённая сумма денег. Следовательно, они уже наперёд предполагают деньги. Определение стоимости посредством издержек производства означает, таким образом, что стои-

мость должна быть объяснена при помощи денег, а не наоборот. Мы подходим к вопросу не с того конца.

Издержки производства представляют собой данную сумму стоимостей — стоимость рабочей силы (заработную плату), стоимость средств производства, прибыль. Из этой суммы стоимостей и объясняется стоимость. Мы видим, что такое определение стоимости вращается в порочном кругу.

Возьмём какого-нибудь товаропроизводителя, скажем ткача-крестьянина, о котором мы предполагаем, что он производит всё сам. Он сам добывает себе жизненные припасы, а также сырьё, лён, который придут его дочери. Он же сам мастерит ткацкий станок из собственного дерева. Каковы у этого человека издержки производства? У него нет никаких денежных расходов, его продукт стоит ему только труда, ничего, кроме труда.

Сделаем следующий шаг к более высокой ступени производства — к ткачу-ремесленнику. Ему уже приходится производить и денежные затраты; у него уже есть издержки производства. Он должен купить ткацкий станок, пряжу, а также и жизненные припасы. Это его издержки производства. Но по ним ли он будет высчитывать стоимость произведённого им полотна? В таком случае его ремесло едва ли окажется пресловутым золотым дном. Оно не принесёт ему никаких излишков, которые можно было бы отложить про запас. При этом часть его издержек производства, именно расходы на жизненные припасы и на ткацкий станок, останется неизменной, будет ли он работать 4 или 12 часов в день. Разве он на этом основании не станет расценивать продукт 12 часов выше, чем продукт 4 часов, — независимо от количества сырья? Мы видим, что и он будет причислять к издержкам на материал также и свой труд, как фактор, образующий стоимость.

Лишь для капиталиста дело примет иной вид. Ему продукт вовсе не стоит труда, а только денег. Он оплачивает деньгами не только средства производства, но и труд. Следовательно, для него все условия производства сводятся к денежным затратам. Эти последние и кажутся ему образующими стоимость. Но он сделал бы удивлённое лицо, если бы его стали уверять, что стоимость его продукта равна сумме, затраченной им на производство. Он не для

того ведёт производство, чтобы только выручить свои денежные затраты для нового производства. Он хочет получить и прибыль. В этом и состоит причина, по которой он вообще пускает деньги в производство, а не расходует их на личное потребление. Поэтому к издержкам производства он причисляет ещё «обычную для данной страны» прибыль. Определённая таким образом цена есть минимальная цена, которую он должен получить по крайней мере для того, чтобы не «работать», как он выражается, себе в убыток.

По представлению капиталиста, прибыль принадлежит к издержкам производства, определяющим стоимость продукта. Но эта «стоимость» оказывается не чем иным, как тем, что в теории Маркса носит наименование цены производства. А цена производства сама может быть понята только с помощью закона стоимости.

Потребительная стоимость, рыночная цена, цена производства — таковы категории, выдвигаемые в качестве «стоимости» теориями, отличными от теории трудовой стоимости. Это либо такие категории, которые, как потребительная стоимость, связаны с меновой стоимостью лишь в том смысле, что представляют её *предпосылку*, но не *определяющее её основание*; либо такие, которые исходят из меновой стоимости, — как, например, цена производства или рыночная цена. Эти последние не объясняют менового отношения, а, наоборот, предполагают его объяснённым для того, чтобы они сами могли быть объяснены.

Теории эти довольствуются тем, что принимают представления покупателей и продавцов, капиталистов о своих коммерческих операциях за действительную основу этих операций. Эти теоретики воображают, что дают научное объяснение явления, если они собирают и повторяют мысли практиков о нём. Но для этого не нужно науки. Последняя должна вскрывать самые глубокие основы общественных явлений и отношений, которые зачастую во все не доходят до сознания участников или доходят лишь в неполном, а часто и в совершенно искажённом виде.

Из вышеназванных теорий стоимости ближе всего подходит к истине та, которая ищет основу стоимости в издержках производства. Но она терпит крушение на вопросе о средней прибыли. Ни одна теория стоимости,

кроме теории трудовой стоимости, не может объяснить, чем определяется *величина* средней прибыли, почему она составляет при определённых условиях, скажем, 10%, а не 100 или 1000%. Другие теории удовлетворяются тем, что либо оправдывают, либо объясняют психологически *при-своение* прибыли. Но ни глубокомысленнейшая философия права, ни тончайшая психология не могут объяснить, откуда прибыль происходит, как она создаётся.

Для понимания общественных отношений теория прибыли имеет величайшее значение. Однако мы здесь всё-таки не можем ею больше заниматься, так как должны вернуться к теории прибавочной стоимости. Теория прибыли есть теория распределения добычи — прибавочной стоимости — между различными слоями господствующих классов. Именно промышленный или сельскохозяйственный капиталист заставляет производить прибавочную стоимость, но он не в состоянии удержать её целиком.

Ему приходится не только уступать часть прибавочной стоимости другим капиталистам, вложившим свои капиталы в отрасли производства с более высоким органическим составом капитала, в том случае, если он вкладывает свой капитал в отрасль производства с низким органическим составом капитала. Этого процесса уравнивания он не замечает и несколько им не интересуется. Но он замечает очень хорошо, что ему приходится уплатить часть своей прибыли денежному капиталисту, у которого он взял деньги в займы, в качестве процентов на капитал; часть — отдать купцу в виде торговой прибыли; наконец, если у него сельскохозяйственное предприятие, то ему приходится уступить часть прибавочной стоимости в качестве земельной ренты землевладельцу, если он арендатор; если же он сам землевладелец, — уплатить процент за капитал, который он затратил на покупку своего имения.

Однако, как бы ни были важны все эти отношения, нас интересует здесь прежде всего отношение между капиталистом и рабочим. Притом — не между отдельным капиталистом и отдельным рабочим, а между классом капиталистов и рабочим классом. А для исследования этого отношения теория прибыли не нужна, — она скорее способна затемнить его, так как объясняет зависимость величины

прибыли от ряда обстоятельств, которые не имеют ничего общего с отношением между капиталом и трудом.

Однако какой бы вид ни приобретала прибыль отдельного капиталиста, её величина в конечном счёте зависит от величины прибавочной стоимости, т. е. от степени эксплуатации наёмных рабочих. Это относится прежде всего к совокупности капиталистов, так как вся сумма прибыли равнозначна всей сумме прибавочной стоимости.

Не на основании законов прибыли, а на основании законов прибавочной стоимости учимся мы пониманию классовых противоречий и классовой борьбы между капиталом и трудом, а также и пониманию своеобразия капиталистического способа производства¹.

Итак, в дальнейшем мы снова будем говорить лишь о стоимости и прибавочной стоимости, исходя из того предположения, что цена равна стоимости, а прибыль — прибавочной стоимости. Мы должны будем здесь оставить в стороне среднюю норму прибыли и цены производства, подобно тому как при вычислении закона падения оставляют в стороне сопротивление воздуха.

Конечно, на практике должны быть приняты во внимание и те моменты, которые здесь оставлены без рассмотрения.

ГЛАВА ПЯТАЯ

РАБОЧИЙ ДЕНЬ

Необходимое и прибавочное рабочее время вместе составляют *рабочий день*.

Необходимое рабочее время при данных условиях — определённой высоте производительности труда, потребно-

¹ Это противопоставление законов прибыли законам прибавочной стоимости, утверждение, будто теория прибыли не нужна для объяснения отношения между буржуазией и пролетариатом, в корне неверно. Маркс указывает, что солидарность всего класса капиталистов в деле эксплуатации рабочего класса объясняется «не только в силу общей классовой симпатии, но и непосредственно экономически; потому что, — если предположить данными все прочие условия, в том числе стоимость всего авансированного постоянного капитала, — средняя норма прибыли зависит от степени эксплуатации совокупного труда совокупным капиталом» («Капитал», т. III, стр. 204). — *Ред.*

стей рабочего класса и пр. — составляет *определённую величину*. В нашем примере мы принимаем эту величину равной 6 часам. Разумеется, рабочий день ни при каком способе производства не может быть короче необходимого времени. А при капиталистическом способе производства он должен быть длиннее этого последнего. Чем длиннее прибавочное рабочее время, тем больше — при прочих равных условиях — норма прибавочной стоимости. Поэтому стремления капиталиста клонятся к тому, чтобы как можно больше растянуть рабочий день. Охотнее всего он заставил бы рабочего трудиться непрерывно в течение 24 часов в сутки ¹.

К величайшему его огорчению, этого нельзя практиковать в течение сколько-нибудь длительного времени. Рабочий истомится вконец, если ему не будет предоставлен некоторый перерыв для отдыха, сна, обеда. Но капиталист заботится по крайней мере о том, чтобы максимально сократить эти перерывы и в течение всего остального времени иметь рабочего в своём полном распоряжении.

Рабочую силу невозможно, однако, отделить от рабочего. Поэтому всё то время, в течение которого капиталисту принадлежит потребительная стоимость рабочей силы, ему принадлежит также и личность рабочего. Каждая минута рабочего времени, которую рабочий тратит на себя, кажется капиталисту кражей его собственного капитала ².

¹ Австрийской парламентской анкетой 1883 г. о положении рабочих было констатировано, что в некоторых прядильнях Брюнна работа производится непрерывно с утра субботы до утра воскресенья. Эта постыдная практика, к сожалению, не ограничивается одним только Брюнном и одними только прядильнями.

² Английские рабочие — и не одни английские, конечно, — превосходно умеют высмеивать ту расчётливость, с которой капиталист наблюдает за тем, чтобы рабочий ничего не оттягивал у него из купленного им рабочего дня. Так, рассказывают анекдот о некоем владельце каменоломни, что у него один рабочий преждевременно взорвавшейся миной был выброшен на воздух, но благодаря случайности упал на землю невредимым. При расчёте предприниматель вычел с него за время, проведённое им в воздухе, как за прогульное. Нечто подобное действительно имело место при постройке водопровода в Кротоне в штате Нью-Йорк. Надо было пробуровать гору. От взрывов в туннелях распространялись удушливые газы. Это приводило рабочих в бесчувствие, и они становились на некоторое время (менее чем на час) неспособными

Но именно потому, что рабочая сила и рабочий нераздельно связаны друг с другом, интересы последнего требуют возможно большего сокращения рабочего времени. В продолжение процесса производства он является лишь частью капитала. При капиталистическом способе производства он тогда лишь становится человеком, когда перестаёт работать. Однако помимо такого *морального* мотива существует также и *материальный* мотив в пользу сокращения рабочего дня.

Капитал стремится к тому, чтобы получить больше, чем ему следует по правилам товарного обмена. Когда капиталист покупает дневное рабочее время по его стоимости, то ему принадлежит его потребительная стоимость только на один день. Иными словами, он в праве пользоваться рабочей силой в течение дня лишь настолько, чтобы это не повредило её восстановлению.

Если кто-нибудь покупает урожай с яблони и при этом, желая выжать побольше прибыли, не только срывает с дерева яблоки, но и срубает сучья, чтобы использовать их на дрова, то он нарушает заключённый им договор: на следующий год дерево уже не сможет принести столько плодов, как прежде. Точно так же обстоит дело и в том случае, когда капиталист заставляет рабочего работать чрезмерно долго: это возможно лишь за счёт работоспособности рабочего и продолжительности его жизни.

Если в результате чрезмерной работы период трудоспособности рабочего сокращается с 40 до 20 лет, то это означает не что иное, как то, что капитал в продолжение *одного* дня потреблял в среднем потребительную стоимость *двух* рабочих дней. Он оплачивал рабочему его рабочую силу за один день и брал рабочую силу двух дней. Капиталист проповедует рабочему бережливость и аккуратность и в то же время принуждает его расточать своё единственное достояние — свою рабочую силу¹.

ными. За это время у них производился вычет из заработной платы. В Цюрихском кантоне один фабрикант-бабник вычитывал из заработной платы рабочих за то время, которое они проводили у него в кабинете.

¹ Маркс цитирует следующее место из статьи д-ра Ричардсона в «Social Science Review» за 1863 г.: «В Мэрилебоне (одном из самых больших городских кварталов Лондона) смертность кузне-

Здесь речь идёт о капиталисте не как о частном лице, а как о представителе капиталистического способа производства, выполняющем заповеди последнего, — безразлично, побуждает ли его к этому личная жадность или конкуренция.

Перед нами встаёт, тут противоположность между интересами рабочего класса и класса капиталистов. Первый пытается по мере возможности сократить рабочий день, последний — удлинить его. Результатом этой противоположности интересов обоих классов является борьба, продолжающаяся и поныне, но начавшаяся столетия тому назад и имеющая величайшее историческое значение. В этой борьбе трудящиеся пролетарии познали солидарность своих интересов. Она была основной побудительной причиной к конституированию рабочих в класс, к развитию рабочего движения как политического движения. И эта политическая борьба имела своим следствием политический же результат — государственное регулирование продолжительности рабочего дня, *законодательное ограничение рабочего дня*.

В Англии, родине современной промышленности, условия и причины этой борьбы развились всего раньше и всего резче, поэтому и сама борьба разгорелась там раньше, чем где бы то ни было.

«Английские фабричные рабочие были передовыми борцами не только английского рабочего класса, но и современного рабочего класса вообще, точно так же, как их

цов составляет 31 на 1000 ежегодно, что на 11 превышает среднюю смертность взрослых мужчин Англии. Занятие, представляющее почти инстинктивное искусство человека, само по себе безукоризненное, становится вследствие чрезмерного труда разрушительным для человека. Он может делать такое-то количество ударов молотом в день, такое-то количество шагов, совершать столько-то дыхательных движений, исполнять такую-то работу и прожить в среднем, скажем, 50 лет. Его принуждают делать больше на столько-то ударов, проходить на столько-то шагов больше, на столько-то учащать дыхание, и это в общей сложности увеличивает затрату его жизненных сил на одну четверть. Он делает попытку в этом направлении, и в результате оказывается, что в продолжение ограниченного периода он действительно увеличивает производимую им работу на одну четверть и умирает в 37 лет вместо 50» («Капитал», т. I, стр. 261).

теоретики первые бросили вызов капиталистической теории» («Капитал», т. I, стр. 304).

Нигде нельзя так ясно проследить борьбу за продолжительность рабочего дня и её причины, как в Англии. В этой стране пресса, парламентские дебаты и анкетные комиссии, равно как и официальные отчёты, особенно фабричных инспекторов, доставили богатый материал, подобного которому нельзя найти в других странах. Когда Маркс заканчивал первый том «Капитала» (в 1866 г.), материал этот был единственным.

Поэтому Маркс дал подробное описание борьбы за нормирование рабочего дня, разыгравшейся в Англии. Картина, нарисованная им, дополняется книгой Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Эта книга охватывает период времени до 1844 г., а книга Маркса — до 1866 г. Несмотря на это, выводы Энгельса и Маркса относительно борьбы за нормирование рабочего дня представляют и теперь ещё не только *исторический* интерес.

Описываемое ими положение, подвохи, увёртки и интриги капитала с целью возможно больше удлинить рабочий день или сделать призрачным его выпущенное сокращение, отношение политических партий и рабочего класса к этим махинациям — всё это настолько типично, что позднейшее развитие отношений на континенте явилось точной копией развития Англии. Отношения, описанные Энгельсом восемьдесят, а Марксом — шестьдесят лет назад, ещё и теперь живы в Германии. Скучный материал, доставленный в последние годы частными исследованиями и официальными отчётами о германской и австрийской промышленности, служит живой иллюстрацией к выводам «Капитала».

Маркс говорит в своём предисловии, что он уделял «столь значительное место истории, содержанию и результатам английского фабричного законодательства» («Капитал», т. I, стр. 7) в первом томе своего труда потому, что одна нация может и должна учиться у другой и что господствующим классам их собственные ближайшие интересы настоятельно повелевают устранить всякие юридические ограничения, задерживающие развитие рабочего класса. Нарисованная Марксом картина положения английских рабочих не осталась совсем без результата.

Факты, собранные им, были до того потрясающи и до того неоспоримы, что они не преминули произвести впечатление не только на рабочий класс, но и на мыслящих представителей господствующих классов. Успехами фабричного законодательства в Швейцарии, Австрии и Германии мы обязаны в значительной степени влиянию «Капитала».

Однако число мыслящих представителей буржуазии, не погрязших в классовых предрассудках, очень невелико, а политическое значение рабочего класса ещё весьма незначительно, и преобладающее впечатление, которое мы выносим от чтения исследований Маркса относительно фабричного законодательства, есть не чувство удовлетворения достигнутым, а чувство стыда за колоссальное невежество, которое и поныне господствует в отношении фабричного законодательства. Только этим объясняется тот факт, что в европейских парламентах до сих пор во всеуслышание высказываются взгляды, которые уже давно опровергнуты жизнью и позабыты в Англии — этой «стране манчестерства», на которое у нас так любят фариисейски поглядывать свысока.

Подробное изложение главы «Капитала», трактующей о рабочем дне, здесь невозможно.

Мы рекомендуем каждому, кому это доступно, проштудировать главы «Капитала», где детально изображено положение тех отраслей английской промышленности, в которых рабочий день не ограничен законом, где даны картины ночной работы, системы смен и, наконец, борьбы за нормальный рабочий день¹. Нет лучше оружия для борьбы за фабричное законодательство, чем *восьмая и тринадцатая главы «Капитала»*.

Вообще в области государственного регулирования рабочего дня в Англии можно проследить два противоположных течения. Начиная с XIV и до конца XVII века издаются законы с целью *удлинения* рабочего дня. С начала же XIX века законодательство направлено к его *сокращению*.

В начале развития капиталистического способа производства капитал был слишком слаб, чтобы одной лишь

¹ Здесь и повсюду дальше выражение «нормальный рабочий день» употребляется в смысле нормированного, т. е. ограниченного законодательным путём рабочего дня.— *Ред.*

силой экономических отношений выжимать из рабочего достаточное количество прибавочной стоимости. Ещё в XVIII веке в Англии раздавались жалобы на то, что промышленные рабочие работают лишь четыре дня в неделю и в течение этого времени зарабатывают достаточно для существования в течение всей недели. Для понижения заработной платы и удлинения рабочего дня было тогда предложено заключать бродяг и нищих в рабочий дом, который стал бы «домом ужаса». В этом «доме ужаса» рабочее время должно было составлять 12 часов в сутки.

Сто лет спустя, в 1863 г., в «век гуманности», анкетная комиссия констатировала, что в гончарных заведениях Стеффордшира *семилетние дети работают изо дня в день по пятнадцати часов*.

Капитал теперь уже не нуждается в принудительных законах и каторжных тюрьмах, чтобы принудить рабочего к прибавочному труду. Он превратился в экономическую силу, которой пролетарий вынужден подчиняться. С последней трети XVIII века в Англии начинается настоящее состязание в погоне за прибавочным трудом. Один капиталист старается перецеголять другого в деле безмерного растяжения рабочего дня.

Рабочий класс с ужасающей быстротой приходил в упадок физически и морально и из года в год заметно приближался к вырождению; даже постоянное освежение крови благодаря притоку сельских рабочих в фабричные округа не могло остановить разрушительного процесса.

«Хлопчатобумажная промышленность существует уже 90 лет...— воскликнул оратор Феррэнд в английской палате общин в 1863 году.— В период времени, соответствующий трём поколениям английской расы, она пожрала девять поколений хлопчатобумажных рабочих». (Цит. по «Капиталу», т. I, стр. 272).

Фабриканты не обманулись в своих расчётах. Несмотря на быстрое разрушение человеческих жизней, нисколько не наблюдалось недостатка в свободной рабочей силе. Из сельских округов, из Шотландии, Ирландии и Германии в английские фабричные округа и в Лондон массами устремлялись кандидаты на смерть, гонимые с родины падением домашней промышленности, превращением пашен в пастбища и пр.

Однако если перспективы вырождения населения Англии не могли удержать класс капиталистов от дальнейшего удлинения рабочего дня, то оно должно было привлечь внимание как английских государственных деятелей, не принадлежащих к классу фабрикантов, так и наиболее дальновидных членов этого класса. Что станет с Англией и всей её промышленностью, если её население так неудержимо истощается капитализмом?

Подобно тому как во всех капиталистических странах оказалось необходимым по возможности ограничить истребление лесов капиталом, точно так же явилась настоятельная необходимость положить границы хищнической эксплуатации национальной рабочей силы капиталом. Государственные люди, усмотревшие эту необходимость, подталкивались вперёд английским рабочим движением — *первым современным движением этого рода*.

Уже Роберт Оуэн в начале XIX столетия выставил требование ограничения рабочего дня и практически ввёл на своей фабрике рабочий день в 10½ часов, притом с наилучшими результатами. Рабочее движение, которое начиная с 20-х годов стало гигантски расти, а с 1835 г. организовалось в чартистскую партию и стало вырывать у господствующих классов Англии одну уступку за другой, поставило своей главной целью добиться всеобщего избирательного права и десятичасового рабочего дня.

С каким упорством и ожесточением велась борьба, с какой настойчивостью капиталисты и юристы изощрялись в остроумии, чтобы свести на нет каждую отвоёванную уступку, с каким мужеством и энергией фабричные инспектора, даже наперекор желаниям министров, выступали в защиту рабочего класса (и среди них первый — Леонард Горнер, память которого должен чтить каждый рабочий), как фритредеры обещали рабочим десятичасовой рабочий день, пока они им были нужны, и как они самым циничным образом нарушили своё обещание, добившись отмены хлебных законов, как, наконец, угрожающее движение рабочего класса вынудило к установлению десятичасового рабочего дня, по крайней мере для определённых категорий рабочих, — обо всём этом подробно и жизненно, с большим количеством документальных данных, рассказано в «Капитале».

С начала 50-х годов английское рабочее движение вошло в более спокойные рамки. С одной стороны, оно не могло не испытать воздействия от поражения рабочего класса в Париже, а также от временного поражения революции на всём континенте. С другой стороны, цель чартистского движения в существенных чертах всё более и более достигалась, и в то же время английская промышленность получила сильнейшее развитие за счёт промышленности других стран. В водоворот этого подъёма был вовлечён и английский рабочий класс, и в его среде стало распространяться воззрение, будто между интересами капитала и труда в Англии существует гармония в противоположность капиталу и труду иноземных стран.

Несмотря на это, английское фабричное законодательство и в эти спокойные годы сделало ряд шагов вперёд. Законом 27 мая 1878 г. была, наконец, объединена и кодифицирована вся предыдущая законодательная работа 1802—1874 гг., охватывавшая шестнадцать отдельных фабричных законов.

Крупнейший шаг вперёд, сделанный этим законом, заключается в уничтожении разделения промышленных заведений на фабрики и мастерские. С этих пор охрана труда распространяется не только на фабрики, но и на мелкие мастерские и даже до известной степени на домашнюю промышленность. Но охрана закона не распространяется на взрослых рабочих-мужчин, а только на детей, подростков и женщин.

Закон 1878 г. был затем улучшен рядом дальнейших законов, из которых особенно важны законы 1891 и 1901 гг. Дети до 12-летнего возраста совершенно не допускаются к промышленному труду. Для детей от 12 до 14 лет максимальный размер рабочего дня установлен наполовину меньший, чем для подростков (от 14 до 18 лет) и для женщин. Для последних количество рабочих часов в неделю ограничено 60, за исключением текстильной промышленности, где оно не должно превышать 56½ часов. Работа лиц, охраняемых законом, запрещена по воскресеньям, равно как в день рождества и в страстную пятницу. Сюда присоединяется восемь полупраздников и четыре полных праздника (падающих не на субботу), из

которых половина приходится на период с 15 марта по 1 октября.

Разумеется, этими законами в большинстве случаев, а именно там, где мужчины работают совместно с женщинами и детьми, рабочий день взрослых мужчин также ограничен 10 часами. Однако до какой степени необходимо распространение охраны закона и на взрослых мужчин, показывает бедственное положение английских рабочих в тех отраслях, которые, не находясь под покровительством закона, не представляют в то же время привилегированных отраслей, где занята рабочая аристократия.

Результаты законодательного ограничения рабочего дня были поразительно благоприятны. Собственно, оно и спасло от вырождения английский рабочий класс, а тем самым спасло и английскую промышленность от застоя. Введение 10-часового рабочего дня не только не задержало развития промышленности, но, напротив, сопровождалось колоссальным, до тех пор неслыханным подъёмом английской индустрии. Законодательное ограничение рабочего дня стало в стране манчестерства одним из национальных институтов, который уже никому не приходит в голову распытывать. Сами фабриканты, которые всеми средствами боролись сначала против введения, а потом против применения на практике законодательного ограничения рабочего дня, кичатся им и провозглашают его одной из основ превосходства английской промышленности над промышленностью европейского континента.

Пример Англии и развитие капитализма со всеми его результатами в континентальных странах привели и там к необходимости регулирования рабочего дня. Это регулирование практически сделало более или менее крупные шаги вперёд в зависимости от силы рабочего движения и вдумчивости господствующих политических партий, т. е. в зависимости от того, насколько они преодолевают ограниченную точку зрения фабрикантов.

Самым прогрессивным из континентальных законодательств по охране труда бесспорно является *швейцарское*. Союзный закон 23 марта 1877 г., заменивший существовавшие до тех пор разнообразные фабричные законы, изданные отдельными кантонами, устанавливает 11-часовой рабочий день для всех рабочих, занятых на фабриках. Он

идёт дальше, чем английский закон, который не охраняет взрослых мужчин. Зато в другом отношении он остаётся позади этого закона, так как устанавливает максимальный рабочий день в 11, а не в 10 часов и оставляет вне своей компетенции мелкие мастерские и домашнюю промышленность. Дети до 14 лет вообще не должны работать на фабриках, а для подростков от 14 до 16 лет время обучения в школе вместе с временем работы на фабрике не может превышать 11 часов в день.

Франция получила первый фабричный закон в 1841 г. Этот закон устанавливал рабочее время для детей от 8 до 12 лет в 8 часов в день, а для детей от 12 до 16 лет — в 12 часов. Но даже и такой жалкий закон остался лишь на бумаге. Точно так же не применялся на практике и закон о 12-часовом нормальном рабочем дне для всех фабрик и мастерских, изданный в 1849 г. под давлением революции. Не было инспекторов, которые наблюдали бы за проведением закона в жизнь. Только законом 19 мая 1874 г. было положено начало более серьёзному законодательству по охране труда. Он совершенно запрещал работу детям до 10 лет, а в некоторых отраслях промышленности — до 12 лет. Рабочий день детей от 10 до 12 лет был ограничен 6 часами, а подростков от 12 до 16 лет — 12 часами. Для проведения этого закона был введён институт государственных фабричных инспекторов, в помощь которым были образованы особые местные комиссии.

В 1892 г. этот закон был улучшен. Работа детей до 12 лет была запрещена, и был установлен максимальный рабочий день для подростков от 12 до 16 лет в 10 часов, а для подростков от 16 до 18 лет — в 11 часов в день и не более 60 часов в неделю. Для взрослых женщин-работниц — в 11 часов.

Неоднократные попытки ввести вместо 11-часового 10-часовой день потерпели неудачу вследствие сопротивления сената. В конце концов Мильерану удалось провести компромисс. Законом 30 марта 1900 г. был установлен рабочий день в 10 часов для всех категорий на тех фабриках, на которых женщины и дети работают совместно с мужчинами. Однако этот успех был куплен ценою сравнительного ухудшения положения детей. Рабочий день был установлен одинаковый для всех категорий, включая и детей

от 12 лет, — единственный случай во всём международном законодательстве по охране труда. В течение первых двух лет после вступления закона в силу рабочий день был установлен в 11 часов, для следующих двух лет — в 10½ часов, и лишь после того должен был осуществиться 10-часовой рабочий день. Следовательно, рабочее время той категории, которая всегда больше нуждается в охране, а именно детей, было временно удлинено.

В Австрии с 11 июня 1885 г. существует законодательно установленный *11-часовой рабочий день* для фабрик, впрочем, с той оговоркой, что министру торговли разрешено для некоторых отраслей промышленности удлинять рабочий день на 1 час¹. Дети до 12 лет не могут привлекаться к регулярному промышленному труду, даже и в мелких мастерских. Максимальный рабочий день «молодых подсобных рабочих» (для учёных австрийского и некоторых других парламентов детский возраст оканчивается в 12 лет, а после того дети становятся «молодыми людьми») установлен в 8 часов.

Германское законодательство не лучше других указанных фабричных законодательств. Новелла к закону о промышленности, установившая ныне действующие положения по охране труда, издана в мае 1891 г. Она воспрещает применение на фабриках труда детей до 13 лет, для детей от 13 до 14 лет она устанавливает максимальный размер рабочего дня в 6, а от 14 до 16 лет — в 10 часов. Для женщин старше 16 лет установлен рабочий день в 11 часов. Новелла к уставу о промышленности от 28 декабря 1908 г. установила по крайней мере взамен 11-часового 10-часовой день для работниц. Взрослые рабочие-мужчины эксплуатируются, как и прежде, без ограничения времени.

В остальных европейских государствах законодательство по охране труда развито слабо. Оно касается почти исключительно детского труда.

В *Соединённых Штатах* во многих отдельных штатах существуют законы в защиту труда детей и подростков, а в большинстве случаев также и женщин, на фабриках.

¹ Кажется, из всего закона до сих пор всего больше применялась на практике эта оговорка.

Большинство из них устанавливает 10-часовой рабочий день для охраняемых законом лиц, и только в Калифорнии, Делаваре, Айдахо и Миссури — 9-часовой, а в Иллинойсе — даже 8-часовой (для подростков от 14 до 16 лет, но не для женщин). Труд детей до 14 лет запрещён в большинстве северных штатов, южные устанавливают большей частью предельный возраст в 12 и даже в 10 лет или вообще не имеют никаких постановлений на этот счёт. Охрана труда в южных штатах ещё более жалка. Рабочее время мужчины в Соединённых Штатах в общем законом ещё не установлено. Так же обстоит дело и в Австралии.

В Виктории и Новой Зеландии введён 8-часовой день для женщин и детей.

Наконец, в последние десятилетия иногда проявляется стремление вывести регулирование рабочего дня за пределы национальные границы и сделать его общим, международным делом всех капиталистических государств. В этом духе высказались до сих пор не только рабочие Швейцарии, Франции, Германии и Австрии — союзный совет Швейцарии уже обратился с запросом к различным правительствам насчёт их взглядов по этому вопросу. От дальнейших шагов союзный совет воздержался главным образом вследствие отрицательного отношения германского правительства. Однако дальнейшее сокращение рабочего дня в настоящее время властно диктуется обстоятельствами, и путь международного соглашения является наиболее подходящим для всех участников. Не приходится удивляться тому обстоятельству, что капиталисты и их учёные и неучёные защитники столь же рьяно бросаются в бой против международного трудового законодательства, как в своё время английские фабриканты боролись против ограничения рабочего дня в Англии. Нечего удивляться и тому, что капиталисты на континенте и в особенности в Германии выдвигают в этой борьбе отчасти те же несостоятельные доводы, которые разоблачены уже полвека назад. Однако это не должно препятствовать рабочим повсюду бороться за дальнейшее сокращение рабочего дня как в пределах отдельных государств, так и в международных рамках. Этого требует как их классовый интерес, так и общий интерес их нации. Каждый час, на который сокращается их ежедневное рабочее время, удлиняет то время,

в течение которого они могут чувствовать и действовать в качестве людей, а не инструментов, и содействует их участию в культурном и политическом развитии.

Международное выступление *рабочего класса* в пользу 8-часового рабочего дня, начало которому было положено Парижским международным конгрессом 1889 г., уже приобрело значение всемирно-исторического движения. *Майский праздник* — демонстрация в пользу международной охраны труда — стал действительно величественным смотром сил и праздником победы международного борющегося пролетариата.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ МЕЛКОГО ХОЗЯИНА И ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ КАПИТАЛИСТА

Если дана стоимость рабочей силы, а следовательно, и рабочее время, необходимое для поддержания рабочего, то вместе с нормой прибавочной стоимости дана также и масса прибавочной стоимости, приносимой каждым рабочим. Если стоимость рабочей силы равна 3 маркам, а норма прибавочной стоимости — 100%, то масса прибавочной стоимости, производимой рабочим, равна 3 маркам. Как же велика общая масса прибавочной стоимости, достигающей при данных обстоятельствах капиталисту? Положим, что он занимает 300 рабочих при описанных выше условиях. Переменный капитал, ежедневно пускаемый в ход, равен 900 маркам, норма прибавочной стоимости — 100%. В таком случае масса прибавочной стоимости будет равняться также 900 маркам в день.

«...Масса производимой прибавочной стоимости равна величине авансированного переменного капитала, помноженной на норму прибавочной стоимости...» («Капитал», т. I, стр. 309).

Если один из этих факторов уменьшается, то масса прибавочной стоимости может быть удержана на прежней высоте путём соответственного увеличения другого фактора. Наоборот, увеличение одного делает возможным соответственное уменьшение другого без изменения массы прибавочной стоимости.

Поясним это несколькими примерами. Капиталист, скажем, нанимает 300 рабочих. Необходимое рабочее время равно 6 часам, стоимость рабочей силы — 3 маркам, рабочее время — 12 часам в сутки. Масса ежедневно производимой прибавочной стоимости будет равна при этом 900 маркам. Положим, что уступчивость рабочих позволила капиталисту удлинить рабочее время до 15 часов. Норма прибавочной стоимости, при прочих равных условиях, будет теперь равняться 150%:

$$\frac{9 \text{ часов прибавочного труда}}{6 \text{ часов необходимого труда}}.$$

Чтобы производить ту же массу прибавочной стоимости, как и раньше, т. е. 900 марок, капиталисту нужно теперь затратить уже не 900 марок переменного капитала, как прежде, а всего 600; вместо 300 рабочих теперь достаточно 200.

Но если, наоборот, рабочие несговорчивы, если путём особенно удачной стачки им удалось добиться сокращения рабочего времени с 12 до 9 часов, то норма прибавочной стоимости составит лишь 50%:

$$\frac{3 \text{ часа прибавочного труда}}{6 \text{ часов необходимого труда}}.$$

Чтобы производить прежнюю массу потребительной стоимости, капиталист должен теперь нанять 600 рабочих и авансировать 1800 марок переменного капитала.

Нечего, конечно, и говорить, что первый случай для капиталиста приятнее.

Капиталист стремится к тому, чтобы как можно больше увеличить массу прибавочной стоимости. Но ему выгоднее достичь этого путём увеличения нормы прибавочной стоимости, чем путём расширения переменного капитала, путём увеличения числа занятых рабочих.

Однако норма прибавочной стоимости не может быть установлена по произволу. При определённых условиях она представляет более или менее определённую величину. Но раз норма прибавочной стоимости дана как определённая величина, то производство известной массы прибавоч-

ной стоимости требует определённого размера переменного капитала, который её создаёт, равно как и определённого размера постоянного капитала, который её всасывает.

Это обстоятельство имеет большое историческое значение.

Ещё в докапиталистические времена существовали наёмные рабочие, которые производили прибавочную стоимость. В особенности это явление имело место в цеховом ремесле. Но число рабочих, которых занимал средневековый мастер, было невелико. Соответственно этому и масса достававшейся ему прибавочной стоимости была незначительна. Обыкновенно её не хватало, чтобы обеспечить ему достаточный доход, и он должен был лично принимать участие в работе; «мелкий мастер» — не наёмный рабочий, но и не капиталист: это — нечто среднее между тем и другим.

Чтобы стать настоящим капиталистом, тот, кто применяет наёмный труд, должен нанимать столько рабочих, чтобы масса производимой ими прибавочной стоимости не только обеспечивала ему приличествующий его положению достаток, но и позволяла постоянно увеличивать его богатство. Это при капиталистическом способе производства, как мы увидим ниже, является для него необходимостью.

Не всякая сумма денег позволяет своему владельцу стать капиталистом. Если владелец денег хочет стать промышленным капиталистом, то его денежный запас должен быть достаточно велик для того, чтобы он мог закупить достаточное количество рабочей силы и средств производства, которое выходит уже за рамки ремесленного предприятия. Владелец денег, приступая к производству, должен быть также свободен и от всяких препятствий, мешающих увеличивать число рабочих до необходимых размеров. Средневековый цеховой строй старался помешать превращению мастера в капиталиста, сильно ограничивая число рабочих, которых имел право держать мастер.

«Главой новейшей мастерской сделался купец, а не старый цеховой мастер» (*К. Маркс*, Нищета философии, *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 4, стр. 155).

Цеховой мастер присваивает прибавочную стоимость, но он не является ещё настоящим капиталистом.

Цеховой подмастерье производит прибавочную стоимость, но он ещё не является настоящим пролетарием — наёмным рабочим.

Цеховой мастер ещё работает сам, а капиталист только распоряжается и наблюдает за работой других.

Цеховой подмастерье ещё распоряжается средствами производства, и средства производства в свою очередь служат подмастерью и облегчают ему труд. Он является помощником, сотрудником мастера. Он хочет и обыкновенно может сам когда-нибудь сделаться мастером.

Наёмный рабочий при капиталистическом способе производства является, напротив, единственным работником в процессе производства. Он — источник прибавочной стоимости, а капиталист выкачивает её. Средства производства служат теперь прежде всего для того, чтобы всасывать в себя рабочую силу работника; *теперь они применяют рабочего*, который практически никогда не может стать капиталистом. Орудия труда имеют уже назначением не облегчать труд рабочего, а *приковывать* последнего к труду.

Посмотрим на капиталистическую фабрику, и мы увидим, быть может, тысячи веретён, тысячи центнеров хлопка. Их купили с той целью, чтобы они возросли в своей стоимости, т. е. чтобы они впитали в себя прибавочную стоимость. Но они возрастают в стоимости лишь путём приложения труда, а потому требуют труда, труда и труда. Уже не прядильная машина поставлена здесь для того, чтобы облегчать рабочему его труд, а рабочий поставлен для того, чтобы прядильная машина могла приписать доход. Веретёна движутся и требуют человеческой рабочей силы. Рабочий голоден, но веретено вертится, и потому он должен глотать обед, обслуживая в то же время свою госпожу. Его силы истощены, ему хочется спать, но веретёна вертятся живо и весело и требуют ещё труда, а так как веретено вертится, то и рабочий не смеет спать.

Мёртвое орудие поработило живого рабочего.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ

Если необходимое рабочее время (т. е. та часть рабочего дня, в течение которой производится лишь стоимость, равная по своей величине затраченному на покупку рабочей силы капиталу) является определённой величиной, то норма прибавочной стоимости может быть повышена только путём *удлинения рабочего дня*. Если, например, необходимое рабочее время равно 6 часам в сутки и остаётся неизменным, — что и бывает в действительности при данных условиях производства, — то норма прибавочной стоимости может быть повышена только путём *удлинения рабочего дня*.

Значение этого обстоятельства мы рассмотрели в пятой главе.

Однако рабочий день не может быть удлинён до бесконечности. Стремление капиталиста к его удлинению находит *естественные* границы в истощении рабочего, *моральные* границы — в потребности последнего, как человека, в свободной деятельности, наконец *политические* границы — в ограничениях рабочего дня государством, вызываемых темп или иными мотивами.

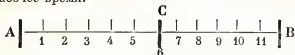
Предположим, что рабочий день достиг такого предела, дальше которого он не может быть удлинён, и что этот предел равен 12 часам. Необходимое рабочее время пусть равняется 6 часам; следовательно, норма прибавочной стоимости будет равна 100 %.

Каким же образом можно увеличить эту норму? Очень просто. Стоит лишь понизить необходимое рабочее время с 6 до 4 часов, и время прибавочного труда повысится с 6 до 8 часов. *Длина* рабочего дня осталась прежней, но *соотношение* двух его составных частей — *необходимого и прибавочного* рабочего времени — изменилось.

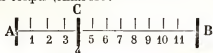
Вместе с тем изменилась и норма прибавочной стоимости. Благодаря сокращению необходимого рабочего времени с 6 до 4 часов при 12-часовом рабочем дне норма прибавочной стоимости возросла от 100 до 200 % — она *удвоилась*.

Для наглядности изобразим величину рабочего дня и его частей в виде линий известной длины. Предположим,

например, что линия AB представляет 12-часовой рабочий день, часть её AC — необходимое, а часть CB — прибавочное рабочее время:

Каким образом могу я удлинить часть CB на два деления, представляющие рабочие часы, не удлиняя AB ? Очевидно, путём сокращения AC :

В первом случае CB такой же длины, как и AC , во втором CB вдвое больше AC .

Стало быть, можно увеличить прибавочную стоимость не только путём абсолютного удлинения рабочего дня, но и путём сокращения необходимого рабочего времени.

Прибавочную стоимость, производимую путём удлинения рабочего дня, Маркс называет *абсолютной прибавочной стоимостью*. Прибавочную стоимость, получаемую от сокращения необходимого рабочего времени и соответствующего изменения в отношении величины обеих составных частей рабочего дня, он называет *относительной прибавочной стоимостью*.

Стремление капиталиста к увеличению прибавочной стоимости последним путём откровенно сказывается в его попытках понизить заработную плату. Но так как стоимость рабочей силы при данных условиях является определённой величиной, то эта тенденция может выражаться лишь в понижении *цены* рабочей силы *ниже её стоимости*. Как ни важно это обстоятельство на практике, мы всё же не можем вдаваться в его ближайшее рассмотрение здесь, где речь идёт об изучении *основ* экономического развития, а не *внешних форм его проявления*.

Мы должны поэтому в дальнейшем исходить из предположения, что всё идёт нормальным порядком, что цена соответствует стоимости, а следовательно, и оплата рабочей силы соответствует стоимости последней. Итак, нам здесь ещё не приходится задаваться вопросом о том, каким

образом *заработная плата* может быть понижена ниже стоимости рабочей силы и какие последствия это влечёт за собой; мы должны лишь рассмотреть, как может быть понижена сама *стоимость* рабочей силы.

Рабочий имеет при данных условиях определённые потребности. Он нуждается для поддержания своей семьи и себя самого в известном количестве *потребительных стоимостей*. Эти предметы потребления — товары. Их стоимость определяется рабочим временем, общественно необходимым для их производства. Всё это нам уже известно и не требует дальнейших пояснений.

Если среднее рабочее время, необходимое для производства упомянутых предметов потребления, понижается, то понижается также и стоимость этих продуктов. Вместе с тем понизится стоимость рабочей силы рабочего, равно как и часть рабочего дня, необходимая для восстановления этой стоимости. При этом обычные потребности рабочего несколько не ограничиваются.

Другими словами, *с повышением производительности труда понижается при известных условиях стоимость рабочей силы*. Но только — при известных условиях, а именно лишь тогда и лишь постольку, поскольку повышение производительности труда сокращает рабочее время, необходимое для изготовления средств к жизни, обычно потребляемых рабочим.

Если рабочий привык не ходить босиком, а носить сапоги, то стоимость рабочей силы сократится, когда для изготовления пары сапог окажется необходимым вместо 12 лишь 6 часов. Но если удвоится производительность труда шлифовальщика алмазов или кружевницы, то это не окажет влияния на стоимость рабочей силы.

Повышение производительности труда возможно лишь путём *изменения способов производства* — путём улучшения орудий или методов работы. *Стало быть, производство относительной прибавочной стоимости обуславливается переворотами в способах труда.*

Подобные перевороты и постоянное усовершенствование способов производства являются естественной необходимостью для капиталистической системы производства. Конечно, отдельный капиталист не всегда сознаёт, что, чем дешевле он производит, тем ниже становится стоимость

рабочей силы и тем выше, при прочих равных условиях, прибавочная стоимость. Однако конкуренция постоянно принуждает его вводить новые улучшения в процесс производства.

Стремление опередить конкурентов побуждает его вводить способы производства, позволяющие при меньшей затрате общественно необходимого рабочего времени производить прежнее количество товаров. Но конкуренция точно так же вынуждает и его конкурентов вводить улучшенные способы производства. Добавочный барыш, получавшийся до тех пор, пока новый способ применялся в единичных случаях, исчезает, когда этот способ начинает применяться всюду. Однако в меру влияния этого способа на производство необходимых средств к жизни остаётся *устойчивым* более или менее значительное падение стоимости рабочей силы и соответствующий рост относительной прибавочной стоимости.

В этом кроется только одна из причин того, что капитализм непрерывно революционизирует способы производства и таким образом всё более и более повышает относительную прибавочную стоимость.

Если повышается производительность труда, то повышается и норма относительной прибавочной стоимости, между тем как стоимость произведённых товаров соответственно понижается. Таким образом, мы видим здесь кажущееся противоречие, именно: капиталисты непрестанно стараются производить всё дешевле и дешевле, всё более и более понижать стоимость своих товаров, чтобы иметь возможность присваивать себе всё большее и большее количество стоимости. Мы видим, однако, ещё одну кажущуюся несообразность: чем выше производительность труда, тем выше при господстве капиталистического способа производства прибавочный труд, излишнее рабочее время рабочего. Тенденция капиталистического способа производства заключается в том, чтобы увеличивать производительность труда до исполинских размеров, сокращать необходимое рабочее время до минимума и в то же время насколько только возможно удлинять рабочий день.

Как капитализм удлинял рабочий день, мы видели уже в пятой главе. Посмотрим теперь, каким образом он сокращает необходимое рабочее время.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

КООПЕРАЦИЯ

Мы видели в шестой главе этого отдела, что недостаточно нанимать наёмных рабочих, чтобы быть капиталистом в полном смысле этого слова.

Предприниматель, пользующийся трудом наёмных рабочих, становится капиталистом лишь в том случае, если производимая рабочими масса прибавочной стоимости достаточно велика, чтобы обеспечить ему приличествующий положению доход и увеличивать его богатство без его личного участия в труде. А это предполагает одновременный труд известного числа рабочих, далеко превосходящего их количество, допускавшееся при цеховом ремесле.

«Действие большего числа рабочих в одно и то же время, в одном и том же месте (или, если хотите, на одном и том же поле труда) для производства одного и того же сорта товаров, под командой одного и того же капиталиста составляет исторически и логически исходный пункт капиталистического производства» («Капитал», т. I, стр. 328).

Итак, различие между капиталистическим и ремесленным способами производства прежде всего *только количественное*, а не *качественное*. Занимаю ли я в одном и том же помещении и в одно и то же время трёх ткачей при трёх ткацких станках или тридцать ткачей при таком же количестве станков, — это прежде всего, повидимому, будет иметь последствием лишь ту разницу, что в последнем случае будет произведено в десять раз больше стоимости и прибавочной стоимости, чем в первом.

Однако наём большого количества рабочих влечёт за собой ещё и другие различия. Прежде всего вспомним о законе больших чисел, о том обстоятельстве, что индивидуальные особенности обнаруживаются тем сильнее, чем меньше индивидов мы принимаем во внимание, и тем скорее сглаживаются, чем в большей степени предметом наблюдения становятся массы. Если мы захотим узнать среднюю продолжительность человеческой жизни, то наверное придём к ошибочным выводам, вычислняя её по продолжительности жизни 5—6 лиц. Но с большой степенью вероятности можно допустить, что мы близко подойдём к

истине, определив её по продолжительности жизни, скажем, миллиона людей.

Точно так же и индивидуальные отличия отдельных рабочих проявятся гораздо сильнее, когда они будут заняты в количестве трёх человек, чем когда их будет тридцать. В последнем случае повышенная работоспособность хороших и пониженная — плохих сравняются, так что в результате получится *средний труд*. По словам Берка, уже при одновременной работе пяти сельских рабочих исчезают все индивидуальные различия, так что любые пять наугад взятых рабочих сделают вообще столько же, сколько и пять других.

Если рабочие мелкого мастера дают общественно-средний труд, то это не более как случайность. Только для капиталиста становится возможным, чтобы приводимый им в движение труд *постоянно* являлся общественно-средним трудом.

Одновременный труд многих рабочих в одном помещении представляет ещё и другие выгоды. За постройку помещения, в котором работает тридцать ткачей, не придётся заплатить в десять раз дороже, чем за помещение для трёх ткачей. Точно так же и склад, вмещающий 100 центнеров хлопка, не стоит в десять раз дороже, чем склад для 10 центнеров, и т. д.

Следовательно, стоимость той части постоянного капитала, которая переходит в продукт, сокращается сравнительно с числом занятых рабочих тем сильнее, чем больше рабочих, при прочих равных условиях, участвует в определённом процессе труда. Вместе с тем возрастает прибавочная стоимость сравнительно с общей суммой затраченного капитала. В то же время уменьшается стоимость продукта. А при известных, указанных в предыдущей главе, условиях уменьшается также и стоимость рабочей силы. В последнем случае прибавочная стоимость возрастает также по сравнению с переменным капиталом.

Одновременное применение труда многих рабочих в одном и том же месте для достижения определённого результата приводит к их *планомерному сотрудничеству*, т. е. к *кооперации*. Последняя создаёт *новую общественную производительную силу*, которая и количественно превос-

сходит и качественно отличается от суммы отдельных составляющих её индивидуальных производительных сил.

Эта новая производительная сила есть прежде всего *сила массы*. Она делает возможными некоторые процессы труда, совершенно невыполнимые с менее значительными силами или выполнимые лишь в несовершенной степени. Тридцать человек без труда подымут в несколько мгновений бревно, над которым три человека напрасно промучились бы весь день. Кооперация делает также возможным выполнение таких работ, где требуется не сила массы, а сосредоточение трудовой деятельности в возможно более крупном масштабе в *небольшой промежуток времени*, как, например, при уборке хлеба.

Но даже и там, где не требуется ни большая масса энергии, ни сосредоточение и концентрация её в определённом месте или в определённый момент, кооперация всё же выгодна: *она повышает производительность труда*. Каждому известно, как при постройке зданий доставляются наверх кирпичи: составляется цепь из рабочих, передающих кирпичи друг другу. Благодаря этому планомерному сотрудничеству кирпичи попадают наверх гораздо быстрее, чем если бы рабочие таскали их туда поодиночке.

Наконец, нельзя забывать и того, что человек — животное общественное. Коллективная работа оживляет его психику. При такой работе начинают действовать честолюбие и чувство соревнования. Таким образом, коллективная работа идёт быстрее, и трудовая энергия бывает при ней выше, чем у изолированных рабочих.

При капиталистической системе наёмные рабочие лишь тогда могут вступить в сотрудничество, когда их рабочая сила куплена одним и тем же капиталистом. Чем больше нужно купить рабочих сил, тем больше требуется переменного капитала; чем больше занято наёмных рабочих, тем большее количество сырого материала, средств труда и пр. им нужно, а следовательно, тем больше и необходимый постоянный капитал. Поэтому осуществление кооперации в известном масштабе предполагает известную величину капитала. Капитал известной величины становится теперь *предварительным условием* капиталистического способа производства.

Кооперация свойственна не одному лишь капиталисти-

ческому способу производства. Мы встречали её в примитивных формах уже у индейцев. При этом мы выяснили, что планомерное сотрудничество последних при охоте *требует планомерного руководства*. Такое руководство необходимо при всяком общественном труде, в какой бы форме он ни совершался. При капиталистическом способе производства подобная руководящая роль неизбежно становится функцией капитала. Здесь снова обнаруживается плодотворность марксова открытия двойственного характера труда, производящего товары.

Как мы уже видели, в силу этого двойственного характера процесс производства при капиталистической системе есть в одно и то же время процесс труда и процесс возрастания стоимости. Поскольку процесс производства представляет собой *процесс труда*, капиталист является *руководителем* производства. Выполняемая им функция является более или менее необходимой при всяком общественном процессе труда.

Особенностью же *капиталистического* процесса производства как процесса *возрастания стоимости* является, как это было уже выяснено в главе о рабочем дне, лежащая в его основе *противоположность* интересов труда и капитала. Поэтому, чтобы процесс возрастания стоимости беспрепятственно протекал в направлении, желательном для капиталиста, требуется *подчинение рабочего деспотическому господству* капиталиста.

Но процесс возрастания стоимости и процесс труда составляют лишь две различные стороны одного и того же процесса — капиталистического процесса производства. Поэтому руководство производством и деспотическое господство капитала над рабочим выступают как единое явление. Но так как первое является технически необходимым, то — вещает нам буржуазная экономия — господство капитала над трудом также является технической необходимостью, диктуемой силою вещей, и с уничтожением его было бы уничтожено само производство, поскольку оно носит общественный характер. Словом, господство капитала является естественной и необходимой предпосылкой цивилизации.

Родбертус заявил, что в качестве руководителей производства капиталисты являются как бы служащими обще-

ства и вправе получать от общества содержание. На самом же деле капиталист предпринимает производство потребительных стоимостей лишь потому, что иначе он не может стать обладателем стоимостей. Поэтому и руководство производством является для него лишь неизбежным злом, которому он покоряется потому только, что с ним неразрывно связано возрастание стоимости его капитала.

Он уклоняется от этого зла во всех тех случаях, когда это возможно сделать, не нанося ущерба прибавочной стоимости. Если его предприятие достаточно велико, он передаёт своё общественное «служение» наёмным служащим, управляющим и их подчинённым. Иногда он прибегает и к другим приёмам, чтобы освободиться от руководства производством. Так, во время хлопкового кризиса в начале 60-х годов владельцы английских бумагопрядилен закрыли свои фабрики и стали выколачивать себе «содержание» спекуляцией на хлопковой бирже.

Утверждение, будто капиталист заслуживает вознаграждения за своё руководство производством, напоминает рассказ об одном мальчике, увидевшем яблоню, сплошь усыпанную яблоками, к которой он не мог пробраться иначе, чем через высокий забор. Сблaзи был чересчур велик, и мальчуган перелез через забор, что стоило ему немалых усилий. Но не успел он добраться до яблони, как пришёл владелец сада и обратился к нему с вопросом, по какому праву он рвёт яблоки. «Я честно заслужил их, — ответил мальчуган, — это награда за тяжёлую работу, которую я проделал, перелезая через забор». Точно так же как мальчик мог пробраться к яблокам не иначе, как через забор, так и капиталист обыкновенно может добраться до прибавочной стоимости лишь в качестве руководителя производства.

Здесь следует указать ещё на одно странное воззрение, встречающееся в экономических сочинениях. Мы предполагали до сих пор, что капиталист покупает рабочую силу всякий раз по её полной стоимости. Но планомерное сотрудничество всех купленных им рабочих сил развивает новую производительную силу. Рабочие силы производят в этом случае больше, чем если бы он заставил каждого рабочего трудиться отдельно. Капиталист не оплачивает этой новой производительной силы.

Эта последняя не имеет никакого отношения к *стоимости* рабочей силы и составляет особенность её *потребительной стоимости*. Эта новая сила обнаруживается лишь в процессе труда, следовательно, лишь после того, как товар рабочая сила перешёл во владение капиталиста, *стал капиталом*. Поэтому капиталистам и их защитникам кажется, будто повышение производительности труда следует приписать не труду, а *капиталу*.

«Так как общественная производительная сила труда ничего не стоит капиталу, так как, с другой стороны, она не развивается рабочим, пока сам его труд не принадлежит капиталу, то она представляется производительной силой, принадлежащей капиталу по самой его природе, имманентной капиталу производительной силой» («Капитал», т. I, стр. 339—340).

Кооперация, как уже было упомянуто выше, свойственна не одному лишь капиталистическому способу производства. Совместное общественное производство свойственно уже первобытному коммунизму, который мы встречаем на заре человеческой истории. Первобытное земледелие велось повсюду на общинных, кооперативных началах. Лишь впоследствии земля была поделена между отдельными семьями. Примеры кооперации подобного рода приведены нами в первом отделе.

Развитие *товарного* производства уничтожило эту *первобытную кооперацию*. И хотя вместе с товарным производством расширяется круг лиц, работающих *друг для друга*, но *совместный труд* в сущности исчезает, сохраняясь лишь в форме *принудительного труда*, труда рабов или крепостных на их господ.

Капитал, возникающий как противоположность изолированности и раздробленности сил в крестьянском хозяйстве и ремесленном производстве, снова развивает кооперацию, общественный, совместный труд. Кооперация есть основная форма капиталистического способа производства, его особая историческая форма в рамках товарного производства. Капитал стремится всё более и более развивать общественное производство. Он создаёт все высшие формы кооперации: мануфактуру, крупную промышленность. Цель, которую он при этом преследует, заключается в увеличении прибавочной стоимости. Но помимо своей воли он

подготавливает этим почву для новой, высшей формы производства.

Ремесленная форма товарного производства основана на *раздробленности и изолированности* различных предприятий. Капиталистическое же предприятие, напротив, зиждется на *объединении* различных видов труда, на *общественном, совместном* производстве. Ремесленная форма товарного производства предполагает, как правило, существование множества мелких *самостоятельных* товаропроизводителей. Капиталистическое же предприятие, основанное на кооперации, предполагает безусловную власть капиталиста над отдельными рабочими.

В первом отделе мы на двух примерах познакомились с первобытной кооперацией и разделением труда. Затем мы проследили возникновение товарного производства. Теперь мы рассмотрели развитие капиталистического способа производства, которое одновременно является и товарным производством и производством, основанным на кооперации.

Если капиталистическая форма товарного производства отличается от ремесленной концентрацией предприятий и созданием совместного, общественного труда, то, с другой стороны, капиталистическая кооперация отличается от первобытно-коммунистической кооперации безусловным авторитетом капиталиста, который является и руководителем производства и собственником средств производства и которому в то же время принадлежат и продукты кооперативного труда, принадлежавшие в первобытной кооперации самим трудящимся.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА И МАНУФАКТУРА

1. Двойное происхождение мануфактуры.

Её элементы: частичный рабочий и его орудие

В первом отделе мы в основу своего изложения положили кроме «Капитала» ещё «К критике политической экономии» Маркса, а отчасти его «Наемный труд и капитал». При составлении настоящей и следующей глав, трак-

тующих о разделении труда и мануфактуре, о машинах и крупной промышленности, мы пользовались кроме «Капитала» ещё «Ницетой философии» Маркса, а именно § 2 второй главы, озаглавленным «Разделение труда и машины».

В «Ницете философии» подробнее, чем в «Капитале», разобрана литература, характеризующая невыгодные последствия, вытекающие для рабочих от разделения труда в капиталистической мануфактуре. Таким образом, упомянутый § 2 является не только предшественником по времени двух излагаемых здесь глав «Капитала», но и их дополнением. Эти главы, по нашему мнению, следует отнести к числу самых блестящих страниц, написанных Марксом, а они до сих пор, к сожалению, не пользуются со стороны большинства читателей «Капитала» тем вниманием, какого они заслуживают.

Прежде всего рассмотрим мануфактуру, т. е. «ту промышленность, которая не превратилась еще в современную промышленность с ее машинами, но не представляет собой уже ни средневекового ремесла, ни домашней промышленности» (*К. Маркс, Ницета философии, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 154*). Как характерная форма капиталистического производственного процесса она в общем и целом господствует примерно с середины XVI до конца XVIII века¹.

Она имеет двойное происхождение. С одной стороны, капитал застал такие продукты, которые должны были проходить через руки различных ремесленников, прежде чем они получили свою окончательную форму. Так, экипаж из рук каретника переходил в руки шорника, обойщика, маляра, стекольщика и т. д. На место самостоятель-

¹ Слово «мануфактура» составлено из двух латинских слов: *manus* (рука) и *factus* (сделанный, изготовленный). Одной из важнейших отраслей промышленности, которой овладела мануфактура, была обработка волокнистых веществ — шерсти, хлопка и т. д. Поэтому ещё и теперь текстильные фабрики часто называют мануфактурами, хотя их следует относить не к области мануфактуры, а к области крупной машинной промышленности; иногда же под мануфактурой разумеют исключительно текстильную промышленность. Такое употребление слова «мануфактура» неверно.

ных ремесленников разных специальностей капиталист поставил наёмных рабочих тех же видов труда, работающих планомерно и совместно в общем помещении над изготовлением кареты.

Но мануфактура развивалась также и противоположным путём. Капиталист собирал целый ряд рабочих, производивших один и тот же предмет, например булавочников. Каждый из них должен был выполнять в известной последовательности все операции, необходимые для изготовления продукта. Но как только значительное количество рабочих начало работать таким образом, это, естественно, привело к *разделению* различных операций между различными рабочими.

Итак, мануфактура, с одной стороны, возникала путём *соединения* разнородных и самостоятельных ремёсел, а с другой стороны, — путём *разделения* разнородных операций одного и того же ремесла между различными рабочими.

Однако, была ли выполняемая мануфактурным рабочим операция раньше самостоятельной операцией отдельного ремесленника или она произошла из разложения операций одного и того же ремесла, — ремесло всегда составляло не только историческую, но и техническую основу мануфактуры. Необходимым условием этого вида производства остаётся выполнение каждой отдельной операции *человеческими руками*. Успешность труда в мануфактуре, как и в ремесле существенным образом зависит от ловкости, уверенности и проворства отдельных рабочих.

Однако между ремесленником и мануфактурным рабочим существует громадное различие. На место разнообразия операций первого мануфактура вводит простоту и однообразие операций, выполняемых рабочим изо дня в день, из года в год. Рабочий здесь уже не является целесообразно действующим самостоятельным производителем, он превращается в несамостоятельную часть большого рабочего механизма, он является как бы членом совокупного рабочего организма.

Конечно, благодаря этому искусство рабочего в его ограниченной сфере деятельности в огромной степени повышается. Он открывает много новых приёмов работы, передаёт их товарищам и в свою очередь многому у них

научается. Перемена места и орудия, неизбежная при разнообразии операций, влечёт за собой излишнюю трату времени и энергии. Эта трата избегается частичным рабочим мануфактуры, который непрерывно работает на одном и том же месте, одним и тем же орудием, в одном и том же направлении. С другой стороны, перемена работы даёт отдых и возбуждает энергию. Частичный рабочий лишён этого.

Разделение труда в мануфактуре не только развивает искусство рабочего, но и способствует совершенствованию его *орудия*. Орудие, которое должно служить для множества разнородных операций, не может быть вполне приспособлено к каждой из них. Орудие же, которое применяется исключительно при одной операции, может быть соответствующим образом приспособлено к ней. Это значительно повышает его производительность.

Все эти обстоятельства приводят к значительному повышению производительности труда в мануфактуре по сравнению с ремеслом.

2. Две основные формы мануфактуры

Выше мы рассмотрели двоякое происхождение мануфактуры и её составные элементы — частичного рабочего и его орудие. Рассмотрим теперь мануфактуру в целом.

Мануфактуре свойственны две основные формы, существенно отличные одна от другой, вытекающие из природы изделия, продукта. В первом случае продукт составляется из нескольких частей, из которых каждая является особым самостоятельным продуктом. Во втором случае он изготавливается путём нескольких, одна с другой тесно связанных манипуляций и операций, которые последовательно производятся над одним и тем же предметом труда.

Каждую из этих двух основных форм мануфактуры мы можем пояснить классическим примером. Сэр Вильям Петти наглядно поясняет мануфактурное разделение труда на примере *производства часов*, которое следует причислить к первой из основных форм мануфактуры. В ремесленном производстве часы были первоначально продуктом труда одного рабочего, который изготавливал их сам с

начала до конца. Но как только изготовление часов попало под власть капиталистического производства, выделка каждой отдельной составной части часов, равно как их сборка были поручены особым частичным рабочим. Таким образом, появились особые мастера, изготавливающие пружины, циферблаты, зубчатые колёса, наконец мастера, собирающие часы из отдельных частей и выверяющие их.

Пример второй основной формы мануфактуры дал нам Адам Смит в своём знаменитом описании изготовления булавок, как оно происходило в его время.

«Один рабочий тянет проволоку, — говорит он, — другой выпрямляет её, третий обрезает, четвёртый заостряет конец, пятый обтачивает один конец для насаживания головки; изготовление самой головки требует двух или трёх самостоятельных операций; насадка её составляет особую операцию, полировка булавок — другую; самостоятельной операцией является даже завёртывание готовых булавок в пакетики. Таким образом сложный труд производства булавок разделён приблизительно на восемнадцать самостоятельных операций, которые в некоторых мануфактурах все выполняются различными рабочими, тогда как в других один и тот же рабочий нередко выполняет две или три операции» (Адам Смит, Исследование о природе и причинах богатства народов, 1935, т. I, стр. 10).

Кусок проволоки проходит последовательно через руки различных частичных рабочих; но все эти рабочие заняты одновременно. В булавочной мануфактуре одновременно тянут проволоку, растягивают, разрезают, заостряют её и т. д., — короче говоря, различные операции, которые ремесленному рабочему приходилось выполнять одну за другой, в мануфактуре выполняются одновременно и *одна рядом с другой*. Благодаря этому становится возможным в одинаковый промежуток времени производить товаров больше прежнего.

Сравнительно с ремеслом мануфактура выигрывает и в отношении производительности труда, чем она обязана своему кооперативному характеру. Однако мануфактура ещё стеснена некоторыми ограничительными условиями; всё равно, принадлежит ли она к первому типу, который мы иллюстрировали примером часового производства, или ко второму, примером которого служит булавочное произ-

водство, — в обоих случаях изделие или составные части его должны совершать *переход* из одних рук в другие, что требует времени и труда. Это ограничение устраняется лишь крупной промышленностью.

При таком переходе изделия из одних рук в другие один рабочий доставляет другому *сырой материал* для его труда, т. е. каждый рабочий даёт работу другому. Так, например, рабочий, насаживающий головки на булавки, не может выполнить своей операции, если ему не будут доставлены в достаточном количестве куски проволоки, надлежащим образом приготовленные. Чтобы общая работа шла непрерывно и безостановочно, должно быть поэтому точно определено время, необходимое для изготовления каждой из отдельных частей продукта, а со временем необходимо сообразовать и число рабочих, занятых изготовлением каждой из этих частей.

Если, например, рабочий, разрезающий проволоку на куски, может нарезать в час в среднем 1000 булавок, между тем как рабочий, насаживающий головки, справится за это время только с 200 булавками, то, для того чтобы десять рабочих, исполняющих последнюю функцию, были заняты бесперебойно, необходимо иметь в мануфактуре двух резчиков проволоки.

С другой стороны, капиталист, нанявший одного резчика проволоки, должен пригласить пять рабочих, насаживающих головки, если он хочет полностью использовать рабочую силу первого. Если капиталист пожелает расширить своё предприятие, то число новых рабочих, которых он может занять, опять-таки не будет произвольным, если только он хочет сполна использовать их рабочую силу. Если он, в нашем примере, оставит одного нового резчика проволоки, то это лишь в том случае принесёт ему соответствующую выгоду, когда он пригласит при этом ещё пятерых, а не троих или четверых рабочих, насаживающих булавки.

Изготовление товара в течение общественно необходимого для этого рабочего времени является, как мы знаем, требованием товарного производства вообще; к исполнению этого требования товаропроизводитель вынуждается *конкуренцией*. С развитием же капиталистической мануфактуры изготовление определённого количества продук-

тов в течение общественно необходимого рабочего времени становится также и *технической* необходимостью.

Если ремесленник работает быстрее или медленнее, чем это является общественно необходимым, то это обстоятельство оказывает влияние на его трудовой заработок, но не делает ещё для него невозможным самый труд. В капиталистической же мануфактуре весь процесс труда нарушается, как только в изготовлении какой-нибудь детальной части продукта произошло отклонение от нормы. Однако, как мы видели выше, одновременное применение труда значительного числа рабочих в одном и том же деле превращает их труд в средний. Это явление, представляющее выгодную сторону простой кооперации, становится необходимым условием производства в мануфактуре.

Итак, только при капиталистическом способе производства *отдельный товаропроизводитель* (капиталист) в виде общего правила производит свои товары при затрате общественно необходимого среднего труда, — и он принуждён производить именно таким образом. Только при капиталистическом способе производства закон стоимости достигает своего полного развития.

Уже при мануфактуре начинается кое-где применение *машин*. Но в этот период они всегда играют лишь второстепенную роль.

Важнейшей машиной мануфактуры остаётся совокупный рабочий, при котором отдельные частичные рабочие являются лишь колёсиками, тесно соединёнными между собою. При мануфактурной системе рабочий является в сущности лишь частью машины и, подобно последней, должен действовать регулярно и непрерывно. Как в машине есть и более и менее сложные части, так и различные частичные работы требуют и более и менее обученных рабочих. Их рабочая сила обладает соответственно этому большей или меньшей стоимостью.

Когда изготовление булавок производилось ещё ремесленным способом, обучение каждого булавочного мастера было одинаково. Соответственно этому стоимость рабочей силы каждого из них была, вообще говоря, одинакова и притом сравнительно высока. Когда же производством булавок овладела мануфактурная система, это производство распалось на ряд частичных работ. Одни из

них требовали основательного навыка, а другие могли быть усвоены без всякого труда. Рабочая сила тех рабочих, которые потратили много времени на приобретение необходимого и основательного навыка, естественно, имела гораздо большую стоимость, чем рабочая сила тех, которые выполняли более простые операции.

Так возникла «иерархия рабочих сил, которой соответствует шкала заработной платы»¹.

Название работы	Рабочие	Подённая плата
Вытягивание проволоки . . .	1 мужчина	3 шилл. 3 пенса
Растягивание проволоки . .	{ 1 женщина и 1 шилл. 1 девочка — 6 пенсов	
Заострение	1 мужчина	5 шилл. 3 пенса
Приготовление головок . . .	{ 1 мужчина и 5 шилл. 4 1/2 пенса 1 мальчик — 4 1/2 пенса	
Насаживание головок	1 женщина	1 шилл. 3 пенса
Полировка	{ 1 мужчина и 6 шилл. 1 женщина 3 шилл.	
Втыкание в бумагу	1 женщина	1 шилл. 6 пенсов

Таким образом, заработная плата колебалась от 4 1/2 пенсов (18 копеек) до 6 шиллингов (3 рубля).

На низшей ступени этой шкалы стоят те рабочие, которые выполняют операции, доступные каждому без особой подготовки и навыка. Такого рода простые операции бывают в каждом производственном процессе. В ремесле они чередуются с более сложными работами. В мануфактуре же они остаются постоянным и неизменным занятием особого разряда рабочих, которые теперь различаются как необученные рабочие от обученных.

Почти каждому из мануфактурных рабочих приходится тратить на свою подготовку меньше времени, чем ремесленнику соответствующей отрасли труда. Ремесленнику приходится овладеть всеми приёмами, необходимыми

¹ Эта таблица, заимствованная у Баббеджа («On the Economic of Machinery and Manufacture», London 1835), даёт очень ясное изображение иерархической шкалы заработной платы и прекрасно иллюстрирует техническую необходимость — приводить в надлежащее соответствие число рабочих, занятых при каждой отдельной операции, равно как и строго придерживаться среднего общественно необходимого времени. Таблица изображает положение небольшой английской булавочной мануфактуры в начале XIX века.

для окончательного изготовления продукта, тогда как мануфактурный рабочий может ограничиться усвоением лишь одного или нескольких приёмов. А у необученного рабочего расходы на обучение вовсе отпадают.

Таким образом, при мануфактурном способе производства понижается стоимость рабочей силы. Вместе с тем понижается и необходимое для содержания рабочего рабочее время. При той же самой длине рабочего дня растёт продолжительность прибавочного труда, растёт и относительная прибавочная стоимость.

А рабочий оказывается физически и духовно изуродованным. Работа теряет для него всякое содержание, всякий интерес. Он сам становится придатком капитала.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

МАШИНЫ И КРУПНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

1. Развитие машины

Разделение труда в мануфактуре привело к видоизменению ремесленного труда. Но оно не устранило его совершенно. Искусность ремесленника в общем и целом остаётся основой мануфактуры. Это даёт частичному рабочему, хотя бы и односторонне обученному, известную *независимость* по отношению к предпринимателю. Его нельзя сразу заменить, а между тем его работа необходима для хода всего предприятия. Мы видели это на примере производства булавок. Сами рабочие прекрасно сознают эту выгоду. Они всеми силами стараются удержать за мануфактурой этот ремесленный характер путём возможно полного сохранения ремесленных обычаев, например в области ученичества и пр.

Такую тенденцию можно ещё и теперь наблюдать в целом ряде производств, которые до сих пор сохранили свой мануфактурный характер. Здесь кроется также тайна многих успехов профессионального движения.

Но что составляет радость для одного, доставляет горе другому.

«Поэтому,— говорит Маркс,— в течение всего мануфактурного периода не прекращаются жалобы на недисциплинированность рабочих. И если бы даже у нас не было показаний со стороны писателей того времени, то одни уже факты, что начиная с XVI столетия и вплоть до эпохи крупной промышленности капиталу не удавалось подчинить себе всё то рабочее время, каким располагает мануфактурный рабочий; что мануфактуры не долговечны и вместе с эмиграцией или иммиграцией рабочих покидают одну страну, чтобы возникнуть в другой,— уже одни эти факты говорят нам больше, чем целые библиотеки» («Капитал», т. I, стр. 376). Понятен после этого крик скорби, вырвавшийся у анонимного автора вышедшего в 1770 г. памфлета: «Рабочие никогда не должны считать себя независимыми от поставленных над ними начальников... Порядок должен устанавливаться во что бы то ни стало».

И порядок был установлен. Мануфактура сама создала необходимые для этого предпосылки. Она породила иерархически расчленённую мастерскую для производства усложнённых орудий труда, а «этот продукт мануфактурного разделения труда, в свою очередь, производил машины» («Капитал», т. I, стр. 376). Машина же нанесла господству ремесленного способа труда смертельный удар.

Чем же отличается машина от инструмента ремесленника, что превращает орудие труда из инструмента в машину? То, что *механический аппарат*, которому только должно быть сообщено *соответствующее движение*, «совершает своими орудиями те самые операции, которые раньше рабочий совершал подобными же орудиями» («Капитал», т. I, стр. 380). Служит ли при этом источником двигательной силы человек или опять-таки машина,— ничуть не меняет сущности дела.

Это нужно твёрдо усвоить себе, чтобы не впадать в ошибочное представление, будто машина отличается от инструмента тем, что она приводится в движение не человеком, а какой-нибудь силой природы, как, например, животным, водой, ветром и т. д. Применение таких двигательных сил несравненно древнее машинного производства; вспомним хотя бы о плуге, запряжённом быком или лошадью. Животные, ветер, вода и т. п., как известно, уже в глубокой древности применялись человеком в качестве

двигательной силы при устройстве мельниц, насосов и пр., отнюдь не вызывая революции в способах производства.

Даже *паровая машина* в том виде, в каком она была изобретена в конце XVII века, ещё не вызвала сама по себе промышленного переворота. Переворот произошёл лишь тогда, когда была изобретена первая сколько-нибудь важная «рабочая машина» — *придильная машина*.

Нет ничего пошлее сказки, приписывающей открытие паровой машины случайному наблюдению над кипящим горшком. Сила пара была известна грекам, вероятно, уже 2000 лет тому назад, но они не умели ни к чему применить её, а впоследствии ею воспользовались для разного рода механических забав.

Изобретение же *паровой машины* является продуктом сознательной и *напряжённой* деятельности ума, опиравшейся на предыдущий опыт. Оно оказалось возможным лишь после того, как мануфактура создала необходимые для этого *технические предпосылки*, в особенности же — достаточное количество искусных механических рабочих. Оно стало, далее, возможным лишь после того, как *потребность* пробудила интерес к новым двигательным силам¹. А это имело место тогда, когда была изобретена *рабочая машина*.

Эта последняя требовала для своей эксплуатации двигательной силы, которая отличалась бы большей мощностью и *регулярнее* функционировала бы, чем ранее существовавшие. Человек — очень несовершенное орудие для *непрерывного* и вполне *однообразного* движения, и к тому же он слишком слаб. Лошадь, более сильная, чем человек, не только слишком дорога и лишь в ограниченных пределах может быть применяема на фабрике, но и обладает, кроме того, скверным качеством — иметь свой нрав. *Ветер* слишком *непостоянен* и *не поддаётся управлению*. Точно так же и *сила воды*, которой широко пользовались уже в мануфактурный период, не удовлетворяла новым требованиям. Она не могла быть увеличиваема по произволу, в известное время года совершенно отказывалась служить, а главное, была привязана к месту.

¹ На вопрос «Что такое изобретение?» Гёте метко отвечает: «Завершение искомого».

Лишь после того как *Джемс Уатт* после долгих усилий изобрёл свою вторую *паровую машину*, так называемую машину двойного действия, найдя в «обширнейшем» промышленном предприятии своего компаньона *Матюаса Болтона* «как технические, так и денежные средства», требовавшиеся для выполнения его плана, — лишь тогда впервые был найден двигатель, «который, потребляя уголь и воду, сам производит двигательную силу и мощность которого находится всецело под контролем человека; двигатель, который подвижен и сам является средством передвижения, который, будучи городским, а не сельским, как водяное колесо, позволяет концентрировать производство в городах, вместо того чтобы рассеивать его в деревне; двигатель, универсальный по своему техническому применению и сравнительно мало зависящий в своём местопребывании от тех или иных локальных условий» («Капитал», т. I, стр. 383). Понятно, что усовершенствованная двигательная сила, с своей стороны, воздействует на рабочую машину, толкая её к дальнейшему развитию.

«Всякая развитая совокупность машин [entwickelte Maschinerie] состоит из трёх существенно различных частей: машины-двигателя, передаточного механизма, наконец машины-орудия, или рабочей машины» («Капитал», т. I, стр. 378—379). Машину-двигатель, как *движущую силу всей машины*, мы уже рассмотрели. Передаточный механизм, состоящий из маховых колёс, валов, зубчатых колёс, эксцентриков, стержней, приводных ремней и всякого рода промежуточных приспособлений и принадлежностей, *регулирует* движение, *изменяет*, где нужно, *его форму*, преобразуя его, например, из прямолинейного в круговое, *распределяет и переносит* его на различные части *рабочей машины*. «Обе эти части механизма существуют только затем, чтобы привести в движение рабочую машину, благодаря чему последняя захватывает предмет труда и целесообразно изменяет его» («Капитал», т. I, стр. 379).

Именно *рабочая машина*, как мы видели, произвела промышленный переворот в XVIII веке. Да и теперь ещё она служит исходным пунктом в процессе превращения уцелевшего до сих пор ремесленного или мануфактурного производства в машинное. Прежде всего она является либо более или менее изменённой механической формой старого

ремесленного инструмента, что мы встречаем, например, в механическом ткацком станке, либо прилаженные к «пальцам» рабочей машины органы оказываются нашими старыми знакомыми, как, например, веретёна у прядильной машины, спицы у чулочновязальной машины, ножи у резальной машины и т. п. Но количество инструментов, которыми одновременно работает одна и та же рабочая машина, «с самого начала эмансипируется от тех органических ограничений, которым подчинено ручное орудие рабочего» («Капитал», т. I, стр. 380).

Теперь одна машина-двигатель может посредством целесообразного приспособления передаточного механизма («разветвление на особые русла») приводить в движение одновременно ряд рабочих машин. Таким образом, отдельная рабочая машина низводится до роли простого элемента машинного производства.

В одних случаях весь продукт производится одной и той же рабочей машиной (например, механическим ткацким станком), — там, на предприятии, основанном на машинном производстве, т. е. на фабрике, каждый раз перед нами снова выступает *простая кооперация*, при которой несколько однородных рабочих машин (рабочего мы пока можем оставить в стороне) действуют одновременно и совместно в одном и том же помещении. В этом случае, однако, существует *механическое единство*. Одна и та же машина-двигатель, один общий толчок одинаковым образом приводит их в движение. Они — лишь органы одного и того же двигательного механизма.

В других случаях предмет труда должен проходить целый ряд связанных между собой *последовательных процессов*, выполняемых целой цепью разнородных, но дополняющих друг друга рабочих машин. Здесь, стало быть, снова появляется свойственная *мануфактуре* кооперация, основанная на разделении труда, но уже в виде комбинации *частичных рабочих машин*. Именно в этих случаях место отдельной самостоятельной машины впервые занимает *настоящая система* машин. Каждая частичная машина доставляет другой, следующей за ней, сырой материал. Как это наблюдается в мануфактуре при кооперации частичных рабочих, так и в расчленённой системе машин постоянная зависимость между отдельными частичными

машинами создаёт известное *определённое соотношение* между их *числом, их размерами и скоростью их движения*.

Эта комбинированная рабочая машина *тем совершеннее*, чем непрерывнее идёт выполняемый ею общий процесс, т. е. чем с *меньшими перерывами* сырой материал доходит от первой фазы до последней, чем в большей степени, следовательно, эти переходы совершаются не при помощи человеческих рук, а *самой машиной*. Когда же машина исполняет все движения, необходимые для обработки сырого материала, без помощи человека и её работа нуждается лишь в некоторых поправках со стороны человека, — тогда перед нами *автоматическая система машин*. Что эта последняя также способна к постоянному усовершенствованию в деталях, показывает, например, аппарат, автоматически останавливающий прядильную машину, как только оборвётся хоть одна нитка.

«Примером как непрерывности производства, так и проведения автоматического принципа может служить, — говорит Маркс, — современная бумажная фабрика» («Капитал», т. I, стр. 387).

Как изобретение паровой машины Уаттом, так и другие ранние изобретения в области машин могли быть осуществлены лишь благодаря тому, что мануфактурный период подготовил значительное количество искусных рабочих-механиков — частичных рабочих мануфактуры, а также самостоятельных ремесленников, которые умели изготавливать машины. Первые машины были изготовлены в ремесленных или мануфактурных мастерских.

На первых порах машины были обязаны своим существованием *личному* искусству и *личным* силам рабочих. Труд этих рабочих граничил с искусством. Машины не только были слишком дороги — обстоятельство, всегда превосходно понимаемое капиталистом, — но и дальнейшее распространение их, а следовательно, и развитие крупной промышленности оставалось в зависимости от возрастания этой категории рабочих. Между тем их искусство требовало продолжительного обучения — их число могло поэтому увеличиваться лишь постепенно.

Но на известной ступени развития крупная промышленность приходит и в техническом отношении в противоречие со своим ремесленно-мануфактурным основанием.

Всякое усовершенствование или увеличение размеров машины, её освобождение от первоначального ремесленного образца, употребление более пригодных для неё, но труднее поддающихся обработке материалов, например железа вместо дерева, — всё это наталкивалось на величайшие трудности. Преодолеть эти трудности не могла даже система разделения труда, проведённая в мануфактуре.

«Мануфактура не могла бы создать таких машин, как, напр., современный типографский станок, современный паровой ткацкий станок и современная чесальная машина» («Капитал», т. I, стр. 389).

С другой стороны, переворот в одной какой-либо отрасли промышленности влечёт за собой переворот в ряде других отраслей, связанных с первой. Так, машинное приращение делает необходимым машинное ткачество, и оба вместе влекут за собой химическую и механическую революцию в белильном, красильном и ситцепечатном производствах. А затем революция в способах производства в области промышленности и земледелия обусловила также *переворот в средствах сообщения и транспорта*.

Крупной промышленности с её лихорадочной быстротой производства необходимо быстро получать свои сырые материалы, быстро и в больших количествах выбрасывать на рынки свои продукты. Она должна быть в состоянии привлекать и выбрасывать, согласно своим потребностям, большие массы рабочих. Отсюда — переворот в судостроении, замена парусного судна пароходом, просёлочной дороги — железной дорогой, курьера — телеграфом.

«Но огромные массы железа, которые приходилось теперь ковать, сваривать, резать, сверлить и формовать, в свою очередь требовали таких циклопических машин, создать которые мануфактурное машиностроение было не в силах» («Капитал», т. I, стр. 390).

Таким образом, крупная промышленность должна была создать себе свою собственную, соответствующую её существу основу. Овладев машиной, она начала производить машины посредством машин же.

«Существеннейшим производственным условием для машинной фабрикации машин была машина-двигатель, способная развивать силу в любой степени и в то же время всецело подчиняющаяся контролю. Она уже существовала

в виде паровой машины. Но вместе с тем задача заключалась и в том, чтобы машинным способом производить необходимые для отдельных частей машин строго геометрические формы: линии, плоскости, круги, цилиндры, конусы и шары. В первом десятилетии XIX столетия Генри Модслей разрешил эту проблему изобретением *slide rest* [поворотного суппорта], который скоро был превращён в автоматический механизм и в модифицированной форме перенесён с токарного станка, для которого он первоначально предназначался, на другие машиностроительные машины. Это механическое приспособление заменяет не какое-либо особенное орудие, а самую человеческую руку, которая создаёт определённую форму, приближая, прилагая остриё режущего инструмента к материалу труда или направляя его на материал труда, напр. на железо. Таким образом удалось производить геометрические формы отдельных частей машин «с такой степенью лёгкости, точности и быстроты, которой никакая опытность не могла бы доставить руке искуснейшего рабочего»¹ («Капитал», т. I, стр. 391).

Нет надобности распространяться о великодушных машинах, употребляемых при машиностроении. Кто не слышал о наших исполинских машиностроительных заводах, о тех гигантских паровых молотах, свыше 100 центнеров весом, которые играючи превращают в порошок гранитную глыбу, но в то же время способны давать самые лёгкие удары, заранее размеренные с величайшей точностью? Каждый день приносит новые успехи в машинном деле, новое расширение области их применения.

В мануфактуре разделение труда было ещё главным образом субъективным. Частичные процессы были приспособлены к личности рабочего. В системе же машин крупная промышленность обладает уже вполне объективным

¹ «The Industry of Nations», London 1855, ч. II, стр. 239. Из этого же сочинения Маркс цитирует следующее место относительно изобретения «*slide rest*»: «Как бы прост и на первый взгляд незначителен ни казался этот придаток к станку, мы думаем, что без преувеличения можно сказать, что его влияние на усовершенствование и распространение машин было так же велико, как влияние усовершенствований, произведённых Уаттом в самой паровой машине» («Капитал», т. I, стр. 391).

производственным организмом, с которым рабочий сталкивается, как с уже готовым, и к которому поэтому ему самому приходится приспосабливаться. Кооперация, вытеснение одиночного рабочего обобществлённым, становится уже не случайностью, а «технической необходимостью, диктуемой природою самого средства труда» («Капитал», т. I, стр. 392).

2. Перенесение стоимости машин на продукт

Подобно всякому орудью, машина входит в состав постоянного капитала. Она не создаёт стоимости, но лишь передаёт свою собственную стоимость продукту. В каждом данном случае она передаёт продукту ту стоимость, какую сама теряет вследствие износа.

Машина всегда входит в процесс труда целиком, а в процесс образования стоимости — только частью. Точно так же обстоит дело и с инструментом. Но разница между первоначальной общей стоимостью орудия и частью стоимости, переданной продукту, у машины гораздо больше, чем у орудия. Прежде всего она *служит дольше*, чем орудия, потому что построена из более прочного материала. Затем употребление её, регулируемое строго научными законами, делает возможной *большую экономию* в износе её составных частей и в потреблении вспомогательных материалов — масла, угля и пр. Наконец, поле производства у неё несравненно шире, чем у простого инструмента.

При данном соотношении между стоимостью машин и той частью стоимости, которую они ежедневно переносят на продукт, степень, в которой эта часть стоимости ежедневно увеличивает стоимость продукта, зависит от размера продукта. «В одной лекции, опубликованной в 1857 г., Бэйнс из Блэкберна вычисляет, что «каждая реальная механическая лошадиная сила¹ приводит в движение

¹ К этому месту Энгельс, редактор 3-го и 4-го изданий «Капитала», делает такое примечание: «Одна «лошадиная сила» равна силе 33 000 футо-фунтов в минуту, т. е. силе, которая в 1 минуту поднимает 33 000 фунтов на 1 фут (английский) или 1 фунт на 33 000 футов. Это и есть та лошадиная сила, о которой выше идёт речь» («Капитал», т. I, стр. 394).

450 сельфакторных мюльных веретён с соответствующим приготовительным оборудованием, или 200 ватерных веретён, или 15 ткацких станков для 40-дюймовой ткани вместе со сновальным, шлихтовальным и т. д. оборудованием» («Капитал», т. I, стр. 394—395).

Вместе с тем дневные издержки на одну паровую лошадиную силу и износ машин, приводимых ею в движение, распределяются в первом случае на дневной продукт 450 веретён, во втором — на продукт 200 тростильных веретён, в третьем — на продукт 15 механических ткацких станков, так что на один фунт пряжи или на аршин ткани переносится очень незначительная часть стоимости.

При данном поле *действия рабочей машины*, т. е. при данном количестве её инструментов, или, если дело идёт о её силе (как, например, в случае парового молота), при данном объёме её силы, количество продуктов зависит от *скорости*, с которой машина работает.

Раз дана та пропорция, в которой машина переносит свою стоимость на продукт, величина этой части стоимости зависит от *величины стоимости самой машины*. Чем меньшей затраты труда она сама стоит, тем меньше стоимости она переносит на продукт. Если производство машины стоит столько же труда, сколько потом сберегает её применение, то на деле происходит простое перемещение труда, а не увеличение его производительности. Производительность машины измеряется той степенью, в которой она сберегает *человеческую рабочую силу*. Поэтому несколько не противоречит принципу машинного производства то обстоятельство, что, вообще говоря, по сравнению с товарами, производимыми ремесленным или мануфактурным способом, у машинного продукта та часть стоимости, передаваемая *орудием труда*, *относительно*, т. е. по отношению к общей стоимости всего продукта, повышается, но абсолютно — падает.

С точки зрения *удешевления продукта* предел применения машины даётся тем, что её собственное производство должно стоить меньше труда, чем сберегается её применением. Но, как мы видели раньше, капитал оплачивает не *употребляемый им труд*, а лишь стоимость употребляемой им *рабочей силы*. Поэтому для него пределы применения машин определяются разницей между *стоимостью*

машин и общей стоимостью, сберегаемой ею во весь период деятельности рабочей силы.

Но действительная заработная плата рабочего то падает ниже стоимости рабочей силы, то поднимается выше её. Кроме того, она неодинакова в различных странах, в различные эпохи и в различных отраслях промышленности. Поэтому границы применения машин при капитализме определяются разницей между *ценой* машины и *ценой* вытесняемой ею рабочей силы. Только эта разница имеет значение для капиталиста, только она давит на него принудительными законами конкуренции. Поэтому иногда случается, что машины, которые оказываются выгодными в одной стране, не получают применения в другой. В Америке изобрели машины для разбивания камня, но в Старом Свете они не применяются, так как пролетарии, исполняющие эту работу, получают оплату столь ничтожной части своего труда, что применение машин только удорожило бы производство для капиталиста.

Низкая заработная плата — прямое *препятствие* для введения машин, так что и с этой точки зрения она невыгодна для общественного развития.

Только в обществе, в котором будет уничтожена противоположность между капиталом и трудом, машины найдут простор для своего полного развития.

3. Ближайшие действия машинного производства на рабочего

«Поскольку машины делают мускульную силу излишней, они становятся средством для того, чтобы применять рабочих без мускульной силы или с недостаточным физическим развитием, но с более гибкими членами... Таким образом это мощное средство замещения труда и рабочих немедленно превратилось в средство увеличивать число наёмных рабочих, подчиняя непосредственному господству капитала всех членов рабочей семьи без различия пола и возраста» («Капитал», т. I, стр. 400—401). Обязательный труд на фабрике не только вторгся на место детских игр, он вытеснил также свободный труд в домашнем кругу, исполняемый для нужд самой семьи. «Женский и детский

труд был первым словом капиталистического применения машин!» («Капитал», т. I, стр. 400).

Последствия этого для рабочего класса должны были оказаться крайне тяжкими как в экономическом, так и в социальном и моральном отношениях.

До тех пор стоимость рабочей силы определялась рабочим временем, необходимым для поддержания не только самого взрослого рабочего, но и всей *рабочей семьи*, чьим кормильцем он являлся. Теперь же, когда жена и дети также оказались выброшенными на рынок труда и получили возможность кое-что зарабатывать, стоимость рабочей силы мужчины стала раскладываться на всю семью. И это изменение в стоимости рабочей силы с поразительной быстротой вызывает соответствующее изменение её *цены, т. е. заработной платы*. Вместо одного отца постепенно вся семья оказывается вынужденной для поддержания своего существования работать за плату и поставлять, таким образом, капиталу не только труд, но и *прибавочный труд*. Таким образом, машины не только увеличивают материал для эксплуатации, но повышают и самую *степень эксплуатации*.

Это, впрочем, не исключает возможности некоторого номинального повышения заработка рабочей семьи. Если вместо отца начинают работать отец, мать и двое детей, то в большинстве случаев общая сумма получаемой ими заработной платы оказывается выше, чем прежняя заработная плата одного лишь отца. Но дело в том, что *стоимость жизни* при этом также *повышается*. Машина влечёт за собой увеличение размеров *фабричного предприятия*, и она губит *домашнее хозяйство* рабочего. Фабричная работница уже не имеет возможности быть домохозяйкой. Бережливость и расчётливость в израсходовании средств к жизни теперь невозможны.

Раньше рабочий продавал свою собственную рабочую силу, которою он, формально по крайней мере, располагался в качестве свободной личности. Теперь он становится рабовладельцем и продаёт на фабрику жену и детей. Если фарисеи капитализма громко вопиют об этом «зверстве», то они забывают, что сами создали это зверство, сами эксплуатируют его и желают увековечить под красивым названием «свободы труда». Всем этим разговорам

о «зверстве» рабочих-родителей достаточно противопоставить тот *крупный факт*, что ограничение женского и детского труда на английских фабриках отвоёвано у капитала взрослыми рабочими-мужчинами.

Маркс приводит многочисленные доказательства изнурительного действия фабричного труда на женщин и детей. Мы отсылаем к ним читателя и здесь приведём пример из новейшего времени, заимствуемый из книги Зингера «Исследования социального быта в фабричных округах северо-восточной Богемии» («Untersuchungen über die sozialen Zustände in den Fabrikbezirken des nordöstlichen Böhmen», Leipzig 1885). Данные этой книги позволяют нам сравнить среднюю смертность детей в стране, почти совершенно незнакомой с крупной промышленностью, именно в *Норвегии*, с детской смертностью в стране с высокоразвитой промышленностью, которая в момент издания книги не была ещё ограничена законами в защиту труда, — именно в северо-восточной *Богемии*.

В *Норвегии* с 1866 по 1874 г. из 10 000 новорождённых обоего пола, родившихся живыми, умирало в возрасте до 1 года 1063. В то же время в нижеследующих округах с высокоразвитой промышленностью на 10 000 новорождённых, родившихся живыми, приходилось смертных случаев на первом году жизни:

Округ	
Верхняя Эльба	3 026
Габлонц	3 104
Браунау	3 236
Траутенау	3 475
Рейхенберг с окрестностями	3 805
Фридланд	4 130.

Итак, смертность грудных младенцев в фабричных округах оказывается в *три-четыре раза выше*, чем в отсталой по своей «культуре» *Норвегии*. Большую смертность в первом случае нельзя объяснить — подобно тому как это делают мальтузианцы — чрезмерной плодovitостью населения. Напротив, цифра рождений там очень низка. В исследуемых Зингером округах на 1000 жителей приходится около 35 рождений в год, между тем как в Германии приходится 42, а во всей Австрии — свыше 40.

Помимо физического и нравственного калечения превращение незрелого человека в простую машину для производства прибавочной стоимости породило также «интеллектуальное... одичание... которое легко отличить от первобытного невежества, оставляющего ум девственно-петропнутым, но не причиняющего вреда самой его способности к развитию, его естественному плодородию...» («Капитал», т. 1, стр. 405).

Зато путём присоединения женщин и детей к общему рабочему персоналу машиной достигается один «благотворный» результат: это помогает, наконец, сломить сопротивление, которое мужчина-рабочий в мануфактуре ещё оказывал деспотизму капитала.

Какова же цель, ради которой капиталист вводит машины? Не для того ли, чтобы облегчить труд рабочих? Никоним образом. Машина имеет целью путём повышения *производительности труда* удешевить товары и сократить ту часть рабочего дня, в течение которой рабочий воспроизводит стоимость своей рабочей силы, в пользу той части, в течение которой он создаёт *прибавочную стоимость*.

Но мы видели, что машина тем производительнее, чем меньше та часть её собственной стоимости, которую она переносит на определённую массу продуктов. Эта же часть тем меньше, чем больше масса производимых ею продуктов. Масса эта в свою очередь тем больше, чем длиннее период функционирования машины. Безразлично ли для капиталиста, будет ли этот «рабочий период» его машины продолжаться, скажем, 15 лет при 8-часовой ежедневной работе или 7½ лет при 16-часовой работе? По арифметическому расчёту время пользования машиной в обоих случаях одинаково. Капиталист, однако, считает иначе.

Он рассуждает так. Во-первых, в течение 7½ лет при 16-часовой ежедневной работе машина передаёт общей массе продуктов не бóльшую стоимость, чем в течение 15 лет при 8-часовой работе. Но зато в первом случае её собственная стоимость воспроизводится вдвое быстрее, чем во втором. Это создаёт для меня приятную перспективу получить в течение 7½ лет столько же прибавочной стоимости, сколько во втором случае получилось бы лишь за

15 лет, не говоря уже о других выгодах, которые приносит с собой удлинение рабочего дня.

Далее, моя машина изнашивается не только при употреблении, но и тогда, когда она стоит в бездействии и подвергается влиянию стихий. Раз она стоит без дела, она ржавеет. Этот износ представляет собой чистый убыток, который я могу сократить путём сокращения времени бездействия машины.

Затем, в наше время непрерывных переворотов в области техники я каждый день должен ожидать, что моя машина будет обесценена более дешёвой или более совершенной в техническом отношении конкуренткой. Поэтому, чем быстрее я заставлю её возратить свою стоимость, тем меньше опасность такой потери.

Кстати сказать, такая опасность сильнее всего грозит при первоначальном введении машин в какую-либо отрасль производства. В это время новые методы появляются на сцене один за другим. Поэтому в такой период стремление удлинить рабочий день проявляется с особой силой.

Наш капиталист продолжает: мои машины, здания и пр. представляют капитал в столько-то тысяч марок. Когда машины бездействуют, весь мой капитал, вложенный в них, перестаёт приносить мне прибыль. А потому, чем больше машины работают, тем успешнее я увеличиваю не только стоимость, затраченную на машины, но и стоимость той части капитала, которая вложена в строения и пр.

К этим соображениям капиталиста присоединяется ещё один мотив, который, впрочем, столь же мало сознаётся им самим, как и его учёными защитниками, политико-экономии, — хотя сила этого мотива несколько от этого не уменьшается. Капиталист обзаводится машинами, чтобы сберечь заработную плату (переменный капитал), чтобы в будущем рабочий производил за один час столько же товаров, сколько прежде производил за три или четыре часа.

Машина повышает производительность труда и потому способствует удлинению прибавочного труда за счёт необходимого, следовательно, — *повышению нормы прибавочной стоимости*. Но она может достичь этого результата лишь путём уменьшения числа занимаемых данным капи-

талом рабочих. Машинное производство превращает в машины, т. е. в постоянный капитал, часть капитала, бывшего раньше переменным, т. е. превращавшегося в живую рабочую силу.

Но мы знаем, что масса прибавочной стоимости определяется, во-первых, *нормой прибавочной стоимости* и, во-вторых, *числом занятых рабочих*. Введение машин в крупную капиталистическую промышленность имеет целью повысить первый фактор, определяющий массу прибавочной стоимости, путём сокращения второго фактора. Таким образом, в применении машин с целью производства прибавочной стоимости заключается внутреннее противоречие. Это противоречие заставляет капитал возмещать относительное уменьшение числа эксплуатируемых рабочих увеличением не только относительного, но и абсолютного прибавочного труда, удлинением рабочего дня до последней степени возможности.

Таким образом, капиталистическое применение машин создаёт новые могущественные стимулы для беспредельного удлинения рабочего дня. Вместе с тем оно до известной степени создаёт и возможность такого удлинения. Так как машина может работать непрерывно, то капитал в своём стремлении к удлинению рабочего дня связан лишь теми рамками, которые ему ставит естественное истощение сил человеческого придатка машины, т. е. рабочего, и его сопротивление. Это последнее он подавляет, с одной стороны, путём вовлечения в производство более покорных и безответных элементов — женщин и детей, а с другой стороны, — путём создания «избыточного» рабочего населения, состоящего из рабочих, выброшенных на улицу машинами.

Таким образом, машина разрушает всякие моральные и физические границы рабочего дня. Представляя «самое мощное средство для сокращения рабочего времени», она «превращается в надёжнейшее средство для того, чтобы всё время жизни рабочего и его семьи обратить в рабочее время, предоставляемое капиталу для увеличения его стоимости» («Капитал», т. I, стр. 413—414).

Маркс следующими словами заканчивает отрывок, в котором он констатирует это явление: «Если бы, — мечтал Аристотель, величайший мыслитель древности, — если бы

каждое орудие по приказанию или по предвидению могло исполнять подобающую ему работу подобно тому, как создания Дедала двигались сами собою или как треножки Гефеста по собственному побуждению приступали к священной работе, если бы, таким образом, ткацкие челноки ткали сами, то не потребовалось бы ни мастеру помощников, ни господину рабов». И Антипатр, греческий поэт времён Цицерона, приветствовал изобретение водяной мельницы для размалывания зерна, этой элементарной формы всех производительных машин, как появление освободительницы рабынь и восстановительницы золотого века! «Язычники! О эти язычники!» Они, как открыл проницательный Бастиа, а до него ещё более премудрый Мак Куллох, ничего не понимали в политической экономии и христианстве. Они, между прочим, не понимали, что машина — надёжнейшее средство для удлинения рабочего дня. И если они оправдывали рабство одних, то как средство для полного человеческого развития других. Но для того, чтобы проповедывать рабство масс для превращения немногих грубых и полуобразованных выскочек в «*eminent spinners*» [«выдающихся прядильщиков»], «*extensive sausage makers*» [«крупных колбасников»] и «*influential shoe black dealers*» [«влиятельных торговцев ваксой»], — для этого им не доставало специфических христианских чувств» («Капитал», т. I, стр. 414).

Чем больше развивается применение машины, а вместе с ним и специальный класс опытных рабочих при машинах, тем более, естественно, увеличивается скорость, а следовательно, и напряжённость, *интенсивность труда*. Такое повышение интенсивности труда оказывается, однако, возможным лишь до того момента, пока длина рабочего дня не переходит за известные границы. Далее, на известной ступени развития повышение интенсивности труда становится возможным лишь при соответствующем сокращении рабочего дня. Там, где дело идёт о регулярном, изо дня в день повторяющемся труде, природа властно повелевает: до сих пор, и не дальше!

На первых порах развития фабричной промышленности в Англии удлинение рабочего дня и рост интенсивности фабричного труда шли параллельно. Но затем растущее недовольство рабочего класса привело к законода-

тельному ограничению рабочего дня и отрезало, таким образом, для капитала всякую возможность повышать производство прибавочной стоимости первым путём, путём удлинения рабочего дня. Тогда капитал со всей энергией стал добиваться желанного результата путём ускоренного развития машинной системы и большей экономии в процессе производства.

До того времени метод производства относительной прибавочной стоимости в общем состоял в том, чтобы путём повышения производительной силы труда сделать рабочего способным с одинаковой затратой труда в одинаковый промежуток времени производить увеличенное количество продуктов. Теперь же этот метод состоит в том, чтобы *путём увеличения затраты труда в один и тот же промежуток времени* получить увеличенное количество труда. Сокращение рабочего дня сводится для рабочего к повышению напряжения рабочей силы, к необходимости «плотнее заполнять поры рабочего времени, т. е. конденсировать труд...» («Капитал», т. I, стр. 415). Ему приходится в один час 10-часового рабочего дня расходовать больше труда, чем раньше в один час 12-часового дня. В данный промежуток времени теперь выжимается большее количество труда.

Мы уже упомянули об обоих путях, которыми может быть достигнут такой результат: это — *усиленная экономия в процессе труда и ускорение развития машин*. В первом случае капитал посредством методов оплаты труда (особенно системы поштучной платы, к которой мы ещё вернёмся) добивается того, чтобы рабочий в меньший промежуток рабочего времени напрягал свою рабочую силу в большей степени, чем раньше. Он стремится увеличить размеренность, однообразие, порядок и энергию труда.

Даже в тех случаях, когда капитал не мог прибегнуть ко второму средству, именно к выжиманию увеличенного количества труда путём *увеличения скорости* хода машин, требующих приложения физической силы, или путём *увеличения размеров* механизмов, требующих лишь надзора, — даже в этих случаях были достигнуты такие результаты в деле повышения интенсивности труда, которые опровергли все ранее высказанные на этот счёт опасения.

Почти в каждом случае сокращения рабочего времени в Англии фабриканты заявляли, что на их предприятиях надзор за работой поставлен настолько хорошо, а внимание их рабочих так напряжено, что было бы нелепостью ожидать сколько-нибудь значительных результатов от ещё большего их напряжения. И всё же, едва только проводилось сокращение рабочего дня, как тем же самым фабрикантам приходилось сознаться, что их рабочие в более короткое время исполняют не только такое же количество, но иногда даже больше работы, чем прежде в течение более продолжительного времени, даже если орудия труда оставались теми же самыми. Точно так же обстоит дело и с усовершенствованием машин. Сколько раз ни заявлялось, что теперь на продолжительное время достигнута граница вообще достижимого в этой области,— всякий раз эта граница оказывалась вскоре перейдённой.

Интенсификация труда рабочих при сокращении рабочего дня бывает настолько сильна, что хотя английские фабричные инспектора «неустанно и с полным правом восхваляют благоприятные результаты законов 1844 и 1850 гг...» («Капитал», т. I, стр. 422—423), тем не менее они в 60-х годах признавали, что сокращение рабочего дня уже породило *интенсивность труда, разрушительную для здоровья рабочих*.

Кто думает, что законодательное ограничение рабочего дня установит гармонию между трудом и капиталом, находится в большом заблуждении.

«Не подлежит никакому сомнению,— говорит Маркс,— что, когда законом у капитала раз навсегда отнята возможность удлинения рабочего дня, его тенденция вознаграждать себя за это систематическим повышением степени интенсивности труда и превращать всякое усовершенствование машин в средство усиленного высасывания рабочей силы скоро должна снова привести к тому поворотному пункту, на котором становится неизбежным новое сокращение рабочего времени» («Капитал», т. I, стр. 423).

Там, где введён 10-часовой нормальный рабочий день, там обрисованные выше усилия фабрикантов делают в не-продолжительном времени необходимым *восьмичасовой рабочий день*.

По нашему мнению, это говорит не *против*, а *за* ограничение рабочего дня. Как и всякая настоящая социальная реформа, она перерастает свои собственные пределы и ведёт к *дальнейшему развитию общества*, а не к его застою.

4. Машина как «воспитательница» рабочего

До сих пор мы говорили о результатах введения машин, имеющих главным образом экономический характер. Займёмся теперь рассмотрением непосредственно *морального* влияния машинного производства на рабочих.

Если мы сравним современное производственное предприятие, которое ведётся при помощи машин, т. е. фабрику, с мануфактурным или ремесленным предприятием, то нам тотчас бросится в глаза следующее обстоятельство. В мануфактуре и ремесле рабочий заставляет инструмент *служить себе*, на фабрике же он сам *служит* машине. Он является «*живым придатком*» существующего независимо от него *мёртвого механизма*.

Философ, или, как Маркс его называет, «Пиндар автоматической фабрики», д-р Эндрю Юр (Andrew Ure) описывает современную фабрику как «огромный автомат, составленный из многочисленных механических и сознательных органов, действующих согласованно и без перерыва для производства одного и того же предмета, так что все эти органы подчинены одной двигательной силе, которая сама приводит себя в движение» (цит. по «Капиталу», т. I, стр. 424). В другом месте он говорит о подданных «*благодетельной силы пара*». За спиною этой «*благодетельной силы*» стоит, конечно, её господин, капиталист, который благодетельствует лишь самого себя.

На каждой фабрике помимо массы рабочих, занятых при рабочих машинах, а также подсобных рабочих мы находим также немногочисленный персонал, на котором лежит обязанность надзора над машинами и *содержание их в исправности*. Этот слой работников, получивших частью научное (инженеры), частью ремесленное (механики, столяры и т. д.) образование, стоит вне круга фабричных рабочих и потому не подлежит здесь нашему рассмотрению. Не будем мы также говорить и о подсобных рабочих, чья

работа ввиду её простоты легко может быть заменена машинами (это и происходит повсюду, где фабричные законы отнимают у фабрики самых дешёвых из этих подсобных рабочих — детей) или же делает возможной быструю смену лиц, занятых этой работой. Здесь будет идти речь о фабричных рабочих в собственном смысле слова, т. е. о рабочих, занятых *при рабочих машинах*.

Вместе с прежними инструментами (иглой, веретеном, долотом) и особенная искусность в управлении ими перешла от рабочего к машине. Теперь от рабочего требуется искусность лишь в *одном* отношении — в умении *приспосабливать* свои собственные движения к однообразным и непрерывным движениям машины. Такое умение быстрее всего приобретаетсЯ в юношеском возрасте. Рабочий должен рано поступать на фабрику, а фабрикант уже не ограничен более тем слоем рабочих, который занят обслуживанием машин: в подрастающем рабочем поколении он всегда находит заместителей уходящим, быстро включающимся в работу.

Прудон в своей «Философии нищеты» определяет машину как «...*протест* промышленного гения против *раздробленного и человекоубийственного труда*» и как «*восстановление работника...*» (цит. по К. Маркс, «Нищета философии», К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 152). В действительности, хотя машинное производство и выбрасывает за борт старую систему разделения труда вместе с её техническими предпосылками, тем не менее эта система находит своё продолжение и на фабрике, и притом в ещё более унижительной форме. Конечно, рабочий уже не управляет в течение всей своей жизни одним и тем же частичным орудием. Зато в интересах повышенной эксплуатации машиной злоупотребляют для того, чтобы превратить рабочего с самой кодыбели в *частицу частичной машины*, и таким образом завершается его рабская зависимость от фабрики в целом, т. е., иными словами, от капиталиста.

Его труд лишается всякого духовного содержания. Он принимает чисто механический характер и, разрушая первые рабочего, высасывает из него все силы. Специальное умение рабочего, как жалкая и мелкая деталь, исчезает перед наукой, перед огромными силами природы и перед массовым общественным трудом, воплощённым в

машинной системе. Рабочему приходится безвольно покориться как автоматическому ходу машин, так и вообще предписываемой владельцем фабрики дисциплине.

Какова бы ни была форма общественной организации, совместный труд в крупном масштабе и совместное применение орудий труда, особенно машин, всегда будет требовать управления процессом труда, которое сделало бы его независимым от произвола каждого отдельного лица, участвующего в нём. Если мы не желаем отказаться от выгод машинного производства, то введение такой дисциплины, которой все обязаны подчиняться, является неизбежным. Но дисциплина дисциплине рознь.

В свободном обществе, где она обязательна для всех, она никого не угнетает. Вводимая же принудительно в интересах отдельных лиц, она означает *рабство*. Она переносится, как тяжкое ярмо, с крайней неохотой, только потому, что всякое сопротивление оказывается бесплодным. Поэтому потребовалась жестокая борьба, прежде чем удалось сломить сопротивление рабочих против принудительного труда, на который обрекла их машина. В упомянутой уже нами книге Юр рассказывает, что Уатт задолго до Аркрайта изобрёл искусственные «пряильные пальцы», но что *главная трудность* состояла не столько в изобретении автоматического механизма, сколько в изобретении и проведении в жизнь соответствовавшего потребностям автоматической системы *дисциплинарного кодекса*! Лавровый венок за это на голову «благородного» цирюльника Аркрайта, выполнившего такой «геркулесовский» подвиг!

Дисциплинарный кодекс или, попросту говоря, *фабричный распорядок* современного капиталиста ничуть не заражён столь дорогой для буржуа конституционной системой «разделения властей» или ещё более дорогой для него представительной системой. Наоборот, он является выражением *абсолютного самодержавия предпринимателя* над его рабочими.

«Кнут надсмотрщика за рабами,— говорит Маркс,— заменяется штрафной книгой надзирателя. Все наказания, естественно, сводятся к денежным штрафам и вычетам из заработной платы, и благодаря законодательному остроумию фабричных Ликургов нарушение их законов, пожа-

луй, ещё прибыльнее для них, чем соблюдение их» («Капитал», т. I, стр. 430).

Так ломается сопротивление и упорство рабочего. При этом он физически калечится непрерывной и односторонней мускульной работой, изнемогает от дурного воздуха и оглушающего шума во время работы. Вот в чём состоит благородное *воспитательное влияние* машины!

Мы упомянули только что о сопротивлении рабочих введению машин. При этом, однако, сознание того, что машина наносит смертельный удар свободе рабочего, было скорее инстинктивным. В первую голову борьба против машины велась как против способа вытеснения человеческого труда. Именно по этой причине машина для ткачества, изобретённая впервые, как говорят, в середине XVI века в Данциге, была тотчас запрещена тамошним муниципалитетом. Впоследствии она же подверглась запрещению в Баварии и в Кёльне, а в 1685 г. особым императорским эдиктом была запрещена во всей Германии. Бунты английских рабочих против введения машин продолжались вплоть до XIX столетия. Имели они место и в других странах. Они происходили ещё во Франции в 30-х годах прошлого века, а в Германии — в 1848 г.

Нетрудно, конечно, фарисейски возмущаться по поводу такого варварского способа борьбы против величайшего завоевания нового времени. Факт таков, что машина прежде всего выступает всюду в качестве врага рабочего, предназначенного для его *вытеснения*. В мануфактурный период разделение труда и кооперации внутри мастерской проявляли себя главным образом с положительной стороны, — *повышая производительность* занятых рабочих. Машина же сразу выступает в качестве *конкурента* рабочего. Для вытесняемых ею рабочих не может служить большим утешением, что страдания их «преходящи» или что машины лишь постепенно овладевают всем полем производства, а это уменьшает размеры и интенсивность их разрушительного действия. «Одно утешение, — возражает Маркс, — побивается другим» («Капитал», т. I, стр. 436).

В последнем случае машина в конкурирующих с нею слоях рабочего населения создаёт хроническую нищету. Там же, где переход совершается быстро, её действие носит массовый и острый характер.

«Всемирная история не даёт более ужасающего зрелища, чем медленная, затянувшаяся на десятилетия и завершившаяся, наконец, в 1838 г. гибель английских хлопчатобумажных ткачей. Многие из них умерли голодной смертью, многие долго влачили существование со своими семьями на 2½ п. в день. Напротив, английские хлопчатобумажные машины произвели острое действие на Ост-Индию, генерал-губернатор которой констатировал в 1834—1835 гг.: «Бедствию этому едва ли найдётся аналогия в истории торговли. Равнины Индии белеют костями хлопкоткачей». Конечно, поскольку эти ткачи расстались с сей временной жизнью, постольку машина уготовала им только «временные страдания» («Капитал», т. I, стр. 436—437).

Орудие труда убивает рабочего. Это проявляется особенно осязательно всякий раз, когда вновь введённая машина вступает в конкуренцию с традиционным ремесленным или мануфактурным производством. Но и в рамках самой крупной промышленности постоянное улучшение машин оказывает аналогичное действие. Маркс для доказательства этого положения приводит множество свидетельств из отчётов английских фабричных инспекторов. Мы не будем на них останавливаться подробнее, так как самый факт не может быть оспариваем.

Обратимся лучше снова от машины, как конкурентки рабочего, к машине, как его «воспитательнице».

Множество «нороков», к которым рабочий класс, по мнению его капиталистических друзей, проявляет явную склонность, — отметим здесь лишь стронтивость, леность и пьянство, — не имеют более действительного врага, чем машина. Она является самым могущественным средством борьбы капитала против рабочих в тех случаях, когда они сопротивляются его самодержавию или недовольны получаемой заработной платой, рабочим временем и пр., или когда они дерзают восставать путём стачки и т. п.

«Можно было бы, — говорит Маркс, — написать целую историю таких изобретений с 1830 г., которые были вызваны к жизни исключительно как боевые средства капитала против возмущений рабочих» («Капитал», т. I, стр. 441).

Но так как всякое дальнейшее приложение научных открытий к промышленности, т. е. развитие машины, является желанным шагом вперёд, то кажется, будто рабочие нарочно наделены упомянутыми пороками специально для того, чтобы помимо своей воли содействовать этому прогрессу. Таким образом, мы видим, что в капиталистическом мире всё — даже пороки рабочих — в конечном счёте ведёт к лучшему.

5. Машина и рынок труда

Машина вытесняет рабочего — таков факт, не подлежащий сомнению. Но факт этот очень неприятен для тех, кто считает капиталистический строй наилучшим в мире. Поэтому было немало попыток затушевать этот неприятный факт.

Так, например, ряд экономистов утверждал, что всякая машина, вытесняя рабочих, всегда освобождает в то же время соответствующий капитал, достаточный для того, чтобы снова дать занятие этим же рабочим. Капиталом этим, по их мнению, являются те средства к жизни, которые потребили бы рабочие, если бы не потеряли работы! Эти средства освобождаются вследствие вытеснения рабочих и потому якобы требуют предоставления нового занятия этим последним, чтобы быть ими потреблёнными.

Однако те средства к жизни, которые рабочий покупает для своего потребления, в действительности являются для него не капиталом, а простым товаром. Капиталом являются для него лишь деньги, за которые он продаёт свою рабочую силу. Эти деньги вовсе не освобождаются при введении машины. Напротив, они служат для закупки машины и, таким образом, *связываются*.

Введение машины не освобождает весь переменный капитал, служивший для найма вытесняемых ею рабочих, а превращает его, по крайней мере отчасти, в постоянный капитал. Поэтому введение новой машины при прежней величине прилагаемого капитала означает увеличение постоянного и сокращение переменного капитала.

Поясним это примером.

Предположим, что капиталист применяет капитал в 200 000 марок, из которых 100 000 служат ему в качестве переменного капитала. Он нанимает 500 рабочих. Положим, он вводит машину, которая позволяет ему получить тот же продукт с помощью 200 рабочих вместо 500. Машина стоит 50 000 марок.

Прежде капиталист употреблял 100 000 марок постоянного и столько же переменного капитала. Теперь же он употребляет 150 000 марок постоянного и только 40 000 переменного капитала. При этом освобождается только 10 000 марок, на которые, однако, можно будет занять не 300 рабочих, а лишь не больше 10 — если эта сумма будет употребляться на тех же условиях, что и остальная часть капитала. В самом деле, из этих 10 000 марок около 8000 должны быть истрачены на приобретение машин и пр., и только 2000 марок остаются на долю переменного капитала.

Как видим, вовсе не происходит освобождения соответствующего капитала.

Маркс доказал совершенную необоснованность теории, по которой машина, освобождая рабочих, освобождает в то же время соответствующий капитал. Единственное средство ослабить этот неприятный вывод состоит лишь в том, чтобы самому Марксу приписать какое-нибудь столь же необоснованное утверждение.

Так, в одной статье, автор которой «научно» разделяет Маркса, мы натолкнулись на следующее место:

«У него (Маркса) машина просто вытесняет труд, между тем как она ведь может стать причиной новышения общего количества труда и, в самом деле, часто оказывается такой причиной. И при этом совсем нет необходимости в том, чтобы увеличение размеров производства освобождало, а следовательно, делало излишним труд где-нибудь на другом конце света, — как это впоследствии часто категорически утверждалось в различных социалистических изданиях. Производство увеличенных размеров легко может иметь место уже благодаря общему росту производительных сил и связанному с этим повышению производительной способности» (статья профессора Лера в «Vierteljahresschrift für Volkswirtschaft», 23 Jahrgang, стр. 114).

А профессор Юлиус Вольф в сочинении, переполненном извращениями учения Маркса, приписывает Марксу утверждение, «что если общая сумма капитала в стране растёт, то в самом лучшем случае может найти себе занятие рабочее население, по количеству равное прежнему, и именно потому, что машины вытесняют всё больше и больше людей» («Socialismus und kapitalistische Gesellschaftsordnung». Stuttgart 1892, стр. 258).

В действительности же Марксу никогда и в голову не приходило утверждать то, что ему здесь приписывается. Маркс никогда не думал, что «машина просто вытесняет труд». Напротив, он систематически и обстоятельно, как, насколько нам известно, никто до него, изложил условия, при которых машина «может стать причиной повышения общего количества труда и, в самом деле, часто оказывается такой причиной», и это нисколько не противоречит тому положению, что машина вытесняет рабочих.

Маркс утверждает, что машина сокращает число занятых рабочих *по отношению ко всему применяемому капиталу*, что с развитием машин переменный капитал *относительно* сокращается, а постоянный — растёт. Переменный капитал и число занятых в этой отрасли промышленности рабочих может, несмотря на введение, умножение и усовершенствование машин, одновременно с этим расти, если в достаточной степени увеличивается общая сумма применяемого в производстве капитала¹. Если в таких случаях число занятых рабочих не уменьшается, то это следует приписать не освобождению капитала машиной, а притоку *нового добавочного капитала*. Тенденция машины лишать рабочего работы благодаря этому смягчается и временно преодолевается, но никоим образом не уничтожается. Она снова обнаруживает своё действие, и вместо с тем относительное уменьшение числа рабочих превращается в абсолютное, как только приток нового добавочного капитала замедляется и падает ниже известного уровня.

Вернёмся для наглядности к нашему прежнему примеру. Мы имели дело с капиталом в 200 000 марок, из ко-

¹ Рост производства, конечно, предполагает также и соответствующее расширение *рынка сбыта*. Этот чрезвычайно важный фактор мы, однако, не можем рассматривать здесь подробнее.

торых 100 000 марок представляли переменный капитал, дававший занятие 500 рабочим. Введение новой машины повысило размеры постоянного капитала до 158 000 марок и уменьшило переменный капитал до 42 000, а число занятых рабочих — до 210 человек. Предположим, что одновременно с этим в предприятие вкладывается 400 000 марок нового капитала, предприятие соответствующим образом расширяется; в этом случае число занятых рабочих возрастает до 630 человек, т. е. на 130 человек больше их первоначального количества. Но если бы машина не была введена, то утроенный капитал, разумеется, утроил бы и число рабочих, увеличив его с 500 до 1500 человек.

Однако если машина всегда вызывает относительное, а иногда и абсолютное уменьшение числа рабочих в той отрасли труда, где она введена, то она может вызвать одновременно увеличение числа рабочих в других отраслях, связанных с первой.

Машина вызывает необходимость в новой категории рабочих — *машиностроительных рабочих*.

Введение машины в какой-нибудь отрасли промышленности вызывает увеличение общей массы производимых в ней продуктов.

Последнее обстоятельство в свою очередь требует *увеличения количества сырого материала*, а следовательно, при прочих равных условиях, и числа занятых его производством рабочих. Допустим, вводится машина, изготовляющая 1000 аршин пряжи, быть может, при меньшем количестве рабочих, но так же быстро, как раньше изготовлялось 100 аршин. В таком случае число прядильных рабочих, быть может, уменьшится, но зато одновременно возрастает число рабочих, занятых на хлопковых плантациях. Распространение прядильных машин в Англии было главной причиной увеличения числа негров-рабов в Соединённых Штатах.

Если пряжа подешевеет, то ткач (мы предполагаем, что он остаётся ещё ремесленником) может, не повышая расходов на сырой материал, расширить своё производство. Его доходы возрастут, и его ремесло станет привлекать всё больше и больше новых лиц.

«Если машина овладевает предварительными или промежуточными ступенями, через которые должен пройти

предмет труда, пока он не примет своей окончательной формы, то вместе с материалом труда увеличивается и спрос на труд в тех отраслях труда, которые ведутся ещё ремесленным или мануфактурным способом и в которые поступает машинный фабрикат» («Капитал», т. I, стр. 449).

С развитием машины растёт прибавочная стоимость и та масса продуктов, в которой она выражается. А вместе с этим возрастает роскошь у класса капиталистов и его присных. Растёт спрос на *рабочих, занятых производством предметов роскоши*, а также на *слуг, лакеев* и пр. В 1861 г. в Англии в текстильной промышленности было занято 642 607 лиц, тогда как число прислуги достигало 1 208 648 лиц.

Помимо этих факторов, обуславливающих *увеличение* спроса на труд в результате введения машин, Маркс называет ещё один, а именно — возникновение новых областей приложения труда, как, например, газовые заводы, железные дороги и т. д.

Достаточно сравнить с этими выводами из исследования Маркса то, что вкладывают ему в уста господ профессора, не говоря уже о плодах их собственной учёности, чтобы получить представление о том, чего стоят их труды!

Разумеется, когда Маркс исследовал, каким образом введение машин может привести к увеличению спроса на труд, то сделал это не с той целью, чтобы заглушать страдания, которые несёт с собой рабочему населению фабричная система. Фабрика разрушает семью рабочего, нохищает у него юность, увеличивает его труд, лишая последний всякого содержания, калечит его физически и духовно и делает его безвольным орудием в руках капиталиста, — а буржуазные экономисты полагают, что самым блестящим образом прославят капиталистическое применение машин, если докажут, что с ростом числа машин растёт и число наёмных рабочих на фабриках. Как будто такой рост не есть рост нищеты! А наряду с бедствиями труда растут и бедствия безработицы.

Переменный капитал *может* абсолютно возрастать с распространением машин, но рост этот необязателен. В разных отраслях крупной промышленности уже не раз

констатировалось наряду с увеличением постоянного капитала абсолютное уменьшение переменного капитала, уменьшение числа занятых рабочих. Некоторые относящиеся сюда факты мы приведём в третьем отделе, в главе о перенаселении.

Мы здесь совершенно не упоминаем о безработице и голоде, порождаемых как внутри данной страны, так и за границей конкуренцией крупной промышленности с соответствующими отраслями ремесла и домашней промышленности. Вспомним, что говорилось в предыдущей главе о положении английских и ост-индских ручных ткачей в начале XIX века, которые сотнями тысяч умирали с голоду, тогда как число английских фабричных ткачей возросло за то же время лишь на несколько тысяч. Вульгарные экономисты, пытающиеся убедить рабочих, что машина создаёт новые занятия для освобождённых рабочих, видели только эти тысячи новых рабочих, благоразумно умалчивая о сотнях выброшенных на улицу.

Даже в том случае, если одновременно с освобождением рабочих в одной отрасли происходит увеличение спроса на труд в другой, это представляет плохое утешение для лишившихся работы. Разве может рабочий, всю жизнь работавший в известной отрасли промышленности, завтра же герескочить в другую отрасль?

Наряду с колебаниями на рынке труда, которые вызываются непрерывным изменением в соотношении между постоянным и переменным капиталом к невыгоде последнего, этот рынок с развитием крупной промышленности начинает испытывать на себе другое специфическое влияние, переплетающееся с первым.

Как только созданы общие условия производства, соответствующие крупной промышленности, т. е. как только машиностроение, добыча угля и железа, транспорт и т. п. достигают известной высоты развития, этот способ производства оказывается способным к невероятно быстрому расширению. Это расширение находит себе границы лишь в сырье и рынках сбыта. Отсюда — постоянное лихорадочное стремление к открытию новых рынков, доставляющих новое сырьё и новых покупателей для фабричных продуктов. За каждым значительным расширением сбыта следует период лихорадочного расширения производства, пока

рынок не переполнится, после чего наступает период застоя.

«Жизнь промышленности превращается в последовательный ряд периодов среднего оживления, процветания, перепроизводства, кризиса и застоя» («Капитал», т. I, стр. 458).

Для рабочего такой круговорот означает постоянное колебание между чрезмерным трудом и безработицей, полную необеспеченность как относительно получения работы, так и относительно высоты заработка, вообще полную необеспеченность жизни.

Это движение переплетается с порождаемым успехами техники относительным, а зачастую и абсолютным уменьшением переменного капитала. Иногда их действия противоположны, например во время процветания, когда технический прогресс заботится о том, чтобы рабочий не слишком «избаловался». Иногда же они действуют совместно в одном и том же направлении. Это происходит во время кризиса, когда наряду с безработицей царит самая необузданная конкуренция и бешеное стремление к понижению цен. Это понижение цен достигается частью благодаря введению новых, сберегающих труд машин, частью же благодаря удлинению рабочего дня и понижению заработной платы, — но всегда за счёт рабочего.

6. Машина как революционизирующий фактор

Когда какому-нибудь из апостолов социальной гармонии показывают картину капиталистической фабричной системы и спрашивают его, продолжает ли он ещё верить, что мы живём в лучшем из миров, он обыкновенно пытается уклониться от прямого ответа, заявляя: «Да, мы живём ещё в переходном состоянии. Капиталистическая крупная промышленность ещё не смогла в полной мере обнаружить свои благотворительные свойства. Она ещё связана в своём развитии обломками средневековья. Но сравним положение фабричных рабочих с положением рабочих в домашней и ремесленной промышленности. Тогда мы найдём, что положение первых значительно лучше положения последних. Следовательно, крупная промышленность существенно

улучшила положение рабочих, а не *ухудшила*. Так сказал бы апостол гармонии.

Бесспорно, в тех отраслях промышленности, в которые вторгалось крупное производство, рабочие, занятые в уцелевших остатках домашней промышленности, ремесла и мануфактуры, живут в ещё более жалких условиях, чем занятые на фабриках. Но говорит ли это в пользу капиталистической крупной промышленности? Конечно, нет. Этот факт объясняется просто тем, что в тех отраслях промышленности, куда проникает фабричная система, она ухудшает не только положение тех рабочих, которые вовлекаются на фабрики, но и тех, которые продолжают ещё работать вне фабрик, притом ухудшает положение последних ещё в *большей* степени, чем первых. «Прогресс», порождаемый капиталистической крупной промышленностью, состоит в том, что те же страдания и лишения, на которые она обрекает фабричных рабочих, она в удвоенной и в утроенной степени возлагает на рабочих домашней промышленности, ремесла и мануфактуры.

«Эксплуатация дешёвых и незрелых рабочих сил приобретает в современной мануфактуре ещё более бесстыдный характер, чем в собственно фабрике, потому что техническая основа последней, замещение мускульной силы машинами и лёгкость труда, в мануфактуре по большей части отсутствует; притом в мануфактуре женский организм или ещё неокрепший организм малолетних самым бессовестным образом предаётся действию ядовитых веществ и т. д. При так называемой работе на дому эксплуатация приобретает ещё более бесстыдный характер, чем в мануфактуре потому, что способность рабочих к сопротивлению уменьшается их раздробленностью, что между собственно работодателем и рабочим вторгается целый ряд хищных паразитов, что работа на дому повсюду борется с машинным или, по меньшей мере, мануфактурным производством той же самой отрасли, что бедность похищает у рабочего необходимейшие условия труда — просторное помещение, свет, вентиляцию и т. д., — что нерегулярность занятий растёт и, наконец, что в этих последних убежищах для всех, кого крупная промышленность и земледелие сделали «излишними», конкуренция между рабочими необходимо достигает своего максимума. Впервые система-

тически выработанное машинным производством экономизирование средств производства, сопровождаемое самым беспощадным расточением рабочей силы и хищничеством по отношению к нормальным условиям функционирования труда, теперь тем сильнее обнаруживает эту свою антагонистическую и человекоубийственную сторону, чем меньше в данной отрасли промышленности развита общественная производительная сила труда и техническая основа комбинированных процессов труда» («Капитал», т. I, стр. 467—468).

Всё, что в силах вынести человек, не погибая тут же на месте, приходится претерпевать рабочим домашней промышленности. Вынужденные соперничать в дешевизне с машиной, эти рабочие всё более и более понижают свои потребности в пище, одежде, свете, воздухе и отдыхе, достигая, наконец, такого уровня, ниже которого не могла бы спуститься самая пылкая фантазия. Маркс рассказывает о так называемых кружевных школах, где работали дети начиная с двухлетнего возраста. В английских мастерских для плетения соломы работали дети начиная с трёх лет, притом часто до полуночи, в тесных помещениях, где приходилось иногда лишь 12—17 кубических футов на человека.

«Меньшие из этих чисел,— говорит член комиссии Уайт,— представляют помещение меньше половины того пространства, которое занял бы ребёнок, упакованный в ящик, имеющий по 3 фута по всем трём измерениям» (цит. по «Капиталу», т. I, стр. 474—475).

Но как бы ни был вынослив человек, всё же есть границы, ниже которых он не может опускаться. Раз эти границы достигнуты, для домашней промышленности бьёт час быстрой гибели вследствие введения машин. Рабочим домашней промышленности остаётся найти себе другое занятие либо погибать с голоду ещё быстрее, чем раньше. То же самое происходит в ремесле и мануфактуре, отживших свой век.

Переход от мануфактуры к крупной промышленности ускоряется введением фабричных законов. Как только домашняя промышленность подчиняется законодательным ограничениям, она тотчас теряет под собою почву. Только неограниченная и непомерная эксплуатация женской и

детской рабочей силы могла ещё продлить её существование.

Если машина действует столь революционизирующим образом во всех отраслях промышленности, которыми она завладевает, то она действует, пожалуй, ещё революционнее, проникая в область *земледелия*. Здесь она делает обывковенно рабочего не только относительно, но и абсолютно излишним. Исключения составляют те случаи, когда её введение совпадает с быстрым ростом площади обрабатываемой земли, как это происходило, например, в Соединённых Штатах.

Там, где машина проникает в земледелие, крестьянину грозит та же участь, как и пережиткам домашних промыслов в промышленности. Вместе с ним рушатся самые прочные устои старого общества. Крестьяне и наёмные рабочие, оказавшиеся «излишними» в деревне, устремляются в города. Крупные города непомерно разрастаются, а в деревне наблюдается обезлюдение. Скопление огромных масс населения в городах порождает физическую хилость промышленных рабочих. Разбросанность же деревенского населения ведёт к понижению умственных интересов сельских рабочих, разрушает их духовную жизнь, ломает их силу сопротивления капиталу. С ростом крупных городов растёт хищническое расточение плодородия почвы, так как элементы почвы, взятые от неё в виде средств существования, не возвращаются к ней обратно. Они заражают города в виде экскрементов и отходов, вместо того чтобы служить для удобрения земли.

Вместе с применением современной технологии к сельскому хозяйству умножаются, однако, и средства, позволяющие получать от почвы всё более и более обильные урожаи. Всё больше берётся от почвы, и всё меньше ей возвращается. Таким образом, капиталистическое употребление машин развивает наряду с хищнической эксплуатацией человеческой рабочей силы такую же эксплуатацию почвы. Оно опустошает землю и губит рабочего физически и духовно.

Но в то же время оно развивает зародыши новой, высшей культуры и создаёт те движущие силы, которые призваны пробить ей дорогу. Маркс видел в нищете не только нищету, но и зародыши лучшего будущего, которые она

тант в своих недрах. Он не осуждает фабричную систему, не обвиняет её, а хочет её понять. Он не морализирует, а исследует. И он сам обращает при этом наше внимание на своего предшественника, впервые распознавшего революционную сторону современной фабричной системы, — на Роберта Оуэна.

Крупная промышленность породила такую страшную нищету, как ни один из прежних способов производства до неё. Но теперешняя нищета масс не порождает застоя всего общества. Мы не видим теперь стоячего болота нищеты, в которое медленно и незаметно погружается всё общество, как это было в римском обществе времён цезарей.

Современный способ производства скорее похож на водоворот, который увлекает и перемешивает один с другим все слои общества, поддерживая их в непрерывном движении. Отсталые производственные отношения разрушаются, а вместе с ними падают и унаследованные предрассудки. Но и новые производственные отношения, выступающие на место старых, сами отнюдь не отличаются устойчивостью. Напротив, они претерпевают постоянные видоизменения. Одно изобретение, один метод труда вытесняется другим. Целые массы капитала и труда непрерывно перебрасываются из одной отрасли производства в другую, из одной страны в другую.

Исчезает всякая прочность отношений, а с нею исчезает и всякая вера в их прочность. Консервативные элементы уничтожаются. Крестьянин вытесняется в крупные города, где концентрируется в настоящее время движущая сила истории и где он не только не ослабляет, но ещё усиливает энергию движения. Женщины и дети привлекаются на фабрику. Разрушается консервативный элемент буржуазной формы семьи. Бережливая, охраняющая своё достояние домохозяйка превращается в наёмную работницу промышленности, борющуюся за своё существование.

А в этом полном крушении старого порядка, происходящем перед нашими глазами, уже обнаруживаются зародыши нового.

Чрезмерно продолжительный, однообразный труд довёл рабочее юношество до такой степени одичания, что во

всех промышленных государствах в той или иной форме элементарное обучение было признано обязательным условием работы на фабрике. С тех пор стали признавать, что дети рабочих учатся не только не хуже, но даже лучше и охотнее, чем школьники из состоятельных классов.

«Дело объясняется просто,— говорит об этом один фабричный инспектор.— Те, кто проводит в школе только половину дня, постоянно свежи и почти всегда способны и готовы учиться. Система труда, чередующаяся с школой, превращает каждое из этих двух занятий в отдохновение и освежение после другого, и, следовательно, она много пригоднее для ребёнка, чем непрерывность одного из этих двух занятий». Маркс добавляет к этому: «Из фабричной системы, как можно проследить в деталях у Роберта Оуэна, вырос зародыш воспитания эпохи будущего, когда для всех детей свыше известного возраста производительный труд будет соединяться с обучением и гимнастикой не только как одно из средств для увеличения общественного производства, но и как единственное средство для производства всесторонне развитых людей» («Капитал», т. I, стр. 488, 489).

К этому перевороту в области педагогики должны будут присоединиться ещё другие перевороты. Широко проведённое разделение труда в обществе на отдельные занятия и специальности, свойственное ещё эпохе ремесла, и разделение труда внутри отдельных предприятий, присоединившееся к этому в мануфактурный период, имели в высшей степени неблагоприятные последствия для трудящихся. Условия производства развивались медленно, временами совершенно закосневая. Человек был, таким образом, в течение всей жизни прикреплён к определённой частичной операции, в которой он достигал необычайной виртуозности. В то же время его калечила однообразие, и он оказывался лишённым того гармонического развития, которое ещё классической древности придавало её идеальную красоту.

Машина в тех отраслях промышленности, которыми она завладевает, устраняет для рабочего необходимость долголетнего упорного обучения, которое нужно, чтобы овладеть определённой специальностью. Но она же делает невозможным, чтобы человек в течение всей своей жизни

остался прикреплённым к определённой частичной операции, так как она постоянно революционизирует условия производства, отрывает рабочего от одной отрасли труда и бросает в другую.

Но какие страдания приносит с собой теперь это постоянное движение, при котором сотни тысяч пролетариев всегда образуют резервную армию безработных, с жадностью хватающуюся за всякое дело, какое бы им ни предложили! И как незначительна теперь способность приспособления к различным видам деятельности у пёзмого рабочего! Его тело и дух одинаково искалечены ещё в юности. Ему недостаёт знакомства с различными механическими и техническими процессами, применяемыми в современном крупном производстве. Ему, наконец, недостаёт эластичности, чтобы приспособиться к этим разнообразным процессам. Если рабочий крупной промышленности прикреплён не на всю свою жизнь к определённой частичной операции, то он всё же отдаётся ей изо дня в день целые месяцы и годы, с теми лишь перерывами, которые вызываются безработицей и голодовками.

Как резко изменилось бы положение дела, если бы разнородные частичные функции чередовались по дням или даже по часам так, чтобы они не утомляли и не отупляли, а возбуждали и оживляли, если бы деморализующая безработица исчезла, а технические революции не происходили за счёт рабочего.

В числе многих предпосылок такой перемены есть одна — педагогического характера. Рабочий класс должен приобрести научное знакомство с процессом и методами производства, должен приобрести практическое умение управлять самыми различными орудиями производства. И теперь уже попытки к этому делаются в профессиональных школах и тому подобных учреждениях, но в совершенно недостаточной степени. «Если фабричное законодательство, как первая скудная уступка, вырванная у капитала, соединяет с фабричным трудом только элементарное обучение, то не подлежит никакому сомнению, что неизбежное завоевание политической власти рабочим классом завоюет надлежащее место в школах рабочих и для технологического обучения, как теоретического, так и практического» («Капитал», т. I, стр. 493).

Наконец, какой переворот в области семейных отношений таится в крупной промышленности! Она уже и теперь уничтожает для наёмного рабочего традиционную форму семьи. Не только отношения между мужчиной и женщиной, но и между родителями и детьми изменились благодаря вовлечению женского и детского труда в промышленность. Родители из защитников и кормильцев превратились во многих случаях в *эксплуататоров* детей. Напомним ещё раз о несчастных детях, занятых в английских заведениях для плетения соломы и работающих начиная с трёхлетнего возраста при самых ужасных условиях.

«Бедные, опустившиеся родители, — говорит Маркс, — только и думают о том, как бы выколотить из детей возможно побольше. Выросши, дети, естественно, не ставят родителей ни в грош и оставляют их» («Капитал», т. I, стр. 475). «Однако не злоупотребление родительской властью создало прямую или косвенную эксплуатацию незрелых рабочих сил капиталом, а, наоборот, капиталистический способ эксплуатации, уничтожив экономический базис, соответствующий родительской власти, превратил её в злоупотребление. Но как ни ужасно и ни отвратительно разложение старой семьи при капиталистической системе, тем не менее крупная промышленность, отводя решающую роль в общественно организованном процессе производства вне сферы домашнего очага женщинам, подросткам и детям обоего пола, создаёт экономическую основу для высшей формы семьи и отношения между полами. Разумеется, одинаково нелепо считать абсолютной христианско-германскую форму семьи, как и форму древнеримскую, или древнегреческую, или восточную, которые, между прочим, в связи одна с другой образуют единый исторический ряд развития. Очевидно, что составление комбинированного рабочего персонала из лиц обоего пола и различного возраста, будучи в своей стихийной, грубой, капиталистической форме, когда рабочий существует для процесса производства, а не процесс производства для рабочего, зачумлённым источником гибели и рабства, при соответствующих условиях должно превратиться, наоборот, в источник гуманного развития» («Капитал», т. I, стр. 494—495).

После того как Маркс развернул перед нами такие перспективы на будущее, мы можем примириться с машинной

системой и с крупной промышленностью. Как ни безмерны страдания, которым она подвергает рабочий класс, эти страдания по крайней мере не напрасны. Мы знаем, что на ниве труда, удобренной миллионами трупов пролетариев, взойдут новые посевы — высшая общественная форма. Машинное производство создаёт почву, которая породит новое поколение, далёкое от односторонней ограниченности ремесла и мануфактуры; не раба природы, каким был человек при первобытном коммунизме; не человека, чья физическая и духовная сила и красота куплены ценой подавления бесправных рабов, как во время классической древности, а поколение, гармонически развитое, жизнерадостное и способное наслаждаться жизнью, господствующее над землёй и силами природы, охватывающее в братском равенстве всех членов общества.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА И ПРИБЫЛЬ НА КАПИТАЛ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА

1. Изменения в величине цены рабочей силы и прибавочной стоимости

Во втором отделе мы занимались главным образом вопросом о *производстве прибавочной стоимости*. Теперь мы обратимся прежде всего к законам *заработной платы*.

Начнём с вопроса, который служит введением к этому и вместе с тем переходом от второго отдела к третьему. Вопрос этот находится до некоторой степени на границе обоих этих отделов. Речь идёт об изменении в величине цены рабочей силы и прибавочной стоимости под влиянием изменений трёх факторов, уже известных нам из второго отдела:

- 1) *величины рабочего дня,*
- 2) *нормальной интенсивности труда и*
- 3) *производительности труда.*

Эти три фактора могут изменяться самым различным образом. Они могут изменяться и каждый в отдельности, и попарно, и все вместе, притом величина и направление этих изменений могут быть различны. Разбор всех вытекающих отсюда комбинаций завёл бы нас слишком далеко. Их можно логически вывести из главных комбинаций, изложением которых мы и ограничимся. Мы займёмся разбором тех перемен в относительной величине прибавочной стоимости и цены рабочей силы, которые происходят тогда, когда один из трёх факторов изменяется, в то время как другие два остаются неизменными.

а) Величина рабочего дня и интенсивность труда остаются неизменными, а производительность труда изменяется.

Производительность труда оказывает, конечно, влияние на количество продуктов, производимых в определённый промежуток времени, но не на величину стоимости этой массы продуктов. Если вследствие какого-нибудь изобретения прядильщик может переработать в час вместо 1 фунта хлопка 6 фунтов, то он произведёт теперь в час в шесть раз больше пряжи, но лишь прежнюю стоимость.

Превращая хлопок в пряжу, он придаёт теперь каждому фунту пряжи в 6 раз меньше стоимости, чем прежде. Такое понижение стоимости влияет в свою очередь на стоимость средств потребления работника, например его одежды. Стоимость рабочей силы понижается, а прибавочная стоимость увеличивается в той же мере. При понижении производительности труда наблюдается, разумеется, обратное явление.

Увеличение или уменьшение прибавочной стоимости всегда является *следствием*, а не *причиной* соответственного увеличения или уменьшения стоимости рабочей силы. Соответствует ли понижению *стоимости* рабочей силы падение её *цены* и в какой именно степени, зависит от разных обстоятельств, главным образом от силы сопротивления рабочего класса.

Предположим, что вследствие повышения производительности труда стоимость рабочей силы понизится с 3 до 2 марок в день, а цена её — только до $2\frac{1}{2}$ марок. Если раньше дневная прибавочная стоимость, производимая одним рабочим, также равнялась 3 маркам, то теперь она возрастает не до 4 марок, а, к большому негодовапию капиталиста, только до $3\frac{1}{2}$ марок.

К счастью для капиталиста, это случается очень редко, так как для этого требуется не только большая сила сопротивления рабочих, но и неизменность остальных двух факторов — длины рабочего дня и интенсивности труда. Влияние изменения этих последних обычно, по примеру Рикардо, оставляется экономистами без внимания.

Рассмотрим же теперь, как действует каждое из этих изменений.

в) Рабочий день и производительность труда остаются неизменными, а интенсивность труда изменяется.

Работать интенсивнее — значит расходовать в то же самое время больше труда и, стало быть, создавать за тот же промежуток времени большую стоимость. Если прядильщик при той же степени производительности труда вследствие большей его напряжённости переработает в час не 1 фунт хлопка, а $1\frac{1}{2}$ фунта, то он в этот час создаст в $1\frac{1}{2}$ раза больше стоимости, чем прежде. Если до сих пор он за 12 часов производил стоимость в 6 марок, то теперь произведённая им стоимость будет равна 9 маркам. Если цена его рабочей силы равнялась 3 маркам, а теперь поднялась до 4 марок, то и прибавочная стоимость возрастает в свою очередь с 3 до 5 марок.

Неверно, следовательно, то часто повторяющееся утверждение, что повышение цены рабочей силы возможно только за счёт прибавочной стоимости. Это имеет силу только для первого из рассматриваемых нами случаев, но не для настоящего случая. Заметим, кстати, что в этом втором случае повышение цены рабочей силы не всегда означает, что цена поднялась выше стоимости. Если повышенная цена не покрывает более быстрого износа рабочей силы, являющегося неизбежным следствием усиления интенсивности труда, то в действительности цена рабочей силы упала ниже её стоимости.

Интенсивность труда различна у различных наций. «Более интенсивный рабочий день одной нации выражается в более крупной сумме денег, чем менее интенсивный день другой нации» («Капитал», т. I, стр. 528).

На английских фабриках в общем рабочий день короче, чем на германских. Но именно поэтому труд на первых гораздо интенсивнее. Таким образом, английский рабочий производит в рабочий час большую стоимость, чем его немецкий товарищ. «Более или менее значительное сокращение рабочего дня на континентальных фабриках, — говорит Маркс, — было бы самым действительным средством уменьшить эту разницу между континентальным и английским рабочим часом» («Капитал», т. I, стр. 528).

с) Производительность и интенсивность труда остаются неизменными; величина рабочего дня изменяется.

Это изменение может происходить в двух направлениях:

1) *Рабочий день сокращается.* На величину стоимости рабочей силы это сокращение не влияет. Оно происходит за счёт прибавочной стоимости. Если капиталист хочет сохранить её неурезанной, он должен понизить цену рабочей силы *ниже* уровня её стоимости.

На этот случай часто ссылаются противники законодательного ограничения рабочего дня. Но их аргументация действительна лишь тогда, когда не изменяются интенсивность и производительность труда. В действительности же сокращение рабочего дня всегда является или причиной, или следствием повышения интенсивности и производительности труда.

2) *Рабочий день удлиняется.* Следствия этого изменения весьма мало печалят капиталиста. Возрастают как общая стоимость произведённой в течение рабочего дня массы продуктов, так и прибавочная стоимость. Цена рабочей силы также может возрасти, но здесь, как и при увеличении интенсивности труда, повышение цены может фактически оказаться падением её ниже уровня её стоимости, если оно не уравнивает усиленного износа рабочей силы.

Случаи *a*, *b* и *c* редко встречаются в чистом виде. Обычно изменение одного из трёх факторов влечёт за собой изменение и остальных факторов. Маркс исследует, между прочим, и такой случай, когда интенсивность и производительность труда возрастают, а рабочий день в то же время сокращается, и указывает границу, до которой может дойти сокращение рабочего дня. При господстве капиталистического способа производства рабочий день не может быть сведён к рабочему времени, необходимому для существования рабочего, так как тем самым была бы уничтожена прибавочная стоимость — основа капитализма.

Уничтожение капиталистического способа производства позволило бы ограничить рабочий день пределами необходимого рабочего времени. Но, при всех прочих равных условиях, пришлось бы несколько *удлинить* необходимое рабочее время, во-первых, потому, что тогда жизненные потребности рабочего возросли бы, а во-вторых, потому, что накопление фонда для продолжения и расширения

производства происходило бы тогда за счёт необходимого труда, между тем как теперь это происходит за счёт прибавочной стоимости.

Но, с другой стороны, с сокращением рабочего дня повысилась бы интенсивность труда. Система общественной организации привела бы к экономии в средствах производства и устранению всякого бесполезного труда.

«Хотя капиталистический способ производства принуждает к экономии в каждом отдельном предприятии, тем не менее его анархическая система конкуренции вызывает безмерное расточение общественных средств производства и рабочих сил, а также множество функций, в настоящее время неустраняемых, хотя по существу дела излишних.

При данной интенсивности и производительной силе труда часть общественного рабочего дня, необходимая для материального производства, тем короче, следовательно время, остающееся для свободной умственной и общественной деятельности индивидуума, тем больше, чем равномернее распределён труд между всеми работоспособными членами общества, чем меньше возможность для одного общественного слоя сбросить с себя и возложить на другой общественный слой естественную необходимость труда. С этой стороны абсолютной границей для сокращения рабочего дня является всеобщность труда. В капиталистическом обществе свободное время одного класса создаётся посредством превращения всей жизни масс в рабочее время» («Капитал», т. I, стр. 532).

2. Превращение цены рабочей силы в заработную плату

До сих пор мы говорили о *стоимости и цене рабочей силы* и об *отношении их к прибавочной стоимости*. Но заработная плата представляется не *ценой рабочей силы*, а *ценой труда*. «Заработная плата, это — сумма денег, которую платит капиталист за определенное рабочее время или за исполнение определенной работы» (К. Маркс, *Наемный труд и капитал*, К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения в двух томах, т. I, стр. 54).

Цена товара есть его стоимость, выраженная в деньгах. Значит, раз труд имеет цену, он должен иметь и стоимость, — так рассуждали экономисты. Как же велика стоимость труда? Она определяется, как и стоимость всякого другого товара, количеством рабочего времени, необходимого для производства. Сколько же нужно рабочего времени, чтобы произвести 12-часовой труд? Очевидно, 12 часов.

Следовательно, если труд оплачивается по своей полной стоимости, то рабочий получает в своей заработной плате такую же стоимость, какую он прибавляет к продукту. Таким образом, этот расчёт приводит нас к альтернативе — признать ложным либо учение о прибавочной стоимости, либо учение о стоимости, либо оба эти учения вместе и признать загадку капиталистического производства неразрешимой.

Классическая буржуазная политическая экономия, венцом которой является учение Рикардо, разбилась об это противоречие. Вульгарная же политическая экономия, которая ставит себе задачей не *исследование* современного способа производства, а его *оправдание* и изображение в розовом свете, воспользовалась им для своих пошлейших измышлений.

Маркс покончил со всем этим, установив ясное различие между *трудом* и *рабочей силой*, т. е. между теми понятиями, которые экономисты постоянно смешивали.

В 1847 г. Маркс ещё не сделал этого фундаментального открытия. В своей «Нищете философии» и в статьях о «Наемном труде и капитале» он говорит ещё о стоимости труда, которая, однако, сама собой переходит у него в стоимость рабочей силы. Но наши экономисты так плохо поняли значение различия между этими понятиями, что и теперь ещё смешивают их. Они обычно толкуют о теории стоимости Маркса — Родбертуса. Между тем Родбертус целиком принял теорию стоимости Рикардо с её смешением труда и рабочей силы и вытекающими отсюда противоречиями, а Маркс очистил эту теорию от противоречий в данном и многих других решающих пунктах (напомним лишь об ограничении труда, образующего стоимость, общественно необходимым трудом и о различении всеобщего труда, создающего стоимость, и особого, создающего потре-

бительную стоимость и т. д.) и из учения Рикардо впервые создал действительную, исчерпывающую и твёрдо обоснованную теорию стоимости. Маркс первый доказал, что *труд* не есть товар и не имеет поэтому стоимости, хотя является источником и мерой всех стоимостей товаров. На рынке фигурирует не труд, а рабочий, продающий свою рабочую силу. Труд возникает вследствие потребления товара рабочая сила точно так же, как вследствие потребления товара шампанское у человека появляется весёлое настроение. Капиталист покупает шампанское, а не вызываемое им опьянение; точно так же он покупает рабочую силу, а не труд.

Но рабочая сила — товар особого рода: за него уплачивают лишь после его потребления. Рабочий получает плату только после того, как исполнит работу.

Покупается *рабочая сила*, а кажется при этом, будто оплачивается *труд*. Зарботная плата не проявляется как цена рабочей силы. Прежде чем появиться на свет из кармана капиталиста, эта цена претерпевает превращение, представляется нашему взору в виде цены труда.

Каким образом совершается это превращение и каковы его последствия — это, конечно, не могло быть научно исследовано предшественниками Маркса, так как они не понимали различия между ценой рабочей силы и ценой труда. Маркс, стало быть, впервые дал строго научную теорию заработной платы.

Двумя основными формами заработной платы являются *повременная и почасовая плата*.

3. Повременная плата

Мы знаем, что при определённых условиях дневная стоимость рабочей силы есть определённая величина. Допустим, что она равна 2 маркам 40 пфеннигам, а *обычный* рабочий день — 12 часам. Мы предполагаем в этом случае, как и во всей книге, если не оговорено иное, что стоимость и цена как рабочей силы, так и других товаров совпадают. Цена 12-часового труда равна поэтому 2 маркам 40 пфеннигам, а цена часового труда — 20 пфеннигам. Найденная

таким образом цена рабочего часа служит единицей для измерения цены труда.

Цена труда равняется, следовательно, дневной стоимости рабочей силы, делённой на число рабочих часов *обычного* рабочего дня.

Цена труда и подённая или понедельная плата могут колебаться в различных направлениях. Если рабочее время увеличилось с 12 часов до 15, а цена труда упала в то же время с 20 пфеннигов до 18, то подённая плата будет теперь равняться 2 маркам 70 пфеннигам, т. е. она повысится, несмотря на падение цены труда.

Цена труда зависит, как уже было сказано выше, от дневной стоимости рабочей силы и длины *обычного* рабочего дня.

Если же вследствие каких-нибудь *чрезвычайных* событий, например кризиса, капиталист, товары которого не распроданы, сократит рабочее время, скажем, наполовину, то он не повышает при этом соответствующим образом цену труда. При цене труда в 20 пфеннигов рабочий получит за 6-часовой труд 1 марку 20 пфеннигов, хотя дневная стоимость его рабочей силы гораздо выше, а именно, по нашему предположению, равна 2 маркам 40 пфеннигам¹.

Раньше мы видели, что *удлинение* рабочего дня является источником страданий для рабочих. Теперь мы видим новый такой источник — в его временном *сокращении*.

На этом основании, как только речь заходит о законодательном сокращении рабочего дня, капиталисты восстают против него якобы из сочувствия к бедным рабочим. «Мы уже и без того вынуждены выплачивать самую жалкую голодную заработную плату за 15-часовой труд, — восклицают они, — а теперь вы хотите сократить рабочий день до 10 часов и таким образом отнять у голодных рабочих ещё целую треть их заработка? Мы должны решительно протестовать против подобного варварства!»

¹ Цена труда может в то же время и понизиться, но это будет следствием не сокращения рабочего времени, а усиленного предложения рабочих рук и других явлений, которых мы здесь не будем касаться. Надо всегда иметь в виду при чтении этой книги, что до сих пор здесь идёт речь об *основах* капиталистического способа производства, а не о его *полной картине*.

Благородные друзья человечества забывают, что при сокращении *обычного* рабочего дня *цена труда* повышается. Она тем выше, чем выше дневная стоимость рабочей силы и чем *меньше* длина *обычного* рабочего дня. *Временное* сокращение рабочего дня *понижает* заработную плату, *постоянное* сокращение *повышает* её.

Это, между прочим, наблюдалось в Англии. По отчёту английских фабричных инспекторов от апреля 1860 г., за 20-летний период с 1839 по 1859 г. на фабриках, где был введён 10-часовой рабочий день, заработная плата *возросла*, а на тех, где работали по 14—15 часов, *упала*. Многочисленные наблюдения, делавшиеся вплоть до новейшего времени, подтверждают это правило.

Длительное увеличение рабочего дня *понижает* цену труда, и обратно — низкая цена труда *вынуждает* рабочего соглашаться на удлинение рабочего дня, чтобы обеспечить себе хотя бы скудный заработок. Но низкая цена труда и длинный рабочий день имеют тенденцию закрепляться. Капиталисты снижают заработную плату и удлиняют рабочее время, чтобы увеличить свою прибыль. А конкуренция заставляет их в конце концов соответственно *понижать* цены товаров. Добавочная прибыль, получавшаяся от удлинения рабочего дня и снижения заработной платы, исчезает, низкие же цены сохраняются и действуют как принудительное средство удерживать заработную плату при чрезмерно удлинённом рабочем дне на достигнутом низком уровне. Капиталистам это не доставляет длительной выгоды, а для рабочего класса это длительный ущерб. Наиболее действенным препятствием для этой тенденции является законодательное ограничение рабочего дня.

Упомянем тут же и о других благодетельных последствиях ограничения рабочего дня.

В некоторых отраслях промышленности капиталист не платит рабочему определённой подённой или понедельной платы, а платит ему по часам. Рабочий целый день должен быть в распоряжении капиталиста, а тот может по своему произволу то заставлять его трудиться чрезмерно, то давать ему работу лишь на несколько часов. Цена же труда определяется соответственно длине *обычного* рабочего дня.

Таким способом капиталист получает возможность распоряжаться всей рабочей силой рабочего, уплачивая ему «нормальную» цену труда, но не полную стоимость его рабочей силы. Это обнаруживается в те дни, когда он заставляет его трудиться не нормальное число часов, а меньше. Но суть дела не меняется и тогда, когда рабочий трудится дольше нормального времени.

Дело в том, что стоимость рабочей силы, которая расходуется в каждый рабочий час, неодинакова. Силу, израсходованную в первые часы рабочего дня, легче возместить, чем ту, которая потрачена в последние часы. Поэтому стоимость израсходованной в первый час рабочей силы меньше стоимости рабочей силы, потраченной в десятый или двенадцатый час, хотя потребительная стоимость последней может быть значительно меньше, чем первой. Соответственно этому во многих производствах установился сам собой, независимо от данных физиологии или политической экономии, обычай считать рабочее время до известных пределов «нормальным», а за этими пределами *сверхурочным* и оплачивать его лучше, хотя часто в смехотворно малой степени.

Капиталисты же, занимающие рабочих по часам, сберегают эту повышенную оплату сверхурочного времени.

Не следует понимать разницу между таким «нормальным» рабочим днём и сверхурочным временем в том смысле, что цена труда в течение нормального дня представляет собой нормальную заработную плату, а за сверхурочное время уплачивается добавочное вознаграждение, превышающее дневную стоимость рабочей силы. Существуют фабрики, на которых из года в год работают сверхурочное время, потому что «нормальная» заработная плата так низка, что рабочий не может на неё прожить и *вынужден* работать сверхурочное время. Там, где постоянно работают сверхурочное время, «нормальный» рабочий день является только частью действительного рабочего дня, а «нормальная» заработная плата — только частью той заработной платы, которая необходима для существования рабочего. Лучшая оплата сверхурочного времени часто является лишь средством заставить рабочего согласиться на удлинение рабочего дня. А это соответствует, как мы видели, понижению цены труда.

Законодательное ограничение рабочего дня имеет тенденцию положить предел всем этим уловкам, предпринимаемым с целью понижения заработной платы.

4. Поштучная плата

Повременная плата есть превращённая форма цены рабочей силы, поштучная плата — превращённая форма повременной платы.

Предположим, что обычный рабочий день равняется 12 часам, дневная стоимость рабочей силы — 2 маркам 40 пфеннигам и что работник изготавливает ежедневно в среднем 24 штуки какого-нибудь предмета. В капиталистических предприятиях опытным путём быстро устанавливают, какую работу может выполнить за час работник при средней искусности и интенсивности труда. Можно оплачивать работника подённо, по расчёту 20 пфеннигов в час, но можно также платить ему по 10 пфеннигов за каждую сработанную штуку. В последнем случае заработная плата будет поштучной.

Очевидно, что основой поштучной платы, как и повременной, является дневная стоимость рабочей силы и обычная длина рабочего дня. *На первый взгляд*, правда, поштучная плата как будто определяется количеством выработанного продукта. Но такое представление опровергается тем, что при повышении производительности труда поштучная плата соответственно снижается. Если рабочий в нашем прежнем примере будет изготавливать штуку товара уже не в $\frac{1}{2}$ часа, а, скажем, вследствие усовершенствования в какой-нибудь машине — в $\frac{1}{4}$ часа, то при прочих равных условиях капиталист будет платить ему уже не 10, а только 5 пфеннигов за штуку.

Часто случается — каждый, кто сталкивается с положением рабочих, знает такие случаи, — что отдельным рабочим или группам рабочих, которым как-нибудь по счастливой случайности удалось выработать необычно большое количество продукта, вдруг произвольно снижают поштучную плату, мотивируя это тем, что иначе их заработок чересчур превысит обычный. Это всего яснее показывает, что поштучная плата — только превращённая форма повременной. Капиталист избирает её лишь тогда, когда она

ему представляется выгодней непревращённой повременной платы.

Обыкновенно поштучная плата представляет для капиталиста большие преимущества. При повременной плате он оплачивает рабочую силу в форме доставленного ею *количества труда*, при поштучной — в форме *количества продукта*. Поэтому он может быть уверен, что рабочий в собственных интересах и без внешнего понуждения будет стараться произвести в течение каждого рабочего часа как можно большее количество продуктов. Капиталисту гораздо легче контролировать, выработал ли рабочий продукт средней добротности. Ничтожнейший недостаток становится причиной, очень часто лишь предлогом к вычетам из заработной платы и даже иногда к настоящему надувательству рабочих.

Поэтому надзор капиталиста и его надсмотрщиков над рабочими становится при поштучной плате в значительной мере излишним, и капиталист сберегает этот труд и соответствующие издержки. В некоторых отраслях промышленности поштучная плата позволяет даже рабочим трудиться на дому. Благодаря этому капиталист сберегает немало расходов на помещение и эксплуатацию предприятия (на отопление, освещение, земельную ренту и т. д.). Вместе с тем освобождается и переходит в его распоряжение часть капитала, которая в противном случае была бы связана. В тех отраслях, где распространена работа на дому, например в портняжном и сапожном деле, иногда случается, что мастер требует *платы* за помещение и инструменты от тех подмастерьев, которые работают у него в мастерской, а не дома. Рабочим приходится дорого оплачивать удовольствие работать до надрыва «под хозяйским оком».

При поштучной оплате личный интерес рабочего побуждает его работать с наивысшей интенсивностью и возможно дольше, чтобы по возможности повысить свой дневной или недельный заработок. Он не видит, что чрезмерная работа не только физически его губит («аккордная работа убивает», гласит немецкая поговорка), но и ведёт к понижению цены его труда. А если он это и видит, то всё же он не в состоянии избавиться от действия принудительного закона конкуренции с другими рабочими. Эта взаимная

конкуренция рабочих, видимость свободы и самостоятельности, какую даёт поштучная работа, а зачастую и их изолированность друг от друга (при домашней работе) чрезвычайно затрудняют организацию и солидарные выступления этих рабочих.

Система поштучной платы влечёт за собой и другие невыгоды для рабочих. Так, например, она допускает появление паразитических посредников между рабочими и капиталистами, которые живут тем, что урывают в свою пользу значительную долю заработной платы, выплачиваемой капиталистом. Система поштучной платы даёт ещё капиталисту возможность в тех случаях, когда работа выполняется группами рабочих (артелями), заключать договоры на поставку изделий по определённой поштучной цене с одними главарями артели, причём им предоставляется право оплачивать своих подсобных рабочих по своему усмотрению. «Эксплуатация рабочих капиталом осуществляется здесь при посредстве эксплуатации одного рабочего другим рабочим» («Капитал», т. I, стр. 556).

Насколько поштучная плата невыгодна для рабочих, настолько же она выгодна для капиталиста. Поштучная плата есть форма заработной платы, соответствующая капиталистическому способу производства. Она не совсем была неизвестна и цеховому ремеслу. Но в более широких размерах она получила распространение лишь в мануфактурный период. В эпоху появления крупной промышленности она служила важнейшим рычагом к удлинению рабочего дня и понижению цены труда.

5. Национальные различия в заработной плате

Мы рассмотрели ряд комбинаций стоимости и цены рабочей силы, а также их отношения к прибавочной стоимости, обусловленных изменениями длины рабочего дня, интенсивности и производительности труда. Одновременно с изменениями в этой области происходят другие перекрещивающиеся с ними изменения в массе средств существования, в которой реализуется цена рабочей силы. Все эти изменения вызывают также изменения в превращённой форме цены рабочей силы — заработной плате. По-

этому в каждой стране заработная плата подвержена постоянным колебаниям, она различна в разное время. Этому различию во времени соответствуют также пространственные различия. Всякому известно, что в Америке заработная плата выше, чем в Германии, а в Германии выше, чем в Польше.

Однако сравнение заработной платы у разных народов не совсем просто.

«При сравнении заработных плат разных стран необходимо принять во внимание все моменты, определяющие изменения в величине стоимости рабочей силы: цену и объём естественных и исторически развившихся жизненных потребностей, издержки воспитания рабочего, роль женского и детского труда, производительность труда, его экстенсивную и интенсивную величину. Даже самое поверхностное сравнение требует прежде всего сведения средней заработной платы в данном производстве различных стран к рабочему дню одинаковой продолжительности. После такого уравнивания дневных заработных плат повременная плата должна быть переведена на почасовую, так как только эта последняя даёт мерилло и для производительности и для интенсивности труда» («Капитал», т. I, стр. 562).

Абсолютная цена труда может стоять у данной нации сравнительно очень высоко, и всё же *относительная заработная плата*, т. е. цена труда по сравнению с прибавочной стоимостью или стоимостью всего продукта, а также *реальная заработная плата*, т. е. количество средств существования, которые может приобрести рабочий за свою заработную плату, может быть очень низка.

У народов с более развитым капиталистическим способом производства производительность и интенсивность труда выше, чем у отсталых в этом отношении наций. А на мировом рынке более производительный национальный труд, подобно более интенсивному труду, считается создающим большую стоимость.

Допустим, что в России¹ придиличик, дурно питающийся и неразвитый, переутомлённый и работающий на

¹ Автор имеет в виду царскую Россию 80-х годов XIX века с её технически отсталой промышленностью, с её нищенски оплачивавшимся пролетариатом.— *Ред.*

плохих машинах, перерабатывает в пряжу за 1 час 1 фунт хлопка. Напротив, английский прядильщик даёт 6 фунтов. Фунт русской пряжи на этом основании не будет иметь на мировом рынке большей стоимости, чем фунт английской пряжи.

Поэтому труд прядильщика в Англии производит за то же время большую стоимость, чем в России. Стоимость его продукта в течение того же времени воплощается в Англии в большем количестве золота, чем в России. Поэтому денежное выражение заработной платы в капиталистически развитой стране может стоять выше, чем в неразвитой, и всё же цена труда по сравнению с прибавочной стоимостью может быть гораздо ниже, потому что стоимость всего продукта будет выше.

Но в такой стране, где производительность труда больше, и стоимость денег будет меньше. Поэтому цена рабочей силы может быть выше, но в то же время рабочий, быть может, не в состоянии купить на свою более высокую заработную плату большее количество средств существования.

На больших предприятиях вне Англии, например на железнодорожных постройках в Азии, английские предприниматели были вынуждены использовать наряду с низкооплачиваемыми туземными рабочими также и высокооплачиваемых английских рабочих. Опыт в этом и других подобных случаях учит, что труд, кажущийся наиболее дорогим, в действительности является наиболее дешёвым с точки зрения его результата и количества прибавочной стоимости. Русская промышленность¹ при ничтожнейшей заработной плате и самой неограниченной эксплуатации труда влечит жалкое существование лишь с помощью запретных таможенных пошлин. Она не может конкурировать с английской промышленностью, которая работает при сравнительно высокой заработной плате и коротком рабочем времени, при многочисленных ограничениях женского и детского труда, санитарных предписаниях и т. п. *Абсолютная* цена русского труда, его денежное выражение *низка*. А его *относительная* цена по сравнению со стоимостью его продукта на мировом рынке *высока*.

¹ Как и выше, речь идёт о царской России конца прошлого столетия.— *Ред.*

ГЛАВА ВТОРАЯ ДОХОД С КАПИТАЛА

Мы видели, как деньги становятся капиталом и как наёмный рабочий своим трудом не только сохраняет стоимость части капитала, затраченной на необходимые средства производства, но и создаёт новую стоимость, равную стоимости его рабочей силы плюс прибавочная стоимость.

Но движение капитала не заканчивается с появлением прибавочной стоимости. Подобно тому как товар не исполнит своего назначения, если не превратится в деньги, так же не исполнит его и прибавочная стоимость, которая ведь воплощена прежде всего в определённом количестве товаров — прибавочном продукте. После того как прибавочная стоимость произведена в форме прибавочного продукта, необходимо *реализовать* его стоимость в деньгах, т. е. продать произведённые товары.

По пути к реализации прибавочная стоимость, как и всякая другая стоимость, испытывает немало приключений частью весёлого, частью печального характера. Сегодня она реализуется по непомерно высокой цене, завтра — по крайне низкой, а то и вовсе не реализуется. Иногда товар, в котором она воплощена, разыскивается покупателем ещё раньше, чем он появляется на рынке, а иной раз он годами лежит на складах и т. д. Во время этих перипетий прибавочной стоимости угрожают ещё и другие опасности. На сцену появляется купец, который берёт на себя заботы о продаже товаров, но за это отрывает кусок прибавочной стоимости и кладёт себе в виде торговой прибыли. Затем необходимо уплатить земельную ренту землевладельцу, потом налоги, потом процент на занятый капитал, пока, наконец, остаток не исчезнет в карманах нашего капиталиста в виде прибыли.

Мы не будем здесь заниматься всеми приключениями и превращениями, которым подвергается прибавочная стоимость на этом пути. Они частью относятся к области процесса обращения капитала, который Маркс рассматривает во втором томе своего труда, частью же — к исследованию общего процесса капиталистического производства, составляющему предмет третьего тома. Первый том «Капитала» рассматривает только одну сторону общего процесса,

а именно — непосредственный процесс производства. Дальнейшей судьбой прибавочной стоимости, после того как она произведена, мы будем заниматься лишь постольку, поскольку она оказывает влияние на этот процесс производства.

Итак, мы предполагаем, как и всюду до сих пор, когда прямо не оговорено иное, что капиталист продаёт свои товары на рынке по их полной стоимости. Мы предполагаем далее, что прибавочная стоимость возвращается к капиталисту целиком. Иное допущение только усложнило бы и затруднило исследование, не изменяя по существу его результатов.

Прибавочная стоимость может оказывать влияние на процесс производства только при *воспроизводстве*, при *повторении* производственного процесса.

Всякий общественный процесс производства есть в то же время и процесс воспроизводства. При всяком общественном строе производство должно быть непрерывным или повторяться через определённые промежутки времени. Тем самым каждый общественный строй неизбежно должен производить непрерывно не только средства потребления, но и средства производства.

Если производство имеет капиталистическую форму, то, разумеется, ту же форму имеет и воспроизводство. Всякому обществу необходимо непрерывно или через правильно повторяющиеся промежутки времени производить потребительные стоимости. Точно так же капиталу необходимо *непрерывно производить прибавочную стоимость* и постоянно *воспроизводить* её для того, чтобы он продолжал существовать. Породив прибавочную стоимость, капитал должен быть снова применён, чтобы вторично её породить, и т. д. Следовательно, капитал всё снова и снова производит прибавочную стоимость и воспроизводит её. Прибавочная стоимость выступает как постоянно возрождающийся плод находящегося в движении капитала, как *постоянный доход* с капитала, как *прибыль*.

Сказанное относится к прибавочной стоимости, поскольку она *возникает* из производства. Но процесс воспроизводства даёт также прибавочной стоимости возможность вновь *вступить* в процесс производства. Допустим, что капиталист вложил в дело капитал в 100 000 марок, при-

носящий ему 20 000 марок ежегодного дохода. Что он делает с этим доходом? Возможны два крайних случая. Либо он потребит полностью годовую сумму прибавочной стоимости, либо присоединит её целиком к своему капиталу. В большинстве случаев не произойдёт ни того, ни другого, а прибавочная стоимость частью потребляется, частью же присоединяется к прежнему капиталу.

Если прибавочная стоимость потребляется целиком, то величина капитала не изменяется. В таком случае происходит *простое воспроизводство*. Если же прибавочная стоимость целиком или частично присоединяется к капиталу, то происходит *накопление* капитала и воспроизводство совершается в *расширенном масштабе*.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПРОСТОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО

Простое воспроизводство есть лишь повторение производственного процесса в прежнем масштабе. Но уже простое повторение придаёт ему ряд новых свойств.

Предположим, что владелец известной суммы денег, наживший их каким-нибудь путём, быть может и трудом, превращает их в капитал. Всего у него 10 000 марок; 9000 он затрачивает на постоянный капитал, а 1000 — на переменный, т. е. на заработную плату. С помощью этого капитала он производит массу продуктов стоимостью в 11 000 марок, которые он продаёт по их полной стоимости. Прибавочную стоимость в 1000 марок он потребляет, и воспроизводство совершается в прежнем размере: 9000 марок затрачиваются на постоянный, а 1000 — на переменный капитал.

Однако мы видим теперь разницу сравнительно с тем, что было раньше: 1000 марок, которые во время первого производственного процесса были израсходованы на заработную плату, не были произведены трудом занятых в предприятии рабочих, а произошли из другого источника; быть может, сам капиталист заработал их своим трудом. Откуда же происходят те 1000 марок, которые выплачиваются в качестве заработной платы при повторении производственного процесса? Они представляют собой реали-

зацию стоимости, произведённой *рабочими* во время *предшествующего производственного процесса*. Рабочие не только перенесли на продукт стоимости постоянного капитала (9000 марок), но и создали новую стоимость (в сумме 2000 марок), из которых одна часть (1000 марок) равна стоимости их рабочей силы, а другая представляет прибавочную стоимость.

Если мы будем рассматривать капиталистический процесс производства как однократный производственный процесс (или если мы рассматриваем первый производственный процесс при первоначальном помещении капитала), то заработная плата будет представляться *авансом*, уплачиваемым из кармана капиталиста. Если же мы будем рассматривать капиталистический процесс производства как процесс воспроизводства, то мы увидим, что рабочий оплачивается *из продукта его собственного труда*.

В этом смысле верно, что рабочий в виде заработной платы получает долю в продукте своего труда. Но этот продукт есть уже проданный продукт предшествующего производственного периода.

Возвратимся к нашему примеру. Предположим, что каждый производственный период занимает полгода. В течение каждого года наш капиталист кладёт себе в карман 2000 марок прибавочной стоимости, которые он потребляет. В течение 5 лет он потребит 10 000 марок — стоимость, равную его первоначальному капиталу. Но и теперь он будет попрежнему владеть капиталом в 10 000 марок.

Этот новый капитал равен по величине своей стоимости первоначальному, но его основа иная. Первоначальные 10 000 марок происходили не от труда занятых в его предприятии рабочих, а из другого источника. Но эти 10 000 марок капиталист проел в течение 5 лет. Если он всё же и теперь имеет 10 000 марок, то они происходят из *прибавочной стоимости*. Таким образом, всякий капитал, из какого бы источника он ни происходил первоначально, через некоторое время уже путём простого воспроизводства превращается в капитализированную прибавочную стоимость, в продукт чужого прибавочного труда, в *накопленный капитал*.

Исходным пунктом капиталистического процесса производства является отделение рабочего от средств произ-

водства, скопление неимущих рабочих, с одной стороны, скопление средств производства и средств существования — с другой. В капиталистическом *процессе воспроизводства* этот исходный пункт капиталистического производства становится его *результатом*. Таким образом, капиталистический процесс воспроизводства сам всё снова порождает и сохраняет свои собственные условия — капитал и класс наёмных рабочих.

Средства существования и средства производства, которые производят наёмные рабочие, принадлежат не им, а капиталистам. Наёмные рабочие всё вновь и вновь выходят из процесса производства такими, какими они в него вступили, — неимущими пролетариями. Напротив, капиталисты в конце каждого производственного периода всё снова оказываются собственниками средств существования, покупающих рабочую силу, и средств производства, применяющих производителей.

Таким образом, рабочий сам постоянно воссоздаёт условия своей зависимости и своей нищеты.

Но процесс воспроизводства капитала делает необходимым и воспроизводство рабочего класса.

Поскольку мы исследовали процесс производства как *однократный* и вместе с тем *единичный* процесс, мы имели дело только с *единичным* капиталистом и *единичным* рабочим. При этом казалось, что рабочая сила, а вместе с нею и неотделимый от неё рабочий, принадлежит капиталисту только во время своего *производительного* потребления, т. е. в течение рабочего дня. В остальное же время рабочий как будто принадлежит себе и своей семье. Когда он ест, пьёт и спит, он делает это для самого себя, а не для капиталиста.

Но как только мы станем рассматривать капиталистический способ производства в его непрерывном возобновлении, т. е. как процесс воспроизводства, то нам уже наперёд приходится иметь дело не с отдельным капиталистом и рабочим, а с *классом капиталистов* и *классом рабочих*. Процесс воспроизводства капитала требует увековечения рабочего класса. Это значит, что для того, чтобы процесс производства мог постоянно возобновляться, рабочие должны всё снова восстанавливать свою израсходованную рабочую силу и заботиться о постоянном притоке

свежих рабочих сил. Капитал находится в удобном положении, так как может спокойно предоставить исполнение этих важных функций инстинкту самосохранения и размножения рабочих.

Вне своего рабочего времени рабочие живут, повидимому, только для себя. В действительности даже и тогда, когда они «пребывают в праздности», они живут для класса капиталистов. Когда они после работы едят, пьют, спят и т. д., то тем самым они сохраняют класс наёмных рабочих, а следовательно, и капиталистический способ производства. Когда капиталист — кормилец, как его называли в патриархальные времена, *работодатель*, как его окрестили германские профессора-экономисты, — выплачивает рабочему заработную плату, то этим он даёт ему лишь средства сохранить себя и, поскольку от него зависит, свой класс в интересах класса капиталистов.

Потребляя средства существования, которые они покупают за свою заработную плату, рабочие вынуждены всё снова и снова продавать свою рабочую силу.

Таким образом, с точки зрения воспроизводства рабочий занят в интересах капитала не только в течение своего рабочего времени, но и во время досуга. Он ест и пьёт уже не для себя, а для того, чтобы сохранить свою рабочую силу для класса капиталистов. Поэтому капиталисту совсем не безразлично, как рабочий ест и пьёт. Если он напивается по воскресеньям так, что по понедельникам бывает в похмелье, вместо того чтобы дать отдых своей рабочей силе и восстановить её, то капиталисту это кажется не ущербом для самого рабочего, а преступлением против капитала, *расхищением* принадлежащей капиталу рабочей силы.

Уже не только *купленная рабочая сила*, но *весь рабочий*, *весь рабочий класс* представляется с точки зрения процесса воспроизводства *принадлежностью капитала*. Там, где рабочий этого не сознаёт и имеет возможность уклониться от этого, например посредством эмиграции, капиталист при известных обстоятельствах не останавливается перед тем, чтобы с помощью принудительных законов внушить ему, что он должен поддерживать себя и размножаться не для себя, а для капитала.

Так, например, эмиграция искусных рабочих была прежде в большинстве государств запрещена законом. В настоящее время в этом нет нужды. Капиталистический способ производства настолько окреп, что его законы, вообще говоря, осуществляются как принудительные *экономические* законы, не нуждаясь в специальной политической помощи. Рабочий в настоящее время прикован к капиталу невидимыми цепями и наталкивается на капитал всюду, куда бы он ни повернулся.

Впрочем, нашим «социальным реформаторам» эта зависимость от класса капиталистов кажется всё ещё недостаточной. Прикрепление рабочего к *отдельному* капиталисту посредством ограничения свободы передвижения, введение усовершенствованной системы рабочих домов и другие подобные «реформы» являются в их глазах целительными средствами для «разрешения социального вопроса».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРЕВРАЩЕНИЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ В КАПИТАЛ

1. Как прибавочная стоимость становится капиталом

Капиталист потребляет всю прибавочную стоимость лишь в виде исключения. Как общее правило, он по крайней мере часть её превращает снова в капитал. «Применение прибавочной стоимости в качестве капитала, или обратное превращение прибавочной стоимости в капитал, называется накоплением капитала» («Капитал», т. I, стр. 584).

Процесс этот легко представить наглядно. Вспомним пример, приведённый в предыдущей главе. Капитал в 10 000 марок приносит ежегодно своему владельцу 2000 марок прибавочной стоимости. Если капиталист не потребляет их, а присоединяет к первоначальному капиталу, то у него окажется капитал в 12 000 марок, который при тех же условиях даст годовую прибавочную стоимость в 2400 марок. При присоединении их к капиталу последний будет равен 14 400 марок и принесёт в год

прибавочной стоимости 2880 марок; ещё через год капитал превратится в 17 280 марок и даст прибавочную стоимость в 3456 марок, а вместе они составят 20 736 марок и т. д. Вследствие накопления прибавочной стоимости капитал за 4 года более чем удвоился. Нас здесь не интересует, накапливается ли вся прибавочная стоимость или только часть её. Точно так же для нас не имеет значения и то, каким именно образом она накапливается — становится ли она *добавочным* капиталом или образует *новый*. Владелец прядильни может употребить прибавочную стоимость на расширение своей фабрики, увеличение числа машин, рабочих и сырья. Но он может также использовать её для постройки новой прядильни или основания нового предприятия, например ткацкой фабрики или каменноугольной копи. Каково бы ни было употребление прибавочной стоимости, во всех этих случаях она обратно превращается в капитал, т. е. в стоимость, порождающую прибавочную стоимость.

Но для того чтобы прибавочная стоимость стала капиталом, она должна после своего превращения из товара в деньги проделать обратное превращение из денег в соответствующие товары. Возьмём для примера владельца прядильной фабрики. Он, скажем, продал свою пряжу и обладает теперь кроме первоначально вложенного капитала ещё и прибавочной стоимостью в денежной форме; как и первоначальный капитал, она должна превратиться в новый капитал. Это возможно только в том случае, если он найдёт на рынке соответственно возросшее количество товаров, которые могут служить для него средствами производства. Для того чтобы прибавочная стоимость стала добавочным капиталом, должны быть налицо: добавочное сырьё — в данном случае хлопок, добавочные орудия — машины, добавочные средства существования для увеличившегося количества рабочих сил и, наконец, сами эти добавочные рабочие силы. Словом, накопление капитала возможно лишь при существовании материальных предпосылок, позволяющих расширить производство.

Но наш фабрикант может быть уверен в том, что найдёт на рынке необходимые ему добавочные средства производства. Ведь *прибавочная стоимость*, а следовательно, и *прибавочный продукт* производятся не только в пря-

дильнях, но и на хлопчатобумажных плантациях, машиностроительных заводах, в угольных копях и т. д.

Если рассматривать не прибавочную стоимость, полученную за год отдельным капиталистом, а годовую сумму прибавочной стоимости, присваиваемую всем классом капиталистов, то окажется, как общее правило, что прибавочная стоимость не может превратиться (целиком или частью) в капитал, если прибавочный продукт (весь или соответствующая его часть) не будет состоять из средств производства и из средств существования рабочих.

Но откуда взять добавочное число рабочих? Об этом капиталисту нечего печалиться. Он должен только давать рабочим плату, достаточную для их существования, а о своём размножении они сами позаботятся.

Рабочий класс сам производит добавочных рабочих, необходимых для расширения производства, для воспроизводства в расширенном масштабе.

Мы видели, что даже при простом воспроизводстве всякий капитал через известное число лет превращается в накопленный капитал, состоящий из одной прибавочной стоимости. Но такой капитал может ещё, по крайней мере при своём возникновении, представлять результат труда своего владельца. С капиталом же, который с самого начала образовался из накопленной прибавочной стоимости, дело обстоит иначе. Такой капитал с самого начала представляет собой продукт труда тех, кто им не владеет. Накопление прибавочной стоимости означает присвоение неоплаченного труда с целью дальнейшего присвоения неоплаченного труда в расширенных размерах.

Какое резкое противоречие с основными принципами обмена товаров! Мы ведь видели, что первоначально обмен товаров предполагал, с одной стороны, частную собственность товаропроизводителя на свой продукт, а с другой — обмен равных стоимостей (эквивалентов), при котором никто не может завладеть какой-нибудь стоимостью иначе, как с помощью собственного труда или путём отдачи равной стоимости.

Теперь же мы находим в качестве основ капиталистического способа производства, с одной стороны, отделение рабочего от продукта его труда; тот, кто производит продукт, и тот, кто владеет им, теперь — два различных лица;

с другой стороны, мы находим присвоение стоимости без отдачи равной стоимости, т. е. *прибавочную стоимость*. К тому же прибавочная стоимость, как мы видим теперь, является уже не только *результатом*, но и *базисом* капиталистического процесса производства. Не только прибавочная стоимость образуется из капитала, но и капитал образуется из прибавочной стоимости, так что в конечном счёте наибольшая масса всего богатства состоит из стоимости, присвоенной без отдачи равной стоимости.

Но такое превращение основ товарного производства в их противоположность произошло не *вопреки* его законам, а *на основании их*.

«В той самой мере, в какой товарное производство, развиваясь сообразно своим собственным имманентным законам, превращается в производство капиталистическое, в той же самой мере законы собственности, свойственные товарному производству, переходят в законы капиталистического присвоения... Нельзя не удивляться поэтому хитроумию Прудона, который хочет уничтожить капиталистическую собственность, противопоставляя ей... вечные законы собственности товарного производства!» («Капитал», т. I, стр. 592).

2. Воздержание капиталиста

До сих пор мы рассматривали только два крайних случая — когда прибавочная стоимость *целиком* потребляется или когда она *целиком* накапливается. Но как уже упомянуто, обычно часть прибавочной стоимости потребляется, а другая часть накапливается. Первая часть считается *доходом* в более узком смысле слова.

От усмотрения капиталиста зависит, какую часть он захочет потребить и какую — превратить в капитал. Решение этого вопроса вызывает в душе его досадное раздвоение. Он вместе с Фаустом может воскликнуть:

Два помысла живут в груди моей;
Один с другим стремится разлучиться...
И одному из них мила земля,
Его прельщает всё, что в этом мире.
Другому нравятся прелестные поля,
Где... родятся дукаты в изобилии.

В душе капиталиста происходит своеобразное повторение старой борьбы между слабостью плоти и аскетизмом, между язычеством и христианством. С возжеланием взирает капиталист на радости мира сего, но всякое наслаждение, которое он не может доставить себе даром, кажется ему греховным.

Та часть прибавочной стоимости, которая идёт на личное потребление капиталиста, обычно является не произвольной, а исторически обусловленной величиной. Она определяется, как и заработная плата, обычным «приличествующим положению» образом жизни соответствующего общественного слоя.

Капиталист, как и рабочий, всю свою жизнь принадлежит капиталу, хотя и в ином смысле. Конкуренция не только вынуждает его строго исполнять в своём *предприятии* законы капиталистического способа производства, но даже и в *частной жизни* он подчиняется их требованиям. Если он живёт слишком широко, его считают мотом и кредит его падает. Если же он скуп и живёт скромней, чем принято, то это возбуждает подозрение, что его дела плохи, и его кредит опять-таки страдает. Таким образом, капиталист вынужден потреблять определённую для данного места и времени долю своей прибавочной стоимости. Но размеры этой доли гораздо эластичнее, чем размеры заработной платы.

Зато для части прибавочной стоимости, предназначенной для накопления, не существует никаких других пределов, кроме тех, которые ставятся общей массой прибавочной стоимости и эластичным личным потреблением капиталиста. Чем больше может быть накоплено, тем лучше. Капиталистический способ производства сам делает необходимым непрерывное накопление капитала. Мы видели, что с развитием техники капитал, необходимый для устройства и ведения такого предприятия, в котором продукты производились бы с затратой общественно необходимого количества труда, становится всё больше и больше.

Если в какой-нибудь отрасли промышленности минимальная сумма, необходимая для ведения дела, способного выдержать конкуренцию, равна в настоящее время 20 000 марок, то через 20 лет вследствие введения новых приёмов работы, новых машин и т. д. этот минимум может

возрасти до 50 000 марок. Капиталист, начавший предприятие с 20 000 марок, но отделивший недостаточную часть прибавочной стоимости для накопления, так что через 20 лет у него, скажем, вместо 50 000 марок оказывается всего 30 000, по всей вероятности, не выдержит конкуренции и погибнет.

Но и без этого стимула капиталист имеет достаточно сильные побуждения к накоплению. Современный способ производства так же развивает в капиталисте страсть к накоплению ради накопления, как более ранняя ступень товарного производства — страсть к накоплению и припрятыванию золота и серебра. Подобно накоплению сокровищ, и накопление капитала само по себе не знает границ, оно беспредельно.

Как бы ни было велико богатство капиталиста и как бы далеко ни превышали его доходы его способность наслаждаться благами жизни, он продолжает гоняться за прибавочной стоимостью не для того, чтобы увеличить сумму своих наслаждений, а для того, чтобы приумножить свои капиталы.

Классическая политическая экономия совершенно откровенно рассматривала причины и следствия как накопления, так и потребления класса капиталистов. Накоплением капитала она занималась исключительно с экономической, а не с нравственной точки зрения, что, конечно, было весьма безнравственно.

Но вот зашевелился пролетариат, и в нём стало пробуждаться классовое сознание. С конца 20-х годов рабочее движение стало усиливаться как в Англии, так и во Франции. Теперь для буржуазных экономистов уже не время исследовать экономические вопросы — задача заключается в том, чтобы *оправдать* капитал. В экономику была введена этика, благородная дама принялась на старости лет морализовать, «чувство» получило преобладание над знанием. С помощью этого чувства вскоре было открыто, что капиталист, *воздерживаясь* от потребления всей прибавочной ценности и накопляя её, обнаруживает изумительный героизм. Что новоявленному подвижнику подобает почёт и благодарность со стороны рабочего, понятно само собою. Точно так же ясно, что и подвижник, несмотря на величайшее воздержание, не может жить одною только благо-

дарностью и почётом. Поэтому в поощрение сытой добродетели и платёжеспособной морали ему было присуждено экономистами моральное право на вознаграждение за накопление неоплаченного труда.

Столь пошло звучащее слово «прибыль» было заменено более красивым — «вознаграждение за воздержание».

3. Воздержание рабочего и другие обстоятельства, влияющие на размер накопления

Чем больше «воздержание» капиталиста, тем больше размер накопления. Однако, к счастью для него, существуют и другие факторы, оказывающие определяющее влияние на размеры накопления. Всё, что увеличивает массу прибавочной стоимости, увеличивает, при прочих равных условиях, и размеры накопления. Мы знаем уже причины, определяющие массу прибавочной стоимости. Упомянем лишь о некоторых из них, приобретающих новый вид с той точки зрения, на которую мы теперь стали.

Среди них одной из важнейших является воздержание рабочего. Ясно, что, чем скуднее оплата рабочего, тем больше норма прибавочной стоимости. Тем больше, при прежнем размере потребления капиталиста, та часть прибавочной стоимости, которая идёт в накопление. Всё, что понижает стоимость рабочей силы или способствует понижению заработной платы ниже её стоимости, усиливает накопление капитала. Отсюда моральное негодование капитала и его приспешников по поводу «роскоши» рабочих, убивающих «народное благосостояние» тем, что они курят табак и пьют пиво. Басня о шампанском, которое будто бы однажды распивал в Берлине какой-то рабочий в 1872 г., облетела всю буржуазную прессу, клеймившую за это позором рабочий класс.

Капиталистический мир с достойной удивления изобретательностью придумал бесчисленное множество приёмов и способов для усиления воздержания рабочего, начиная с Румфордова супа и кончая народной кухней и вегетарианством. Маркс приводит несколько характерных примеров таких приёмов в «Капитале». Мы отсылаем к этому

труду тех, кто хочет подробнее ознакомиться с данным вопросом.

Очень неприятно для капиталиста то обстоятельство, что всякое расширение предприятия требует сравнительно высоких затрат постоянного капитала. Затраты эти становятся всё крупнее по мере усовершенствования машин в крупной промышленности. Но у него остаётся то сладкое утешение, что раз имеется необходимый для предприятия постоянный капитал, то производство может быть в известных границах расширено с помощью дополнительного вложения переменного капитала без соответствующего увеличения постоянного капитала. Если у фабриканта дела идут хорошо и он хочет расширить производство, то он в состоянии этого достигнуть, удлив рабочий день на 2—3 часа. Ему нет надобности ставить новые машины или строить новое фабричное здание: нужно только увеличить количество сырья и вспомогательных материалов.

Существуют, однако, отрасли промышленности, в которых не надо покупать сырья, каковы, например, рудники и копи, или в которых затраты на сырьё очень невелики, например на семена и удобрение в земледелии. Это те отрасли промышленности, в которых сырьё доставляется землёй. В таких отраслях для увеличения массы продукта часто бывает достаточно прибегнуть просто к добавочному труду. Тогда источниками увеличения количества продукта являются исключительно земля и труд, но капитал завладевает этими источниками и получает таким образом возможность «вывести элементы своего накопления за границы, определяемые, казалось бы, его собственной величиной, т. е. стоимостью и массой тех уже произведённых средств производства, в которых реализуется существование капитала» («Капитал», т. I, стр. 609).

Наряду с землёй и рабочим капитал присваивает себе и науку. Хотя он сам по себе и не принимает никакого участия в развитии науки, но ему одному достаются все плоды этого развития, повышающие производительность труда и этим способствующие накоплению капитала. С ростом производительности труда понижается стоимость рабочей силы и повышается норма прибавочной стоимости: Но повышение производительности труда позволяет также и капиталисту приобретать для своего личного потребления

большее количество подешевевших средств существования и предметов роскоши, не увеличивая идущую на это долю прибавочной стоимости. Он может также поддерживать своё потребление на прежнем уровне и уменьшить расходы. Он может жить с большим комфортом, либо, не ограничивая себя, больше накапливать; часто он может иметь и то и другое вместе.

Чем больше вложенный в дело капитал, тем производительнее труд, тем больше также не только норма прибавочной стоимости, но и её масса, тем больше может капиталист потреблять, а также накапливать.

Уже из приведённого ясно, что капитал есть не *постоянная*, а чрезвычайно *растяжимая, эластичная величина*, которая способна значительно расширяться и сокращаться. Он составляет только *часть* общественного богатства; он может увеличиваться за счёт других частей этого богатства, именно потребительского фонда класса капиталистов, а также и рабочих; он может и уменьшаться, переходя в эти фонды. Его действие усиливается удлинением рабочего времени, повышением производительности труда, усилением эксплуатации почвы. Мы здесь оставляем совершенно в стороне условия процесса обращения, например ускорение или замедление оборота капитала. Мы оставляем также в стороне условия кредита, имеющие столь важное значение в смысле возможности расширения или сокращения капитала и области его приложения. Этих условий мы не можем здесь рассматривать. Но и условия производственного процесса уже показывают нам эластичность капитала.

Экономисты же берут капитал как определённую величину с определённой силой действия. Таким образом, и переменный капитал представляется им как неизменная величина — так называемый *рабочий фонд*. «Такая-то часть капитала, — говорят они, — предназначена служить для оплаты рабочих. Чем больше рабочих, тем меньше та доля, которая приходится на каждого; чем меньше рабочих, тем больше эта доля».

Переменный капитал приравнивался также к средствам существования, которые он представляет для рабочего. При этом заявлялось: «Число рабочих, занятых в определённой стране, и высота их заработной платы зависят

от наличного количества средств существования. Если заработная плата слишком низка или если много рабочих остаётся без работы, то это происходит только из того, что число рабочих увеличивается быстрее, чем средства существования. *Не способ производства, а сама природа повинна в нищете рабочего класса*».

На этих предпосылках построена так называемая *теория Мальтуса*.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПЕРЕНАСЕЛЕНИЕ

1. «Железный закон заработной платы»

Как известно, мальтузианцы заявляют, что рабочие вследствие своих «легкомысленных привычек» размножаются быстрее, чем может возрасти масса наличных средств существования, или, выражаясь точнее, переменный капитал. Поэтому, по их мнению, наступает перенаселение: предложение рабочей силы оказывается большим, чем сколько могут занять капиталисты, наличных средств существования уже не хватает на всех наличных рабочих. Пока не будет ограничено размножение рабочих, безработица, голод и все вытекающие отсюда пороки и нищета будут естественным уделом по крайней мере части рабочего класса. Так говорят мальтузианцы. Рассмотрим, следуя Марксу, действительные взаимоотношения между ростом капитала и размножением рабочего класса.

«Важнейшие факторы этого исследования — строение капитала и те изменения, которые претерпевает оно в ходе процесса накопления.

Строение капитала можно рассматривать с двух точек зрения. Рассматриваемое со стороны стоимости, строение определяется тем отношением, в котором капитал распадается на постоянный капитал, или стоимость средств производства, и переменный капитал, или стоимость рабочей силы, общую сумму заработной платы. Рассматриваемый со стороны материала, функционирующего в процессе про-

изводства, всякий капитал делится на средства производства и живую рабочую силу; в этом смысле строение капитала определяется отношением между массой применяемых средств производства, с одной стороны, и количеством труда, необходимым для их применения — с другой. Первое я называю стоимостным строением капитала, второе — техническим строением капитала. Между тем и другим существует тесная взаимозависимость. Чтобы выразить эту взаимозависимость, я называю органическим строением капитала его строение по стоимости, поскольку последнее определяется его техническим строением и отражает в себе изменения технического строения. В тех случаях, где говорится просто о строении капитала, всегда следует подразумевать его органическое строение» («Капитал», т. I, стр. 618).

Это строение различно у разных капиталов. Поэтому в дальнейшем изложении мы будем подразумевать *среднее* строение общественного капитала данной страны.

Перейдём после этих предварительных замечаний к нашему исследованию.

Рассмотрим прежде всего простейший случай: накопление происходит *без изменений* в строении капитала. Это значит, что для того, чтобы пустить в ход определённое количество средств производства, требуется всегда одинаковое количество рабочей силы. Возьмём для наглядности капитал в 100 000 марок, который состоит на три четверти из постоянного, а на одну четверть — из переменного капитала. Если 20 000 марок из общей суммы прибавочной стоимости будут присоединены к первоначальному капиталу, то дополнительный капитал, согласно нашему предположению, будет распределяться в таком же соотношении, как и первоначальный. Теперь весь капитал будет состоять из 90 000 марок постоянного и 30 000 марок переменного капитала. Второй возрос в той же пропорции, как и первый, а именно на 20 %. Однако, чтобы новый дополнительный капитал мог возрастать в стоимости, необходима добавочная рабочая сила. Предназначенная для накопления прибавочная стоимость в 20 000 марок может в нашем случае стать капиталом только тогда, когда число находящихся в распоряжении капитала наёмных рабочих возрастёт на 20 %.

Если количество наёмных рабочих при неизменяющемся строении капитала увеличивается не так быстро, как этот последний, то спрос на рабочих возрастает быстрее, чем их предложение, и заработная плата повышается.

Этот случай имеют в виду мальтузианцы, когда они рекомендуют для «решения социального вопроса» ограничение размножения рабочих. Они прежде всего не замечают при этом, что капиталистические отношения, отношения между капиталистами и наёмными рабочими, не уничтожаются повышением заработной платы. Накопление капитала означает воспроизводство капиталистических отношений в *расширенном масштабе*, означает рост капиталов и массы прибавочной стоимости, неоплаченного труда, с одной стороны, и *увеличение численности пролетариата* — с другой.

Даже тогда, когда накопление капитала повышает цену труда, это не может происходить без одновременного увеличения численности пролетариата, это не может происходить без расширения области господства капитала.

Но заработная плата никогда не может подняться так высоко, чтобы угрожать самому существованию прибавочной стоимости. Спрос на рабочую силу при капиталистическом способе производства вызывается потребностью капитала в самовозрастании, в производстве прибавочной стоимости. Поэтому капитал никогда не станет покупать рабочую силу по такой цене, которая исключала бы возможность производить прибавочную стоимость.

Если заработная плата вследствие накопления капитала возрастает, то возможны два случая. Либо — повышение цены труда не будет мешать успехам накопления. Если даже *норма* прибавочной стоимости понизится, то всё же *масса* её может возрасти благодаря накоплению. «В этом случае очевидно, что уменьшение неоплаченного труда нисколько не препятствует распространению господства капитала» («Капитал», т. I, стр. 625). Либо — накопление прекращается, «потому что этим притупляется стимулирующее действие прибыли» (там же). Но с прекращением накопления исчезает и причина, которая гнала заработную плату вверх. Последняя вследствие этого падает, пока не достигнет уровня, удовлетворяющего потребность капитала в самовозрастании.

«Следовательно, механизм капиталистического процесса производства сам устраняет те преходящие препятствия, которые он создаёт» (там же).

Мы видим здесь своеобразное взаимодействие между оплаченным и неоплаченным трудом.

«Если количество неоплаченного труда, доставляемого рабочим классом и накапливаемого классом капиталистов, возрастает настолько быстро, что оно может превращаться в капитал лишь при чрезвычайном увеличении добавочного оплаченного труда, то заработная плата повышается, и, при прочих равных условиях, неоплаченный труд относительно уменьшается. Но как только это уменьшение доходит до пункта, когда прибавочный труд, которым питается капитал, перестаёт предлагаться в нормальном количестве, наступает реакция: та часть дохода, которая подвергается капитализации, уменьшается, накопление ослабевает, и восходящее движение заработной платы сменяется обратным движением. Таким образом, повышение цены труда не выходит из таких границ, в которых не только остаются неприкосновенными основы капиталистической системы, но и обеспечивается воспроизводство последней в расширяющемся масштабе» («Капитал», т. I, стр. 626—627).

Колебания в накоплении капитала, удерживающие заработную плату в известных границах, кажутся буржуазным экономистам колебаниями в количестве наёмных рабочих, ищущих труда. Они впадают при этом в такое же заблуждение, как и люди, воображающие, что солнце вращается вокруг земли, а последняя стоит неподвижно¹.

¹ Маркс говорит: «Таким же образом, когда промышленность проходит в своём цикле фазу кризиса, общее понижение товарных цен выражается как повышение относительной стоимости денег, а когда она проходит фазу процветания, общее повышение товарных цен получает такое выражение, как будто происходит относительное понижение стоимости денег. Так называемая CURRENCY-SCHOOL [Количественная школа] делает из этого тот вывод, что при высоких ценах в обращении находится слишком мало, а при низких — слишком много денег. Её невежество и полное забвение фактов находит себе достойную параллель в экономистах, которые истолковывают указанные сейчас явления накопления таким образом, будто в одном случае имеется слишком мало, а в другом слишком много наёмных рабочих» («Капитал», т. I, стр. 626).

Если накопление капитала замедляется, то это создаёт впечатление, будто рабочее население растёт быстрее, чем обычно. Если же накопление совершается более ускоренным темпом, то кажется, будто рабочее население уменьшается или растёт медленнее, чем обычно. То явление, что заработная плата колеблется то вверх, то вниз, по при этом не может перейти известных границ, пытаются объяснить тем, что при повышении платы рабочее население быстро увеличивается, а возросшее предложение рабочей силы понижает заработную плату. Понижение же заработной платы влечёт за собой усиление нищеты и увеличение смертности в среде рабочего класса, что сокращает предложение рабочей силы и снова повышает заработную плату. Это объяснение носит название теории «железного закона заработной платы».

Против такого объяснения говорит уже тот простой факт, что, как известно всякому, заработная плата колеблется не от поколения к поколению, а в гораздо более короткие промежутки времени. К этому вопросу мы ещё дальше вернёмся.

2. Промышленная резервная армия

До сих пор мы предполагали, что накопление происходит без изменения строения капитала. Но в ходе накопления такие изменения неизбежно возникают время от времени.

На *техническое* строение капитала влияет всякое изменение *производительности труда*. Масса средств производства, которую рабочий превращает в продукт, растёт, при прочих равных условиях, вместе с производительностью его труда. Растёт масса перерабатываемого им сырья, растёт количество применяемых им орудий труда и т. д. Следовательно, с ростом производительности труда возрастает и количество средств производства по сравнению с приложенным к ним трудом, или, что то же, количество применяемого труда уменьшается по сравнению с количеством средств производства, которое он приводит в движение.

Это изменение в *техническом строении* капитала отражается и на его *стоимостном строении*. Здесь оно представ-

ляется в виде относительного уменьшения *переменной* части капитала и увеличения *постоянного* капитала. Однако изменения стоимостного строения капитала не соответствуют в точности изменениям его технического строения, так как вместе с ростом производительности труда не только *увеличивается количество* используемых им средств производства, но также *падает их стоимость*, хотя и в меньшей мере, чем возрастает их масса.

Так, например, в начале прошлого столетия капитал, который вкладывался в прядильное дело, состоял почти наполовину из постоянной и наполовину из переменной части. *Масса* сырья, орудий труда и пр., перерабатываемых в настоящее время прядильщиком при той же затрате труда, увеличилась по сравнению с тем временем в четыреста раз, а *соотношение* между постоянным и переменным капиталом *по стоимости* изменилось гораздо меньше. В настоящее время на бумагопрядильных постоянный капитал относится к переменному, вероятно, как 7 : 1.

Во всяком случае, однако, повышение производительности труда при капиталистическом способе производства означает *относительное* уменьшение переменного капитала.

Но производительность труда и накопление капитала находятся в теснейшем взаимодействии между собой.

При товарном производстве средства производства являются частной собственностью отдельных лиц. Однако развитие общественной производительности труда предполагает кооперацию в широком масштабе, большие помещения для работы, большие массы сырья и средств труда и т. д. При господстве товарного производства сосредоточение в собственности отдельных лиц столь колоссальных количеств средств производства возможно лишь тогда, когда индивидуальные капиталы достигли соответствующей ступени накопления. «На почве товарного производства производство в крупном масштабе может развиваться лишь в капиталистической форме» («Капитал», т. I, стр. 630).

Следовательно, известная высота накопления капитала составляет предварительное условие известной высоты

производительности труда. Но все методы повышения производительности труда при капиталистическом способе производства являются вместе с тем методами увеличения производства прибавочной стоимости, облегчая, таким образом, усиленное накопление. Последнее с своей стороны воздействует обратно на расширение масштаба производства, что опять-таки является сильнейшим стимулом к новому повышению производительности труда. Таким образом, накопление капитала и производительность труда всё больше и больше развиваются в результате взаимного воздействия.

Влиянию роста отдельных капиталов посредством накопления противодействует дробление старых капиталов, вследствие, например, наследственных разделов и выделения новых самостоятельных капиталов. Однако это противодействие накоплению более чем компенсируется *централизацией, соединением уже образовавшихся капиталов*, вызываемым в особенности поглощением мелких капиталов крупными. Эта централизация столь же способствует повышению производительности и изменению технического строения капитала, как и накопление. С другой стороны, накопление усиливает централизацию — и наоборот. Чем больший капитал накоплен, тем легче он будет побеждать и поглощать мелкие капиталы в процессе конкуренции. Чем больше мелких капиталов поглотил данный капитал, тем больше производительность занимаемого им труда, тем шире происходит и накопление.

Однако накопление гигантских масс капитала в пемпогих руках не только развивает производительность в тех отраслях труда, которым уже овладел капиталистический способ производства. Ряд мелких капиталов, вытесненных из тех отраслей труда, где господствует крупное производство, переходит в те отрасли, где капиталистический способ производства ещё не укрепился, где мелкий капитал может ещё выдерживать конкуренцию. Таким образом, подготавливается почва для вовлечения и этих отраслей производства в сферу господства капитализма.

Итак, мы видим, что капиталистический способ производства находится в постоянной технической революции, последствием которой является всё больший рост постоянного капитала и относительное уменьшение переменного.

При этом относительное уменьшение переменного капитала происходит несравненно быстрее, чем накопление. Вновь образующийся в ходе накопления капитал занимает всё меньшее количество добавочных рабочих по сравнению со своей величиной. А одновременно с накоплением происходит революционизирование и *старого* капитала. Износившаяся машина, если тем временем техника сделала новые успехи, заменяется не другой такой же, а лучшей, такой, с помощью которой рабочий может производить больше продуктов, чем прежде. Старый капитал воспроизводится во всё более производительной форме, а это приводит к тому, что он вытесняет всё большее число ранее занятых им рабочих.

Централизация есть один из могущественнейших рычагов такого преобразования старого капитала.

Чем быстрее происходит централизация и техническая революция старого капитала, тем быстрее должно происходить накопление нового капитала для того, чтобы число занятых рабочих не сокращалось. Но чем быстрее происходит накопление, тем больше оно усиливает централизацию и техническую революцию.

Мальтузианцы уверяют, будто «перенаселение» происходит оттого, что средства существования (или, точнее говоря, переменный капитал) возрастают в *арифметической прогрессии*, в отношении 1 : 2 : 3 : 4 : 5 и т. д., тогда как население имеет тенденцию возрастать в *геометрической прогрессии* — 1 : 2 : 4 : 8 : 16 и т. д. Таким образом, рост населения всегда опережает рост средств существования. Естественным последствием этого являются нищета и пороки.

На самом же деле прогрессирует *уменьшение* переменного капитала одновременно с *ростом* общей суммы капитала. Если первоначально переменный капитал составлял половину общей суммы капитала, то он постепенно опускается до $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{5}$, $\frac{1}{6}$ и т. д. этой суммы.

«Это относительное уменьшение переменной части капитала, ускоряющееся с возрастанием всего капитала, и ускоряющееся притом быстрее, чем ускоряется возрастание всего капитала, представляется, с другой стороны, в таком виде, как будто, наоборот, абсолютное возрастание рабочего населения совершается быстрее, чем возрастание

переменного капитала, или средств для занятия этого населения. Напротив, капиталистическое накопление постоянно производит, и притом пропорционально своей энергии и своим размерам, относительно избыточное, т. е. избыточное по сравнению со средней потребностью капитала в самовозрастании, а потому излишнее или добавочное рабочее население» («Капитал», т. I, стр. 635—636).

Изменение строения общественного капитала происходит не во всех его частях равномерно. В одном месте капитал растёт посредством накопления, причём последнее сначала не изменяет его данных технических основ и потому привлекает добавочных рабочих соответственно своему росту. В другом месте изменяется строение капитала без увеличения его абсолютной величины, просто путём замещения старого капитала новым, более производительным; при этом число занятых рабочих падает относительно или абсолютно. Между двумя этими крайними случаями располагаются бесчисленные комбинации, порождаемые перекрещивающимися влияниями накопления, централизации и преобразования старого капитала в более производительную форму, причём все они имеют последствием либо прямое вытеснение рабочих, либо «не так заметную, но не менее действительную форму затруднённого поглощения добавочного рабочего населения его обычными отводными каналами» («Капитал», т. I, стр. 636).

Рабочее население, таким образом, поддерживается постоянно в текущем состоянии. Местами оно привлекается, местами вытесняется. Это движение происходит тем быстрее, чем скорее изменяется строение капитала, чем выше производительность труда, чем сильнее накопление капитала.

Маркс приводит многочисленные данные английской статистики, свидетельствующие об относительном, а часто также и об абсолютном уменьшении числа занятых рабочих во многих отраслях промышленности. Из более новых переписей мы заимствуем два нижеследующих примера абсолютного уменьшения числа занятых рабочих при одновременном расширении производства.

Один пример относится к хлопчатобумажной промышленности Великобритании в период с 1861 по 1871 г.

В ней насчитывалось:

	1861 г.	1871 г.
Фабрик	2 887	2 483
Прядильных веретён	30 387 467	34 695 221
Паровых ткацких станков	399 992	440 677
Рабочих	456 646	450 087

Мы видим, что одновременно с уменьшением числа занятых рабочих произошло уменьшение числа фабрик и увеличение прядильных и ткацких машин, а это — признак централизации накопления капитала.

С 1895 по 1904 г. потребление хлопка в Англии возросло с 1550 миллионов фунтов до 1700 миллионов, а в то же время количество рабочих на хлопчатобумажных фабриках уменьшилось с 539 000 до 523 000. Подобную же картину представляют некоторые отрасли германской текстильной промышленности: сильное уменьшение числа рабочих, ограничивающееся, впрочем, лишь мелкими предприятиями. Число крупных предприятий и рабочих в них увеличилось. Следовательно, перед нами сильная централизация и накопление капитала при одновременном освобождении рабочих. Так, например, в шелкоткацкой промышленности Германии мы находим:

Годы	Мелкие предприятия (до 5 рабочих)		Средние предприятия (6—50 рабочих)		Крупные предприятия (свыше 50 рабочих)	
	предприятий	рабочих	предприятий	рабочих	предприятий	рабочих
1882	39 500	57 782	412	4 902	69	13 580
1895	16 527	20 484	192	3 469	140	32 129
1907	8 272	12 823	346	5 650	240	48 719
Увеличение (+) или уменьшение (—)	—31 228	—44 959	— 66	+ 748	+ 171	+ 35 139

То же и в льноткацкой промышленности:

1882	71 915	91 039	404	5 226	73	7 543
1895	34 082	43 228	291	4 598	120	19 996
1907	14 275	18 949	265	5 214	180	28 177
Увеличение (+) или уменьшение (-)	-57 640	-72 090	-139	- 12	+ 107	+ 20 634

Число рабочих шелкоткацкой и льноткацкой промышленности вместе *уменьшилось* за 25 лет на 60 540 человек, но это уменьшение происходило только за счёт упадка мелкого производства: в обеих отраслях промышленности число мелких предприятий уменьшилось на 88 868, или на 80 %, а число рабочих в них — на 116 959. Напротив, число крупных предприятий увеличилось со 142 до 420, т. е. почти *утроилось*, а число рабочих в них возросло с 21 123 до 76 896 человек, т. е. *больше чем в три раза*.

Мы предполагали до сих пор, что увеличению или уменьшению переменного капитала в точности соответствует увеличение или уменьшение числа занятых рабочих. Однако, не всегда бывает так. Если фабрикант при прежней цене труда *удлинит рабочий день*, то он будет выплачивать больше заработной платы. Переменный капитал возрастет, хотя число занятых рабочих не увеличится, а может быть, даже сократится.

Допустим, что предприниматель занимает 1000 рабочих, а рабочий день равен 10 часам и заработная плата — 2 маркам. Он хочет вложить в предприятие добавочный капитал. Он может сделать это таким образом, что расширят помещение, заготовит новые машины и наймёт добавочных рабочих. Но он может также этот добавочный капитал, за вычетом той его части, которая затрачивается на заготовку дополнительного сырья, использовать для того, чтобы удлинить рабочий день уже занятых рабочих. Положим, что он удлинит его на 5 часов, а цена труда останется прежней. В таком случае заработная плата будет равна

3 маркам, переменный капитал, при прочих равных условиях, возрастёт на 50% без увеличения числа рабочих.

А всякий капиталист предпочитает добиться увеличения количества труда путём удлинения рабочего дня или усиления интенсивности труда, чем посредством увеличения количества рабочих: ведь размер постоянного капитала, какой он должен вложить в дело, в первом случае возрастает гораздо медленнее, чем в последнем случае. Эта выгода для него тем больше, чем шире масштаб производства. Она растёт, стало быть, по мере накопления капитала.

Если, например, орудием рабочего служит лопата, стоящая 2 марки, то предприниматель едва ли будет сопротивляться увеличению количества труда посредством соответствующего увеличения числа рабочих. Иначе обстоит дело, если рабочий работает при машине, стоящей 100 000 марок.

Однако по мере накопления капитала не только растёт стремление капиталиста добиться увеличения количества труда без соответствующего расширения числа рабочих, но в то же время понижается сила сопротивления рабочего класса этому стремлению капиталиста. Избыточное количество рабочих, созданное накоплением капитала, уменьшает своей конкуренцией силу сопротивления занятых рабочих. Последние, таким образом, оказываются вынужденными согласиться на чрезмерную работу, а чрезмерная работа в свою очередь ведёт к росту избыточного рабочего населения. Безработица одних обуславливает чрезмерный труд других, и наоборот.

Мы видим, что накопление капитала с сопровождающими его явлениями и последствиями — централизацией капиталов, техническим преобразованием старого капитала, чрезмерным трудом и т. д. — имеет тенденцию *сократить* количество занятых рабочих по отношению ко всему вложенному капиталу, а иногда даже сократить его абсолютно.

Но накопление капитала в то же время *увеличивает* количество *предлагающих свои услуги*, находящихся в распоряжении капитала рабочих, и это увеличение далеко превосходит прирост населения.

Мы видели во втором отделе, что мануфактура, а в ещё большей степени крупная промышленность в ходе своего развития позволяет заменять обученные рабочие силы необученными. Время обучения рабочего сокращается до минимума. Рабочий может раньше поступать в распоряжение капитала, время его воспроизводства сокращается. В то же время во многих отраслях труда взрослые рабочие-мужчины заменяются женщинами и детьми. Тем самым не только прямо увеличивается в огромной степени рабочая армия: экономическая самостоятельность девушек и молодых людей, их совместный труд, как и возможность отдавать рано на работу детей, — всё это поощряет ранние браки. Этим также сокращается время воспроизводства рабочего класса.

Следующий мощный фактор быстрого роста рабочей армии начинает действовать, когда капиталистический способ производства овладевает *сельским хозяйством*. Здесь рост производительности сразу ведёт не только к относительному, но и к абсолютному уменьшению числа занятых рабочих. В Великобритании число занятых в сельском хозяйстве в 1861 г. составляло 2 210 449 лиц, а в 1871 г. — 1 514 601, т. е. упало почти на 700 000 человек. Крестьяне, ставшие, таким образом, «избыточными», стягиваются в промышленные округа, если только не эмигрируют, и увеличивают там рабочую армию, предлагающую себя капиталу.

Не будем забывать, наконец, о значении железных дорог и пароходов, которые позволяют капиталу привлекать новые массы рабочих из промышленно отсталых областей и стран — ирландцев, поляков, словаков, итальянцев, китайцев и т. д.

Таким образом, рабочее население возрастает с огромной быстротой, быстрее, нежели потребность капитала в новой рабочей силе. Следствием этого является относительное *перенаселение*. Оно порождается, как мы видели, накоплением капитала, т. е. не *понижением* производительности труда, как утверждают экономисты, а её *повышением*.

Существование так называемого перенаселения, наличие *промышленной резервной армии* не только не тормозит, однако, развития капитала, но образует, начиная с известного момента, одну из его предпосылок.

Капитал представляет собой, как мы знаем, растяжимую величину. Чем больше развивается капиталистический способ производства, тем резче и в тем более обширных размерах происходят периодические расширения и сокращения капитала. Современная крупная промышленность, как уже указывалось во втором отделе, проходит своеобразное круговое движение, периодически повторявшееся до 1873 г. приблизительно через каждые десять лет. Это круговое движение начинается с умеренного хозяйственного оживления, быстро усиливающегося, затем наступает подъём, колоссальное и внезапное расширение производства, промышленная горячка, затем — крах, застой в деловой жизни, пока рынок не расширится в необходимой мере и не поглотит избытка товаров, после чего наступает снова оживление, и старая история повторяется сначала, но уже в большем масштабе.

Так обстояло дело в то время, когда Маркс писал свой «Капитал», появившийся впервые в 1867 г. Так обстояло дело и тогда, когда он писал послесловие ко второму изданию своего «Капитала» (24 января 1873 г.), в котором он указал на приближение общего кризиса¹.

Известно, как быстро и точно осуществилось это предсказание.

Но с кризисом, начавшимся в 1873 г., капиталистический способ производства как бы вступил в новую фазу. Если производительность крупной промышленности до тех пор столь быстро развивалась, что иногда опережала расширение мирового рынка, то теперь, казалось, наступило

¹ Охарактеризованный нами уже во втором отделе д-р Штегеман с ужасом замечает по поводу этого места: «Маркс без малейшего колебания (!) возвещает о быстро надвигающемся всеобщем кризисе» («Preussische Jahrbücher», LVII, стр. 227). В том месте, о котором идёт речь, Маркс говорит о «колебаниях пробегаемого современной промышленностью периодического цикла, апогеем которых является общий кризис» («Капитал», т. I, стр. 20).

Яснее нельзя выразиться. Однако это не мешает учёному доктору разуместь под кризисом, о котором идёт речь, *революцию*. Подобные же «недоразумения», выражаясь парламентским языком, всегда, однако, ведущие к тому, что Марксу приписывают всяческие ужасы, слишком часто случаются со многими учёными, которые читали или даже и не читали, но цитируют Маркса.

время, когда вследствие колоссальных успехов техники и огромного расширения области господства капиталистического производства, захватившего Россию, Америку, Ост-Индию, Австралию, мировой рынок лишь на короткое время и в исключительных случаях был в состоянии поглощать продукты мирового производства. Вместо десятилетнего цикла, в течение которого сменяли друг друга то умеренное оживление хозяйственной жизни, то лихорадочный рост производства, то кризис, то застой и новое оживление, — с 1873 г. наблюдался *хронический застой в делах, длительное затишье*, лишь в 1889 г. сменившееся улучшением в делах, короткой вспышкой спекулятивной горячки, которая вскоре прекратилась и уступила место ещё более резкому застою. Казалось, что более значительный «промышленный подъём» уже больше не наступит.

Однако такое опасение оказалось ошибочным. С 1895 по 1900 г. снова имел место период хозяйственного подъёма, притом столь мощного, что немало оптимистов было увлечено противоположным ожиданием: будто время кризисов вообще миновало.

Такое представление можно было уже заранее считать несостоятельным, так как при капиталистическом способе производства хозяйственный подъём необходимо должен кончаться кризисом, который в действительности вскоре и наступил.

Однако здесь важно указать лишь на временные расширения и сокращения капитала, а они происходят как во время хронического зстоя, так и в период десятилетнего цикла кризиса и промышленного расцвета.

Всякое такое временное расширение капитала порождает усиленную потребность в рабочей силе. Каким образом она удовлетворяется? Заработная плата повышается, а это, согласно теории экономистов, влечёт за собой размножение населения, и через 20 лет рабочее население становится достаточно многочисленным для того, чтобы капитал мог использовать благоприятную для себя конъюнктуру. Но ведь последняя продолжается всякий раз лишь несколько лет, а зачастую — лишь несколько месяцев!

К счастью для капитала, в действительности дело происходит иначе, чем по теории «железного закона заработ-

ной платы». Капиталистический способ производства, как мы видели, искусственно порождает избыточное рабочее население. Последнее представляет собой *резервную армию*, из которой капитал в любой момент может взять столько добавочных рабочих, сколько ему требуется. Без этой армии своеобразное, происходящее толчками развитие капиталистической крупной промышленности было бы невозможно.

Что стало бы с германской промышленностью, если бы она в начале 70-х, а также во второй половине 90-х годов не нашла столько «свободных рук», готовых к её услугам,— целых рабочих армий, которые она смогла бросить на постройку железных дорог, в новые каменноугольные копи, железные рудники и т. д.? Но эта резервная армия не только делает возможным внезапное расширение капитала,— она давит и на заработную плату. Она едва ли поглощается сполна даже и во время самого цветущего состояния промышленности. Вследствие этого заработная плата даже и во время наивысшего расцвета промышленности не подымается выше определённого уровня.

То, что кажется повышением и понижением количества населения, есть на самом деле лишь отражение периодического расширения и сокращения капитала. Если мальтузианцы требуют от рабочих, чтобы они размножались лишь в той мере, в какой могут найти себе занятие, то это означает, следовательно, что рабочие должны соотносить свою численность с изменчивыми потребностями капитала.

Мальтузианство основано на смешении изменчивых производственных потребностей капитала с производительной силой наличных средств производства. Это смешение всегда было нелепо, но особенно ясно это стало в последние два десятилетия. Земледельческие округа Европы страдают всё это время от перенаселения, порождённого избытком средств существования, конкуренцией американского, индийского и австралийского хлеба и мяса!

Однако, как бы нелепо ни звучали требования мальтузианства, они лишь отражают то положение, в каком рабочий находится в настоящее время по отношению к капиталу. Он — лишь придаток капитала. В процессе производства не он применяет средства производства, а они

применяют его. Но и вне работы, как мы видели, он принадлежит капиталу. Когда он потребляет, когда он поддерживает своё существование и производит потомство, он обязан это делать так, как того требуют интересы капитала. Рабочий находится под ярмом своего собственного продукта: он служит ему не только своей рабочей силой, но и всею жизнедеятельностью своего человеческого существа¹.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЗАРЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО СПОСОБА ПРОИЗВОДСТВА

Мы видели в предыдущих главах, как капитал постоянно вновь воссоздаёт предварительные условия своего собственного существования. Но ясно, что капитал не мог сложиться в своей классической форме, пока эти предварительные условия не достигли известной степени развития.

Какие же обстоятельства вызвали их появление? На этот вопрос мы ещё не дали ответа. Когда мы исследовали превращение денег в капитал, то исходили из того предположения, что, с одной стороны, во владении частных лиц оказались крупные денежные суммы, а с другой — на рынке стала продаваться рабочая сила как товар. Как рабочая сила стала товаром и как скопились эти денежные суммы, этого мы ещё не рассматривали.

Нам остаётся ещё сказать наиболее существенное по этому вопросу.

Накопление капитала означает воссоздание предварительных условий его существования. Первоначальное же возникновение этих предварительных условий, предше-

¹ Автор обрывает своё изложение на вопросе о промышленной резервной армии. Он опускает при этом важнейший вывод Маркса о росте абсолютного и относительного обнищания пролетариата в ходе капиталистического развития. «...Положение рабочего должно ухудшаться, какова бы ни была, высока или низка, его оплата... Накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, одичания и моральной деградации на противоположном полюсе, т. е. на стороне класса, который производит свой собственный продукт как капитал» («Капитал», т. I, стр. 651). — *Ред.*

ствовавшее развитию капитала, Маркс называет *первоначальным накоплением*.

На вопрос о происхождении капитала экономисты дают нам тот ответ, который у них всегда наготове, если они не знают или не хотят знать, как развивался этот процесс в действительности: они выдвигают *робинзонаду*. Последняя даёт им двойную выгоду, так как для её измышления не требуется никаких предварительных знаний, а кроме того, её всегда можно построить так, чтобы она доказывала всё, что желательно доказать.

Те робинзонады, которые пытаются объяснить происхождение капитала и привести его в согласие с ходячими правовыми представлениями, принадлежат к числу самых пошлых выдумок этого сорта. От рассказов, помещаемых в детских букварях, они отличаются лишь тем, что гораздо скучнее их¹. Это всё та же старая история об энергичном, прилежном и умеренном работнике, который стал капиталистом, и о бездельниках, легкомысленно прокучивавших всё своё достояние и в наказание за это осуждённых на веки веков со всем своим потомством в поте лица своего работать на добродетельного и его потомство.

В совершенно ином свете представится нам первоначальное накопление, если мы познакомимся с историей Европы начиная с XIV века. История эта имеет две стороны, но только об одной из них поведали народу либеральные историки.

Промышленный капитал не мог возникнуть без свободных рабочих, независимых от крепостной неволи и от

¹ Послушаем, например, *Рошера*: «Представим себе рыбацье племя, не имеющее частной собственности на землю и капитал, живущее нагишом в лещерах и питающееся морской рыбой, которая выбрасывается на берег приливом и которую представители этого племени собирают голыми руками. Пусть все работники будут здесь равны и каждый из них добывает и съедает по три рыбы в день. Но вот какой-нибудь умный человек в продолжение 100 дней ограничивает своё потребление двумя рыбами и употребляет собранный таким образом запас в 100 рыб на то, чтобы в течение 50 дней затрачивать всю свою рабочую силу на постройку лодки и изготовление рыболовной сети. С помощью этого капитала он ловит с этих пор по 30 рыб ежедневно» («Grundzüge der Nationalökonomie», Stuttgart 1874, т. I, стр. 423). На такого рода гнилую рыбу сбиваются все сказки о происхождении капитала.

цеховых уз. Ему нужна была свобода производства, освобождение от оков феодализма и опеки феодалов. С этой точки зрения борьба поднимающегося в гору капитализма выступает как борьба против насилия и привилегий, как борьба за свободу и равенство.

Только эту сторону истории всё снова и снова распиывают народу литературные защитники буржуазии. Мы не намерены умалять значение этой борьбы, особенно теперь, когда буржуазия сама начинает отрекаться от своего прошлого. Но из-за этой блестящей и гордой страницы истории нельзя забывать и *оборотной* её стороны: образования пролетариата и самого капитала.

Эта сторона освещена ещё далеко не полностью. Маркс основательно исследовал её в своём «Капитале» по отношению к *одной* лишь стране — *Англии*, родине капиталистического способа производства и единственной стране, в которой первоначальное накопление выступило в своей классической форме. Некоторые указания на этот процесс имеются и в «Нищете философии» (вторая глава, § 2).

Соответствующий процесс развития в Германии, к сожалению, можно проследить лишь в неполном виде, так как он был задержан и искажён перенесением торговых путей на восток, из бассейна Средиземного моря в бассейн Атлантического океана, а затем тридцатилетней войной и веками длившимся вытеснением Германии с мирового рынка.

Важнейшим препятствием, которое встретил на своём пути нарождающийся капитал, было наряду с цеховой организацией в городах общинное владение землёй, сосредоточенное в руках сельских общин, а иногда и более обширных объединений. Пока существовало общинное землевладение, не было пролетарских масс. К счастью для капитала, феодальное дворянство позаботилось об его интересах.

Со времени крестовых походов торговля и товарное производство развивались всё больше и больше. Возникли новые потребности в *товарах*, которые доставляла городская промышленность или городские купцы *за деньги*. Но богатство феодального дворянства основывалось на натуральных или личных повинностях крепостных крестьян.

Денег у него было мало. Оно старалось добывать грабежом то, чего не было в состоянии покупать.

Но государственная власть окрепла, и против феодального ополчения, наемного из мелкого дворянства, выступили наемные солдаты богатых городов и князей. Грабежи на больших дорогах стали невозможны. Феодалы старались выколотить из крестьян деньги, они доводили их этим до отчаяния — вспомним о крестьянских войнах, — но сами от этого мало выигрывали. Таким образом, благородные господа, желая вкушать новых наслаждений, мало-помалу решились стать сами *товаропроизводителями*, подобно горожанам, и добывать деньги производством сельскохозяйственных продуктов — шерсти, хлеба и т. п. — на *продажу*, а не только для *собственного потребления*, как в былые времена.

Это потребовало расширения их хозяйств, управление которыми перешло в руки управляющих, приказчиков или арендаторов. Но это расширение было возможно лишь за счёт *крестьянства*. Крестьяне, превращённые в крепостных, подвергались так называемому «холощению», т. е. они изгонялись из своих участков, которые присоединялись к землям, эксплуатируемым землевладельцами. Общинная собственность деревень, находившихся под верховной властью помещиков, была превращена в частную собственность последних, и это привело крестьян к полному разорению.

Особенно ходким сельскохозяйственным товаром была *шерсть* — в ней нуждалась текстильная промышленность городов. Расширение производства шерсти означало превращение пахотной земли в пастбища для овец и массовое изгнание крестьян с их земель. Это изгнание производилось как по закону, так и без закона, посредством экономического или прямого физического принуждения.

По мере того как росла городская текстильная промышленность, росло и число изгнанных со своих земель и обездоленных крестьян.

Далее, дворянство распустило своих многочисленных слуг, которые при новых условиях отнюдь не были орудием его силы, а лишь причиной его финансовой слабости. Наконец, в пользу капитала работала и реформация, которая не только превратила обитателей монастырей в проле-

тариев, но и передала церковные земли спекулянтам, согнавшим с этих земель их старых наследственных арендаторов.

Таким образом, большая часть сельского населения была освобождена от земли, от своих средств производства. Так было создано искусственное «перенаселение», возникла армия лишённых собственности пролетариев, вынужденных изо дня в день продавать свою рабочую силу, в которой нуждается капитал. Таким способом *феодалы* расчистили почву для капитала. Они доставили пролетариев сельскому и городскому капиталу и в то же время расчистили путь сельскохозяйственному товарному производству в крупных размерах — капиталистическому сельскому хозяйству.

Капиталистический характер, который с тех пор приняло сельское хозяйство в крупных поместьях, *не уничтожился* сохранившимися ещё различными формами крепостной зависимости, а только *искажился* ими. Тем комичнее видеть, как крупные землевладельцы пытаются в настоящее время разыгрывать роль класса, который *по самой природе* своей призван к защите рабочих от капитала и к установлению гармонии между ними.

Следствием многочисленных экспроприаций крестьянства было необычайное развитие бродяжничества в Западной Европе в XV и XVI веках. Оно угрожало захлестнуть общество, и это общество подвергало бродяжливших крестьян жесточайшим наказаниям кнутом, клеймением, отрезанием ушей и даже смертью.

Хотя таким образом было освобождено большее количество рабочих, чем мог поглотить капитал, всё же зачастую он не мог найти в необходимом количестве годных рабочих. В *мануфактурный* период капиталистический способ производства находился ещё в зависимости от рабочих, которые приобрели известную виртуозность в своих частичных операциях. Часто нужны были годы для достижения рабочим соответствующей выучки.

В то же время переменная часть капитала значительно превосходила постоянную его часть. Поэтому спрос на наёмный труд при каждом накоплении капитала быстро возрастал, тогда как приток годных рабочих рук рос лишь медленно. Искусные рабочие были не только редки и в

большом спросе: в их среде живы были традиции ремесла, когда подмастерье ещё стоял близко к мастеру и сам мог надеяться стать мастером. Наёмные рабочие обладали чувством собственного достоинства, были горды и непокорны; они не могли и не хотели подчиняться дисциплине и вечной монотонности капиталистического производства. Потребовалось вмешательство «высшей власти», чтобы создать рабочего, покорного капиталу.

Государственная власть выступила на защиту собственности от бродяг. Она поощряла превращение общинной собственности в частную. Маркс подробно рассказывает, как это произошло в Англии. Эта же власть выступила и тогда, когда потребовалось приучить рабочих к капиталистической дисциплине. Строгие указы устанавливали максимум заработной платы, удлинляли рабочий день и запрещали рабочие союзы.

Насколько всё это соответствовало духу борющейся в то время за «свободу» буржуазии, последняя показала, когда завоевала политическую власть во время французской революции. Она повела ожесточённую войну против остатков общинного землевладения, ещё сохранявшегося во Франции, и решительно запретила рабочие союзы.

Вместе с пролетариатом возник и внутренний рынок для капитала. Прежде каждая крестьянская семья сама производила всё, в чём нуждалась, — как средства существования, так и продукты домашней промышленности. Теперь дело изменилось. Средства существования стали производиться как *товары* в крупных поместьях, образовавшихся из общинной земли и отдельных крестьянских участков, и находили себе рынок в промышленных округах. Продукты капиталистической промышленности — в данную эпоху мануфактуры — находили себе сбыт у наёмных рабочих промышленности и крупных поместий, а также и среди самих крестьян.

Зачастую участки последних были слишком мелкими для того, чтобы поддерживать их существование. Земледелие для них стало побочным занятием, домашняя промышленность с целью собственного потребления отошла на задний план и уступила своё место такой домашней промышленности, которая стала производить товары для

капиталиста, для купца. Это одна из отвратительнейших и прибыльнейших форм капиталистической эксплуатации.

Мы видели, как возникли пролетариат и искусственное перенаселение, сделавшие возможным развитие капиталистического способа производства. Это развитие в свою очередь постоянно, во всё увеличивающихся размерах снова воспроизводит пролетариат и относительное перенаселение.

Но откуда же взялись те сосредоточенные в немногих руках богатства, которые были другой предпосылкой капиталистического способа производства?

Средневековые переняло от классической древности два вида капитала — ростовщический и торговый. Со времени крестовых походов в огромной степени выросли торговые сношения с Востоком, а вместе с тем — торговый капитал и его централизация в немногих руках. Упомянем здесь лишь о семье Фуггеров в Аугсбурге — этих немецких Ротшильдах XV и XVI веков.

Но ростовщичество и торговля не были единственными источниками тех денежных сумм, которые начиная с XV века во всё растущих размерах превращались в промышленный капитал. Маркс в своём «Капитале» указал и другие такие источники. Детали читатель найдёт в этом изложении, достойным образом венчающем блестящий исторический экскурс в область «первоначального накопления». Здесь же мы дадим только выразительными словами Маркса краткое резюме различных методов этого накопления:

«Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги к завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих — такова была утренняя заря капиталистической эры производства. Эти идиллические процессы составляют главные моменты первоначального накопления. За ними следует торговая война европейских наций, ареной для которой служит земной шар. Война эта начинается отпадением Нидерландов от Испании, принимает гигантские размеры в английской антиякобинской войне и теперь ещё продолжается в таких грабительских походах, как война с Китаем из-за опиума и так далее.

Различные моменты первоначального накопления распределяются между различными странами в известной исторической последовательности, а именно: между Испанией, Португалией, Голландией, Францией и Англией. В Англии к концу XVII века они систематически объединяются в колониальной системе, системе государственных займов, современной налоговой системе и системе протекционизма. Эти методы в значительной мере покоятся на грубейшем насилии, как, напр., колониальная система. Но все они пользуются государственной властью, т. е. концентрированным и организованным общественным насилием, чтобы ускорить процесс превращения феодального способа производства в капиталистический и сократить его переходные стадии. Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым. Само насилие есть экономическая потенция» («Капитал», т. I, стр. 754).

Предпоследняя фраза этой цитаты очень часто приводится, но большей частью отдельно от контекста. Кто продумает её в связи с предыдущим изложением, тот будет знать, как надо её понимать. К насилию, служившему повивальной бабкой капиталистического способа производства, принадлежит также и «государственная власть, концентрированное и организованное насилие общества»; но это не власть «государства в себе», парящего в облаках над классовыми противоречиями, а власть государства как орудия мощно поднимающегося класса.

Растущая пролетаризация населения, особенно крестьянского, и образование внутреннего рынка, с одной стороны, а с другой — накопление и концентрация крупных богатств наряду с возникновением внешних рынков, особенно благодаря торговым войнам и колониальной политике, — вот каковы были условия, наступившие в Западной Европе начиная с XV века. Эти условия способствовали всё более решительному превращению всего производства в товарное производство, а товарного производства — в капиталистическое. С тех пор раздробленные мелкие хозяйства крестьян и ремесленников стали постепенно уничтожаться и вытесняться крупными капиталистическими предприятиями.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

КОНЕЦ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО СПОСОБА
ПРОИЗВОДСТВА

Мы подходим к концу своей попытки дать, следуя Марксу, изображение капиталистического производственного процесса.

Мы видели, что *первобытный способ производства* основан на общественном, планомерно организованном труде и обуславливает *общественную собственность* на средства производства. Продукты, правда, распределяются и потому становятся личной собственностью, но лишь постольку, поскольку они составляют *предметы потребления* для отдельных лиц. В качестве же непосредственного результата общественного труда продукты прежде всего принадлежат обществу.

Этот способ производства вытесняется *простым товарным производством*, которое ведётся частными работниками, действующими независимо друг от друга. Каждый из них производит продукты с помощью своих собственных средств производства, и эти продукты составляют затем, разумеется, его частную собственность.

Но из простого товарного производства развивается *капиталистическое товарное производство*. Место независимо производящих отдельных работников занимают крупные концентрированные предприятия. Каждое из них производит товары независимо от других, но внутри каждое предприятие организовано как планомерное общественное производство. Так как эти крупные капиталистические предприятия противостоят друг другу как товаропроизводители, то в их взаимных сношениях продолжает господствовать обмен товарами и остаются в силе отношения собственности, присущие простому товарному производству, — частная собственность на средства производства и продукты.

Но тем самым частная собственность превращается в свою противоположность.

При простом товарном производстве частная собственность была следствием и плодом труда. Работник сам был собственником своих средств производства и своих продук-

тов. Капиталистическое производство разрывает связь между трудом и собственностью. Рабочий уже не является собственником своего продукта. Наоборот, средства производства и продукты принадлежат тем, кто не работает. Превращение производства в общественное производство на капиталистической основе всё более превращает тех, кто не трудится, в собственников всего богатства, а рабочих — в немущих.

Но этим не исчерпывается противоречие между господствующим способом производства и господствующим способом присвоения.

Мы видели, как просто и ясно было организовано производство в эпоху первобытного коммунизма и как им управляло общество по своему желанию и соответственно своим потребностям.

При системе товарного производства общественные производственные условия превращаются в силу, господствующую над отдельным производителем. Последний становится их безвольным рабом, и его положение становится тем более жалким, что новые господа не предписывают ему той или другой работы, не сообщают ему своих потребностей, а предоставляют ему их угадывать.

Производство подпадает теперь под власть законов, независимых от производителей и зачастую действующих против их воли, подобно законам природы. Законы эти осуществляются посредством периодических отклонений от нормального состояния, как, например, падение цен, дороговизна и т. д. Впрочем, при господстве простого товарного производства, низкой производительности раздробленных предприятий отдельных производителей эти отклонения, поскольку они вызываются причинами общественного характера, имеют мало значения и ограничиваются небольшими районами.

Капиталистический способ производства в огромной степени повышает производительность труда. Он освобождает от оков и даёт простор тем производительным силам, которые свойственны общественному, целесообразно организованному труду, заставляющему себе служить силы природы, покорённые наукой. В результате этого периодические отклонения от нормы, посредством которых осуществлялись законы товарного производства и которые

прежде приводили лишь к временным и местным затруднениям, легко переносимым, а зачастую и устранимым, теперь стали выражаться в периодических катастрофах, продолжающихся целыми годами, охватывающих целые страны и континенты и производящих ужаснейшие опустошения. Район и интенсивность этих катастроф растут вместе с капиталистическим производством, и теперь они, по видимому, превратились в хроническую болезнь.

Далее, в эпоху первобытного коммунизма продукт общественного труда принадлежит обществу и распределяется последним между отдельными лицами соответственно общественным потребностям; поэтому доля каждого возрастает вместе с ростом производительности труда.

При господстве товарного производства масса потребительных стоимостей, представляющих определённую стоимость, растёт вместе с производительностью труда. При простом товарном производстве продукт труда, как правило, принадлежит работнику. Он может сам потребить его полностью или частью; очевидно, в этом случае количество находящихся в его распоряжении предметов потребления растёт в той же мере, как и производительность его труда.

Но он может также обменять продукт своего труда целиком или частью; только небольшая часть продукта становится при простом товарном производстве товаром. За продукт определённого труда, который он выменивает, он получит тем больше потребительных стоимостей, чем выше в общем производительность труда. И здесь рост производительности труда идёт целиком на пользу работнику.

При капиталистическом товарном производстве рабочая сила сама является товаром, стоимость которого, как и всякого товара, понижается по мере роста производительности труда. Следовательно, чем больше производительность труда, тем меньшую относительную долю в его выгодах получает рабочий в виде цены рабочей силы. По мере же того как капиталистический способ производства становится преобладающим, всё большая масса населения превращается в наёмных рабочих и лишается, следовательно, возможности пользоваться плодами повышенной производительности своего труда.

Все эти противоречия неизбежно порождают конфликты между классом капиталистов и классом рабочих — конфликты, которые пробуждают классовое самосознание рабочих, толкают их к политической деятельности и вызывают возникновение рабочих партий во всех капиталистических странах. Но все эти обстоятельства порождают также и всевозможные страдания — и не только у рабочего класса, — страдания, которые делают невыносимым существующее положение вещей для всё более широких кругов, и не принадлежащих к классу наёмных рабочих.

Так всё толкает к разрешению противоречия, воплощённого в капиталистическом способе производства, — противоречия между общественным характером труда и отжившей формой присвоения средств производства и продуктов.

Только два пути мыслимы для разрешения этого противоречия. Оба они имеют целью согласовать между собой способ производства и способ присвоения. Один путь — уничтожение общественного характера труда, возврат к простому товарному производству, замена крупного производства ремеслом и мелким крестьянским хозяйством. Другой путь стремится приспособить не способ производства к способу присвоения, а способ присвоения к способу производства. Этот путь ведёт к общественной собственности на средства производства и продукты.

В настоящее время многие стараются повернуть ход развития на первый путь. Они исходят из ошибочного взгляда, будто способ производства можно установить по произволу при помощи юридических предписаний. Буржуазная вульгарная экономия, прислужница капитала, осуждает эти попытки там, где она ещё не дошла до окончательного упадка.

Сама она, однако, пытается идти подобным же путём. Чтобы доказать полную гармонию между господствующим способом производства и господствующим способом присвоения, она в своих изображениях экономической действительности оставляет в стороне своеобразные и существенные черты современного способа производства и рисует его так, словно бы оно было простым товарным производством. Стоит только прочесть популярные работы вульгарных экономистов. В них товары и теперь обмени-

ваются, как у диких народов. Охотники и рыбаки, свободно пользующиеся лесами и морями, изображаются в качестве наёмных рабочих, а лук и стрелы, лодка и рыбацкая сеть изображаются в качестве капитала¹.

Этот тип экономистов Маркс подверг в «Капитале» уничтожающей критике, но его работа не ограничивается разоблачением всей пошлости и фальши вульгарной экономии.

Маркса часто называют духом отрицания, который только критиковал и разрушал, но не был в состоянии создать ничего положительного.

Однако уже один очерк процесса капиталистического производства, который дал нам Маркс, показывает, что он

¹ Иллюзии, которые стараются возбудить эти господа, разрушаются примером колоний, обладающих девственной почвой и заселяемых переселенцами. Там господствует полная свобода трудового договора, собственность рабочего на свои продукты, т. е. на плоды своего труда — вообще мы находим там условия, которые наши экономисты выдают за условия капиталистического способа производства. Но странным образом капитал при подобных условиях перестаёт быть капиталом!

В таких колониях свободная земля имеется в избытке и всем доступна. Всякий работник обычно имеет там возможность вести производство самостоятельно, он не вынужден продавать свою рабочую силу. Вследствие этого всякий предпочитает работать на себя, а не на других. А раз дело обстоит так, то деньги, средства к жизни, машины и другие средства производства перестают быть капиталом. Они не приносят прибавочной стоимости. Поэтому те самые экономисты, которые в капиталистических странах с таким пафосом кричат о святости собственности и о свободе трудового договора, требуют, чтобы в молодых колониях в целях развития там капитала рабочим не давали земли и чтобы государственная власть содействовала иммиграции, даже за счёт ранее поселившихся там рабочих. Иными словами, они требуют насильственного отделения рабочего от средств производства и существования и искусственного создания избыточного рабочего населения, фактически не свободного, а вынужденного продавать свою рабочую силу. А где колонисты находят покорных работников — особенно из местного населения, — которым это можно навязать, там открыто вводят принудительный труд и рабство.

«Те самые интересы, которые заставляют экономиста, сикофанта капитала, теоретически обосновывать в метрополии тождество капиталистического способа производства с его собственной противоположностью, — эти же самые интересы побуждают его здесь *«to make a clean breast of it»* [очистить свою совесть в этом отношении] и громко провозгласить противоположность этих способов производства» («Капитал», т. I, стр. 768—769).

на самом деле создал новую экономическую и историческую систему. Критика предшественников составляет только обоснование этой системы.

Нельзя преодолеть старого, не поднявшись самому на новую и более высокую точку зрения. Нельзя критиковать, не приобретя более глубокого познания. Нельзя разрушить какую-либо научную систему, не создав предварительно другой, более всеохватывающей и превосходной системы.

Маркс первый раскрыл фетишистский характер товара. Он первый показал, что капитал — не вещь, а *отношение, опосредствованное вещами*, он показал, что капитал является *исторической категорией*. Он первый исследовал законы движения и развития капитала. Он же первый показал, что цели современного социального движения представляют собой естественный и необходимый результат из предыдущего исторического развития, а не образуются произвольно в головах людей в виде требований какой-то «вечной справедливости».

С той точки зрения, на какую поднимает нас Маркс, мы не только видим, что все попытки вульгарных экономистов лживо изобразить современные отношения как патриархальные и простые столь же тщетны, как и попытки превратить патриархальные отношения в современные. Мы видим также, что единственный путь, который остаётся для дальнейшего развития общества, — это приведение формы присвоения в соответствие со способом производства, переход средств производства в собственность всего общества, полное превращение производства из частного в общественное. А вместе с этим начинается новая эпоха человеческой истории¹.

¹ Этот переворот совершается социалистической революцией пролетариата, свергающей власть буржуазии и устанавливающей диктатуру рабочего класса. Учение о диктатуре рабочего класса — главное в марксизме. Экономическое учение Маркса является наиболее глубоким и всесторонним обоснованием необходимости пролетарской революции и диктатуры рабочего класса. Всем ходом капиталистического развития пролетариат готовится к выполнению своей исторической миссии могильщика капитализма и создателя нового, высшего, социалистического общества. По мере развития капитализма растёт и возмущение «рабочего класса, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства»

Место анархического товарного производства занимает планомерная и сознательная организация общественного производства. Господству продукта над производителем наступает конец. Человек, ставший во всё большей степени господином над силами природы, тогда станет также господином общественного развития. «И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в значительной и все возрастающей степени и те следствия, которых они желают. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы» (Ф. Энгельс, *Анти-Дюринг*, 1953, стр. 267).

(«Капитал», т. I, стр. 766). Раскрывая историческую тенденцию капиталистического накопления, Маркс писал: «Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьёт час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют» («Капитал», т. I, стр. 766). Гениально предвиденная Марксом социалистическая революция победила в 1917 г. в СССР. Диктатура рабочего класса, руководимого Коммунистической партией, привела нашу страну к победе социализма. После второй мировой войны народы ряда стран Европы и Азии, в том числе великий китайский народ, освободились от ига капитализма и перешли на путь социалистического развития. В этих странах победил народно-демократический строй, являющийся одной из форм диктатуры рабочего класса. Марксизм-ленинизм учит, что в современную эпоху в результате коренных сдвигов в пользу социализма на международной арене вполне закономерно, что формы перехода отдельных стран к социализму будут в дальнейшем всё более разнообразными.—Ред.

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства	3

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

ТОВАР, ДЕНЬГИ, КАПИТАЛ

<i>Глава первая. ТОВАР</i>	6
1. Характерное отличие товарного производства	—
2. Стоимость	16
3. Меновая стоимость	26
4. Обмен товаров	30
<i>Глава вторая. ДЕНЬГИ</i>	33
1. Цена	—
2. Продажа и покупка	38
3. Обращение денег	41
4. Монета. Бумажные деньги	43
5. Прочие функции денег	45
<i>Глава третья. ПРЕВРАЩЕНИЕ ДЕНЕГ В КАПИТАЛ</i>	50
1. Что такое капитал	—
2. Источник прибавочной стоимости	54
3. Рабочая сила как товар	57

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ

<i>Глава первая. ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА</i>	62
<i>Глава вторая. РОЛЬ КАПИТАЛА В ОБРАЗОВАНИИ СТОИМОСТИ</i>	69
<i>Глава третья. СТЕПЕНЬ ЭКСПЛУАТАЦИИ РАБОЧЕЙ СИЛЫ</i>	74
<i>Глава четвертая. ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ И ПРИБЫЛЬ</i>	79
<i>Глава пятая. РАБОЧИЙ ДЕНЬ</i>	96
<i>Глава шестая. ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ МЕЛКОГО ХОЗЯИНА И ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ КАПИТАЛИСТА</i>	109

<i>Глава седьмая. ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ</i>	113
<i>Глава восьмая. КООПЕРАЦИЯ</i>	117
<i>Глава девятая. РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА И МАНУФАКТУРА</i>	123
1. Двойное происхождение мануфактуры. Её элементы: частичный рабочий и его орудие	—
2. Две основные формы мануфактуры	126
<i>Глава десятая. МАШИНЫ И КРУПНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ</i>	131
1. Развитие машины	—
2. Перенесение стоимости машин на продукт	139
3. Ближайшие действия машинного производства на рабочего	141
4. Машина как «воспитательница» рабочего	150
5. Машина и рынок труда	155
6. Машина как революционизирующий фактор	161

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА И ПРИБЫЛЬ НА КАПИТАЛ

<i>Глава первая. ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА</i>	170
1. Изменения в величине цены рабочей силы и прибавочной стоимости	—
2. Превращение цены рабочей силы в заработную плату	174
3. Повременная плата	176
4. Поштучная плата	180
5. Национальные различия в заработной плате	182
<i>Глава вторая. ДОХОД С КАПИТАЛА</i>	185
<i>Глава третья. ПРОСТОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО</i>	187
<i>Глава четвертая. ПРЕВРАЩЕНИЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ В КАПИТАЛ</i>	191
1. Как прибавочная стоимость становится капиталом	—
2. Воздержание капиталиста	194
3. Воздержание рабочего и другие обстоятельства, влияющие на размер накопления	197
<i>Глава пятая. ПЕРЕНАСЕЛЕНИЕ</i>	200
1. «Железный закон заработной платы»	—
2. Промышленная резервная армия	204
<i>Глава шестая. ЗАРЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО СПОСОБА ПРОИЗВОДСТВА</i>	216
<i>Глава седьмая. КОНЕЦ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО СПОСОБА ПРОИЗВОДСТВА</i>	224

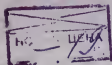
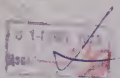

3 p. 85 к.

THE
HISTORY OF THE
CITY OF
NEW-YORK
FROM
THE
FIRST
SETTLEMENT
TO
THE
PRESENT
TIME
BY
JOHN
B. HENRY
AND
JOHN
C. HENRY
NEW-YORK
PUBLISHED BY
JOHN B. HENRY
AND
JOHN C. HENRY
1854